

ДЖЕННИ НИОТКУДА:

ПОВЕЛИТЕЛЬ ОГНЯ

Подарок Ветроу

Annotation

В мире, где правят маги, нелегко приходится простой девушке, акробатке из странствующей труппы. Тем более, если с труппой случается ТАКОЕ! Но пока есть хотя бы призрачный шанс, Дженни не сдастся.

Лужа была холодной, как взгляд ростовщика. Дженни заметила несколько льдинок, светящихся в темноте красным — в склизкой поверхности отразилось пламя. Даже странно, что Дженни едва чувствовала холод, лежа в грязной воде.

С треском догорали обломки фургона, разбросанные на десятки шагов. Чадили вороха сценических костюмов, дрожащие огоньки обрисовывали груды обугленной соломы, исходили дымом тлеющие доски, а отсветы огня то выхватывали из тьмы картину разгрома, то снова позволяли милосердной ночи укрыть догорающее счастье Дженни.

В подсвеченной красным темноте проступили движущиеся фигуры — несколько человек бродили, прикрывая лица рукавами и полами плащей, на них блестел полированный металл. Силуэты дрожали и расплывались, ныряя в облака дыма. Время от времени эти люди что-то говорили, и в голосах не угадывалось ни удивления, ни ужаса перед произошедшим. Городская стража, поняла Дженни, это стража. Для них то, что случилось на площади — просто работа.

Она по-прежнему лежала в ледяной воде и не хотела подниматься. Если встать, позвать солдат, привлечь к себе внимание — значит, придется участвовать в этом равнодушном хождении среди чадящих обломков фургона и обгоревших тел. Отвечать на какие-то вопросы, заданные спокойными голосами. Нет уж, лучше лужа.

Одна из темных фигур прервала движение и остановилась неподалеку. Стражник прикрывал лицо полой плаща, а другой рукой махал перед собой — разгонял дым.

— Ничего не понимаю, — прохрипел он.

Какой умный, подумала Дженни, сразу ухватил самую суть! Стражник опустил руку и чихнул. В багровом свете Дженни разглядела его лицо — совсем молодой, с тонкой ниточкой черных усов под покрасневшим носом. Глаза стражника слезились от дыма, он стал тереть их кулаками.

— Ничего не понимаю, — повторил стражник, — что может так жарко пылать? Здесь же и сейчас дышать невозможно!

— Мало ли, что бродячие артисты возят в своих фургонах! — перехваченным голосом ответил другой солдат.

Он пошевелил кучу углей дровком алебарды, куча развалилась, выбросив облачко искр, на стражника пахнуло жаром, и он торопливо отбежал в сторону.

Рядом с Дженни растаяла последняя льдинка, расплылась чистым круглым пятном среди подернутой мелкой черной золой воды.

Затопали копыта, в дрожащее дымное марево вплыл громоздкий силуэт, со скрипом отворилась дверца кареты. Фигуры в дыму задвигались живее, собираясь к карете. Под копытом лошади что-то сломалось с громким треском, на миг полыхнуло пламя, в стороны полетели тлеющие обломки. Во вспышке проступил бок кареты — тускло поблескивающий темной сталью, пересеченный рядами заклепок.

Один из отлетевших обломков шлепнулся в лужу рядом с Дженни, она невольно подскочила и тут же окунулась в удушающий жар. Пока оставалась в ледяной воде, не чувствовала, как здесь горячо. Наполненный копотью раскаленный воздух словно прилип к щекам, глаза заслезились. Дженни закрыла лицо ладонями, прохладными после ледяной

ванны.

Стражники столпились у кареты, где в подсвеченном изнутри прямоугольном проеме показался вновь прибывший — невысокий коренастый человек. Должно быть, большое начальство, потому что стражи порядка не спускали с него глаз. Так что и Дженни никто не заметил, кроме молодого стражника с черными усами, он неуверенно оглянулся на карету, но потом все же решился и подошел к Дженни.

— Сударыня, вы живы? Вы из этого фургона?

— Ага, — только и смогла просипеть девушка. Теперь и она терла глаза кулаками, с которых текла грязная вода.

Стражник торопливо скинул плащ и набросил на плечи Дженни. Тем временем важный приезжий заметил их и быстро отдал приказ солдатам бежать на дальний край пепелища, где нужна помощь. А сам выбрался из окованной стальными листами кареты и заторопился к Дженни, пристукивая тростью по углям. Из-под его тяжелых ботинок летели икры, и зола закручивалась крошечными мутными вихрями. Приблизившись, он воровато огляделся, будто хотел убедиться, что подчиненные, которых он отослал, не успели заметить Дженни. Те сбежали очень поспешно, из чего Дженни заключила, что невысокий господин обладает большой властью. Вон как все спешат исполнить его приказ!

— Сержант, это девушка из труппы? Из числа пострадавших?

— Так точно, господин префект!

— Веди ее в мою карету. И запомни: ты ее не видел! Никто не должен узнать, что у нас есть свидетель.

Сержант с усиками осторожно обнял Дженни и увлек к карете. Рука у него была твердая, Дженни очень хорошо чувствовала прикосновение сквозь промокшую ткань плаща, и при других обстоятельствах ей, наверное, было бы приятно, что ее нежно поддерживает такой красивый молодой человек в таком блестящем нагруднике и при таких черных усах... а еще более вероятно, что Дженни — при других-то обстоятельствах — смутилась и постаралась бы отстраниться. Но сейчас ей было все равно. Ну, почти что все равно.

Она послушно побрела с сержантом, а грязная вода, стекая с одежды под чужим плащом, на угли, шипела, пузырилась и тут же обращалась в облачка пара. Если бы не эти холодные струйки, она бы не смогла дойти до кареты по дымящимся углям.

Кони, запряженные в бронированную карету, фыркали и качали головами в клубах дыма, один нервно переступил копытами, карета немного сдвинулась, и черноусый сержант поддержал Дженни под локоть, помогая взобраться. Из дыма выплыл коренастый префект и поторопил Дженни:

— Быстрее, быстрее, сударыня! Тебя никто не должен видеть! Сержант, ты тоже! Живо за мной! И захлопнешь дверь! Живее!

Внутри ничего не было — только масляный светильник под потолком да широкие скамьи — потемневшее от времени дерево под грубой обивкой. Стены — все та же сталь, тускло отсвечивающая под лампой, и ровные ряды заклепок. Сержант с грохотом затворил дверцу, и сразу стало прохладнее. Он усадил Дженни на скамью, по знаку префекта устроился рядом. Начальник плюхнулся на скамью напротив, пристукнул тяжелой тростью и подался вперед, вглядываясь в Дженни.

Она только теперь разглядела как следует, кто здесь распоряжается. Префект был немолод, даже можно сказать, старик. Дженни все мужчины старше сорока казались стариками, а этот и подавно. Седой, морщинистый, очень широкий в плечах, зато

небольшого роста. Седые волосы и заметная плешь, блестящая в тусклом свете. Под колючим взглядом префекта Дженни стало немного не по себе, она откинулась назад, насколько позволяла ширина лавки, и плотнее запахнула чужой плащ, на котором уже проступили влажные пятна.

— Я префект Северо-Западного округа, мое имя Эдуард Квестин, — назвался старик. — Вся здешняя стража подчиняется мне, и я буду искать преступников, напавших на тебя нынче ночью. Это понятно? Ты должна быть со мной правдива и ничего не утаивать. Потому что я представляю закон, и я — твоя единственная защита. Помоги мне, и я помогу тебе. Как твое имя, дитя? Кто ты и откуда?

— Дженнифер, — промямлила Дженни. — Ниоткуда.

Дженнифер из... откуда она? Дженнифер ниоткуда. Этого, возможно, не стоило произносить вслух. На всякий случай она покосилась на черноусого сержанта. Все-таки это был симпатичный молодой человек, такие всегда приходят на помощь попавшей в беду девице... и, в конце концов, он ведь уже предложил ей плащ! Но молодой человек молчал, глядя в забранное решеткой окно кареты.

А префекта устроил и такой короткий ответ. Он кивнул. Потом помолчал, продолжая буравить свидетельницу колючими бесцветными глазками.

— Итак, дитя, рассказывай, что случилось с тобой вчера? — после паузы потребовал префект. — Я хочу услышать все от начала до конца, с самого утра. Рассказывай немедленно, пока события свежи в твоей голове.

И Дженнифер начала вспоминать. Вчера был очень длинный день.

Часть 1. В Тени Вулкана — Глава 1. Очень длинный день

Благовоспитанные девушки не показываются на людях без юбки. Благовоспитанные девушки не путешествуют на крыше фургона. Они сидят дома и томно вздыхают, уставившись в окошко.

Дженнифер не знала другого дома, кроме фургона Папаши Бурмаля, она любила лежать на крыше этого громоздкого сооружения, разглядывая проплывающие облака, что, конечно, и в голову бы не пришло такому занудному существу, как благовоспитанная девушка. И, между прочим, что касается юбки — хорошо бы выглядела эта самая благовоспитанная, танцующая в юбке на канате. И вся ревущая галдящая толпа стала бы пялиться снизу. А Дженни именно этим и занималась — расхаживала по канату над площадью, где выступал Папаша Бурмаль со своими детками.

Сейчас он направлялся в великий и славный Эверон, столицу государства. Дженни увидит Вулкан, увидит дворцы Повелителей Огня, увидит порт, где швартуются корабли со всего света... выкусите, благовоспитанные девушки — вам никогда в жизни не увидите чудес Эверона в ваше занюханное окошко. Для созерцания чудес крыша фургона гораздо лучше приспособлена. Да и сама повозка Папаши Бурмаля могла показаться чудом. Громоздкое двухэтажное сооружение скрипело, покачиваясь на ходу, но исправно катило, увлекаемое четверкой лошадей, и оставляло позади милю за милей. Этот фургон был домом Дженни, сколько она себя помнила — ее и всех остальных. Странствующий актер Папаша Бурмаль подбирал брошенных детей на дороге, и семья росла. Дженни была последней, младшей.

Они были семьей, они были труппой бродячего театра Бурмаля, и спроси любого — каждый сказал бы, что прекрасней жизни быть не может! Людям нравились представления, но много заработать не удавалось ни разу — ровно столько, чтобы запасть всем необходимым для следующего перехода. Но сейчас Папаша обещал, что удача наконец-то улыбнется им так, что лопнут щеки. Он написал новый спектакль, который просто не может не пользоваться успехом, и по такому случаю им нужно двигаться в столицу, в Эверон. Уж там-то шальные деньги сами текут в карман.

Поэтому Дженни, лежа на крыше фургона и качая ногой, свесившейся с краю, разглядывала облака и мечтала о чудесах Эверона, которые вот-вот предстанут перед ней. Внизу, под ней проплывали кроны приземистых деревьев, верхушки придорожных столбов с почерневшими досками, на которых уже невозможно было прочесть название города. Да и зачем читать? Здесь все дороги ведут к Эверону.

Болтающуюся в пустоте пятку Дженни пощекотали. На такой высоте достать ее ногу мог бы разве что тролль, но Дженни даже не глянула, кто это такой рослый. Она и так знала. — Ну, ой, — лениво сказала она, подтягивая ногу.

В освободившийся край настила вцепилась рука, потом другая, и наконец показалась ухмыляющаяся физиономия Эрика. Он был чуть старше Дженни, Папаша принял его в семь месяцев несколькими месяцами раньше. Эрик с Дженни, младшие, всегда держались вместе. Брат подтянулся, протискиваясь в тесное оконце второго этажа фургона, и выбрался на крышу — именно таким способом сюда попала и Дженни. Улегся рядом и так же уставился в небо.

— Как ты думаешь, — спросил он, — война скоро?

— У мальчишек на уме только война, — заявила Дженни, — что, мечтаешь записаться в войско?

— Я бы записался, — вздохнул Эрик, — но как вас бросить? Вы же без меня пропадете! Да я и не успею поспеть в битву. Наши быстро разделяются с южными варварами. А я попаду в какой-нибудь далекий гарнизон, да так и останусь в нем гнить. Нет, это мне не подходит. Эй, что там за шум?

— Это плашатаи выкликают, где здесь великий герой Эрик Непобедимый? Его ждут в армии, без этого могучего воина лорды не решаются выступить против Погонщиков Ветра, — съязвила Дженни.

Эрик сел и уставился на дорогу, Дженни тоже приподнялась на локте. Дорога пересекала ручей, впереди был мост. А под мостом орали тролли. Вернее, орал один, громко и напористо, он ревел словно горный обвал, а другой тролль бубнил невнятно и гулко — как будто перекачивал валуны. Потом спорщики показали из-под моста. Дженни поняла, что более громкий — хозяин моста, он прогоняет второго.

— Вали, вали! — рычал великан, — это очень маленький мост, и я отлично справляюсь здесь сам! Не нужны мне помощники! Это мой мост! Отцовский-дедовский! Я сам его в порядке содержу, понял?

Папаша Бурмаль натянул поводья, и лошади встали у края мостового настила. Местный тролль не соврал — мост он содержал в полном порядке, сооружение выглядело крепким и аккуратным. Пришлый великан понуро попятился, когда хозяин моста полез по откосу к фургону — принимать плату за проезд. Папаша полез под облучок, вытащил каравай, завернутый в полотенце. Разломил пополам, взвесил получившиеся куски и протянул смотрителю моста тот, что побольше.

Тролль одобрительно хрюкнул, откусил здоровенную порцию, любовно провел рукавом по перилам, смахивая пыль, и затопал вниз, пережевывая хлеб. Бурмаль подумал и разломил пополам оставшуюся у него краюху. Вручив кусок бродячему троллю, он посоветовал:

— В столицу иди, в Эверон! Там мужчин забирают в армию, понадобятся работники взамен мобилизованных. Если люди не врут, война вот-вот разразится, значит, работы для сильных рук прибавится.

— Спасибо, — растерялся тролль, получивший неожиданный подарок.

— Во имя Трохомора, — буркнул Бурмаль.

Трохомором звали бога дорог, бродяг и попрошаек. В фургоне его чтили, а Папаша не забывал творить милостыню его именем. Колеса загрохотали по мосту, а тролль зашагал рядом, поддерживая вежливый разговор с Папашей. Сперва они говорили о скорой войне, но потом перешли на скучные темы вроде состояния дорог, порядка содержания мостов, видов на урожай... Дженни перестала прислушиваться, а потом над горизонтом зажглось алое зарево — дорога приближалась к Эверону.

Дженни ткнула локтем Эрика, и они вдвоем уставились на Вулкан, растущий над той точкой горизонта, где серая лента дороги таяла среди полей и перелесков.

***

Предместья Эверона разочаровали Дженни — обычные дома и обычные люди, ничем не лучше, чем в других городах, которых детки Бурмаля объехали немало. Зато улица поднималась по склону вверх, пока что полого, но чем дальше, тем круче. А впереди, там,

где она, змеясь, скрывалась среди желтых и красных черепичных крыш, вздымались склоны Вулкана.

Гора выглядела точно так, как и представляла себе Дженни. Серые утесы подставляли плечи сверкающим, словно рубины, вилам Повелителей Огня. Стекло и хрусталь, подсвеченные изнутри красным, в живописном беспорядке разбросанные по склонам, создавали великолепную картину — мрачную, но очень притягательную. Истинное чудо! Стоило проделать путь в тысячу миль, чтобы полюбоваться этой красотой.

Но Папаша Бурмаль привез свой театр в Эверон вовсе не для того, чтобы любоваться здешними красотами. Он, вопреки обыкновению, сделался суетливым и раздражительным. Заставил младших слезть с крыши и сидеть смиренно внутри фургона, который медленно тащился по извилистым улицам окраины. Папаша сворачивал несколько раз, вот и все, что поняла Дженни, глядя в окошко. С крыши она бы увидела куда больше, но сейчас было неподходящее время показывать приемному отцу характер.

Наконец они остановились, и пассажиры высыпали наружу. Фургон стоял посередине широкой площади, утыканной высоченными столбами. С некоторых свешивались канаты, в других торчали гвоздями, чтобы легче взбираться. Дженни отлично знала назначение таких столбов — они стоят там, где часто проводят ярмарки и всевозможные празднества, между ними натягивают канаты. Только здесь столбов было очень много! Площадь Тысячи Столбов, всплыло в памяти название. Точно, это она и есть! Значит, здесь им предстоит давать представление.

Дженни с Эриком отправились поглядеть на столбы поближе, ведь по ним придется взбираться не раз и не два. Старшие детки Бурмаля, Пьер, Сейша и Анна, занялись лошадьми, а Папаша отправился договариваться с местным смотрителем. За право выступать на площади Тысячи Столбов нужно платить.

— Видела, как Папаша бесится? — спросил Эрик. — У нас совсем худо с монетой. Он волнуется, наскребется ли в его кошельке на плату за постой. А ведь будет еще немало расходов!

Троль увязался за фургоном — похоже, он растерялся среди такого количества человечков, снующих вокруг него. Сейчас он расхаживал между столбами, которых здесь, конечно, было меньше тысячи, но все-таки порядочно. При этом троль не решался отойти от фургона дальше, чем на тридцать шагов. Он то и дело косился на Папашу, потом робко предложил помочь с обустройством. Троль боялся остаться один среди незнакомцев. Если его смущала «тысяча» столбов на пустом поле, то перспектива оказаться среди тысяч и тысяч незнакомых маленьких человечков повергала его в растерянность. В дороге он храбрился, а тут вдруг оказалось, что он не готов. Просто не готов! Ему требовалось время, чтобы пообвыкнуться...

Бурмаль встал перед троллем, широко расставив ноги и уставился на простодушную рожу великана снизу. Хозяин труппы был довольно крупным мужчиной, он умел произвести впечатление и выглядеть значительной персоной. Однако на фоне тролля, который был втрое выше, Бурмаль смотрелся скорее комично — толстый, с буйной черной бородой, в аляповато скроенном ярком костюме.

— Ладно, — решил Папаша, — оставайся. Уж один-два вечера я тебя прокормлю, хотя ты и слишком велик. Постараюсь помочь тебе найти заработок раньше, чем у меня выйдут припасы. Я бы тебя усыновил так же, как и остальных, да только в фургон ты не поместишься.

Тролль стал неловко благодарить и твердил, что ест он совсем немного. Бурмаль поднял толстую лапу, которая на фоне ручищ тролля казалась почти изящной:

— Ладно, ладно, я же вижу, как ты косишься на лошадей, когда им сыплют овес! Я сам люблю покушать и не вижу в этом ничего плохого. Не нужно стыдиться того, что естественно и правильно. Помоги ребяткам натянуть канаты и развесить флаги, рост у тебя для этого подходящий. А я пройду по делам. До моего возвращения слушайся Пьера и постарайся не затоптать никого из моих деток. Эй, мелюзга, за мной!

Он звал Дженни и Эрика. Старшие оставались готовить декорации для спектакля, а младшим, полагал Папаша, есть смысл поглядеть на столицу.

Прежде всего они свернули к домику на краю площади Тысячи Столбов. По дороге Папаша толковал, что в столице всему есть цена, даже пустому месту. Вот и здесь имеется смотритель, который принимает плату за право давать представления. Сперва нужно переговорить с ним. И Папаша направился к домику, помахивая свернутой в трубку афишей.

Смотритель, тощий мрачный тип, конечно, видел, что на площади появились гости, он уже торчал у своей сторожки, поджидая представителя труппы.

Бурмаль принял самый независимый вид и окликнул:

— Эй, почтеннейший, тебе невероятно повезло!

— Ты думаешь, меня удивят твои трюки? — кисло осведомился смотритель. — Я, знаешь, не деревенщина какая, я на этой службе столько актеров повидал...

— Конечно, — Папаша остановил его брюзжание величественным взмахом ладони. Он стер с лица улыбку и вмиг стал задумчивым, даже печальным. — Ты сидишь здесь давным-давно, повидал немало нашего брата, странствующих актеришек, и смыслишь в нашем ремесле побольше любого театрального критика. Я о другом. Тебе повезло, что я не при деньгах. Мне заботы, а тебе сплошная прибыль.

Смотритель поразился такому невиданному парадоксу и уставился на Папашу.

— Так вот, — серьезным тоном продолжал тот. — Денег я раздобуду, не сегодня, так завтра, но вынужден заплатить тебе за терпение. И это останется между нами. Держи для начала это!

Удивленный таким подходом смотритель безропотно принял несколько мелких монет. Затем Папаша величественным жестом протянул ему афишу:

— Будь любезен, повесь на самом видном месте. Чем больше народу явится на сегодняшнее представление, тем скорее я с тобой рассчитаюсь сполна.

Смотритель смолчал, что должно было означать согласие. Он развернул афишу и стал разглядывать картинку. Рисовала ее Анна, и Дженни очень нравился результат, там была вся труппа, даже она, Дженни. Правда, совсем маленькая, потому что далеко — на канате над всеми. Но неважно, что маленькая, ведь это же была она!

— Я думал, ты будешь разыгрывать перед ним этакого весельчака, — сказал Эрик, когда домик смотрителя остался позади, и они зашагали по улице, — ну, там... смеяться, сыпать шуточками, хлопать по плечу и все такое.

— Как бы не так, — вздохнул Папаша. — Весельчака перед ним разыгрывают девять из десяти. Сам прикинь, как они надоели этому малому, со всеми их дурацкими ужимками, смешочками и дружескими похлопываниями. Нет, нет, в нашем ремесле выживают те, кто предложит публике что-то новое. Ну, плату за постой на Тысяче Столбов мы внесем позже, смотритель подождет... Но нам в самом деле необходимо раздобыть денег. Сегодня на представление придет немного народу. Нужно продержаться до тех пор, пока слухи о

спектакле разойдутся по Эверону. Ну, а теперь постарайтесь не отставать. Тех, кто потеряется, съедят живьем!

Они свернули на другую улицу, и Дженни поняла смысл последней фразы. Здесь былолюдно и... толкливо. Десятки людей сновали по мостовой в обе стороны, отскакивали перед проезжающими повозками в последний миг, оборачивались, ругали возниц, те, в свою очередь, покрикивали на прохожих... Столица!

И дома здесь были совсем другие, не те, которые Дженни разглядела в окно фургона на окраине. Эти повыше, побогаче, но все-таки — ничего особенного, такие можно увидеть где угодно, они не достойны возвышающегося над ними Вулкана. Взгляд Дженни то и дело обращался к серой громаде горы, усеянной рубинами вилл.

Вулкан, возносящийся над крышами, притягивал ее взгляд. Интересно, как живут лорды Повелители Огня, о чем мечтают, чем занимаются на протяжении дня, какие блюда готовят им придворные повара... и какие платья шьют их дамам? Дженни глядела на Вулкан больше, чем под ноги. Тот, кто привык ходить над площадью по канату, умеет держать равновесие, не плясь вниз. И эта привычка сыграла с ней злую шутку. Дженни замечталась, глядя на сияющие окна дворцов над городом и взвизгнула, когда под ноги попало что-то живое и мягкое. Серо-оранжевый неопрятный ком метнулся из-под башмаков, запищал, застрекотал, скаля мелки зубки и сверкая круглыми черными глазками.

Дженни отпрыгнула за спину Папаше, разглядывая диковинное существо. Сгорбленное, покрытое серой шерстью, оно сердито потирало отдавленную лапу и шевелило усами на вытянутой морде. Ростом это мохнатое уродство, когда не сутулилось, было больше трех футов.

Только потом Дженни заметила, что на улице суетится не меньше десятка таких крысоподобных тварей. Все они были в оранжевых жилетах и выглядели очень деловитыми. Низко склонившись, шарили тощими лапами по мостовой, сгребали, подбирали, таскали в рот и тут же пережевывали, так что усы ходили вверх и вниз.

— Дженни, не отставай, — позвал Папаша, — не то потеряешься. Что там такое? А, этс ратлер. Ничего, идем, идем.

— Я тоже едва не наступил, — поддакнул Эрик, чтобы ободрить сестру, — они здесь сами под ноги лезут.

Потом, семеня следом за мужчинами, Дженни заметила, что на ратлеров то и дело кто-нибудь натывается. И никого это беспокоит — идут себе дальше, не обращая внимания на писк нелюдей. Она припомнила: племя ратлеров жило издавна у подножия Вулкана, а когда под властью Повелителей Огня Эверон разросся и стал большим городом — эти существа ушли под землю, в городскую канализацию.

Оглянувшись, она увидела, что ратлер, которого она невольнo обидела, уже вернулся к работе и не глядит вслед. Это несколько успокоило.

— Ратлеры служат городу, убирают отходы, — пояснил Папаша. — Эверонцы научились их не замечать. Даже шутят: если ты увидел ратлера на улице, значит, ты не местный. Бедняги носят яркие жилеты, но не помогает! Так что не смущайся и шагай живее. Я уже чую запах денег.

Произнося эти слова, он азартно вертел головой, его ноздри раздувались, словно впрямь пытались среди всевозможных ароматов улицы уловить названный запах. Папаша искал ломбард. Дженни это понимала, не задавая вопросов, потому что история повторялась не раз. В фургоне имелась одна-единственная по-настоящему большая ценность, золотой диск

на цепочке с красивой гравированной звездой из серебра. Несколько необычно — украшать золото менее ценным серебром, но это ювелирное изделие невесты почему сделали именно таким. Звезда, восемь тонких и стройных лучиков, словно светилась на фоне благородного золота, и в целом вещь производила сильное впечатление. Что-то в ней было завораживающее, гипнотическое.

Папаша никогда не говорил, откуда у него такая диковина. Эрик утверждал, что этот медальон он нашел с кем-то из малышей, которых собирал у обочины в своем бесконечном странствии. Кому именно принадлежит этот предмет? Они никогда не обсуждали, потому что все, принадлежащее одному, являлось достоянием семьи. Вот этот баснословно дорогой медальон Папаша отдавал в заклад, получая ссуду, когда фургон прикатывал в новое место. Потом, заработав на выступлениях, они выкупали серебряную звезду и, прибыв в новое место, снова отдавали в заклад.

Папаша именовал такой процесс «извлечением медяков из золота», и именно этим собирался заняться. Оставалось отыскать приличное заведение, ссужающее под залог. Вот поэтому они стремились к центру, проталкиваясь сквозь снующих горожан и обходя копошащихся в грязи ратлеров. Бурмаль хотел занять денег в приличном респектабельном заведении, благо заклад имел солидный.

Когда-то Пьер спросил, почему нужен именно богатый ломбард. В богатом меньше риск, ответил тогда Папаша. Владельцы мелких заведений на окраине могут оказаться наводчиками местного вора. Да у них и монет-то не сыщется под такое обеспечение!

Чем дальше от окраины, тем круче становился подъем, чище мостовые и богаче фасады домов. И Папаша вертел головой все быстрее. И вот он заметил вывеску: «Дрейкензер и компаньоны. Ссуды под залог». Вывеска была высечена в полированном зеленом камне, вмурованном в фасад весьма солидного строения, буквы позолочены. По правде говоря, здание больше напоминало крепость, чем городской дом. Это Папаше явно понравилось, и он, резко свернув, устремился к входу. Эрик и Дженни, поторопились и успели настичь его у самой двери.

Бурмаль решительно толкнул дверь и шагнул в полутемный зал. На взгляд Дженни, здесь было слишком богатое убранство, и она слегка смутилась из-за своего скромного наряда. Пол, выложенный каменными плитами — отполированными так тщательно, что они казались натертыми воском. Стены, наоборот, отделаны грубо тесаными панелями, должно быть, им полагалось наводить на мысль о пещере. У дальней стены за массивным столом восседал бородатый гном. Перед служащим расставлены инструменты его ремесла — весы, набор гирек, мерный шнур с узелками, толстенные книги, чернильница... и дополнял это разнообразие здоровенный боевой топор с острейшим лезвием, которое тускло отсвечивало под лампами.

— Чем могу быть полезен? — неприветливо осведомился гном.

— Чем может быть полезен служащий такого заведения? — пожал плечами Бурмаль, нависая над столом. Эрик встал рядом с ним, а Дженни держалась сзади. Уж очень неприветливо глядел на них суровый бородач за столом. — Мне нужна ссуда.

— Сумма?

Бурмаль назвал. Дженни показалось, что Папаша смущен, он глядел в сторону и бормотал негромко. Совсем не похоже на самоуверенного громогласного Бурмаля.

— Залог? — все так же кисло спросил гном. — Мы солидное заведение, благотворительностью не занимаемся.

Папаша с тяжелым вздохом выложил на стол свое сокровище. Он знал, что медальон стоит куда больше, чем деньги, о которых он просил неприветливого коротышку. А тот разгреб кучу мерных приспособлений и вытащил большой стеклянный диск, выпуклый с обеих сторон. Неторопливо навел этот предмет на медальон и тщательно изучил, потом перевернул и так же оглядел обратную сторону — должно быть, высматривал клеймо.

— Ну, ладно, — изрек он наконец. — Если принять во внимание наш обычай всегда идти навстречу клиенту, то... пожалуй, стоимость этой штучки более или менее близка к запрошенной сумме. Но почему мне знать, что она не ворованная?

Папаша сердито хрюкнул в бороду, сгреб медальон со стола, сунул в карман и развернулся к двери, да так порывисто, что Дженни невольно отскочила в сторону, чтобы не оказаться у него на пути. Эрик тут же оказался рядом и обдряюще подмигнул — но украдкой, чтобы гном не заметил.

— Не спеши, — шепнул он в ухо Дженни, — мы никуда не уходим.

Эрику уже приходилось сопровождать Папашу в подобные вылазки, а Дженни до сих пор — нет. Она даже слегка растерялась: так долго искали ломбард, а Бурмаль уже наладился уходить. Значит, снова бродить по этим шумным улицам? Но Эрик подмигивал очень уверенно.

И в самом деле, Папаша не успел сделать и шага к выходу. Гном, сбросив маску неприветливости, вылетел из-за стола и ухватил его за рукав.

— Постой, погоди! Так дела не делаются!

— А как они делаются? — теперь уже Папаша разыгрывал роль. Притворялся рассерженным. — Я же не спрашиваю, не собрался ли ты всучить мне фальшивые монеты! Нет уж, выслушивать оскорбления я не намерен! Вот уж где я не ждал подобного обращения! В знаменитом «Дрейкензере и компаньонах»! Вот и верь теперь слухам, что это приличное заведение! Не ворованная ли! Моя фамильная реликвия! Которая в семье уже двенадцать поколений! Да если бы не заминка в делах, я не стал бы даже выносить ее из дома! Даже вынимать из сундука не подумал бы!

Гном уже извинялся, и бормотал о своей нервной работе, на которой приходится иметь дело с разными людьми, и не всякий раз клиенты столь же почтенные, как Папаша Бурмаль, который осчастливил... да-да, именно осчастливил «Дрейкензера и компаньонов» своим визитом. Но Папаша не унимался, его возмущение не знало границ. Потребовалось немалое время, пока обидчивый клиент наконец сдался и согласился снова говорить о ссуде. К концу беседы сумма займа заметно выросла, а срок выплаты превысил все мыслимые пределы. Во всяком случае, так показалось Дженни.

Гром несколько раз просил снова показать ему медальон, вертел его, разглядывал сквозь выпуклое стекло, взвешивал, тер толстыми пальцами... но в конце концов они с Бурмалем ударили по рукам, и гном раскрыл толстенную книгу, чтобы внести в нее запись о сделке. Пока шел спор, а ломбард вошло еще несколько человек, но им пришлось ждать. Похоже, гном вошел в азарт и теперь считал делом чести заключить договор. В этом-то и было дело, для этого Папаша затеял игру.

На улице Бурмаль шумно выдохнул и вроде расслабился.

— Вредный самодовольный народец! На редкость противная порода! — объявил он. — Иметь с ними дело — одно удовольствие. Гномы предсказуемы.

Дженни надеялась, что теперь они вернутся к фургону, ведь денег у них теперь достаточно, чтобы рассчитаться со зрителем Тысячи Столбов. Но не тут-то было.

Бурмаль снова устремился к центру города. Дженни, уже совсем растерявшаяся в этой толпе, не знала, на что и смотреть. И фасады здесь были причудливо украшены, и наряды на прохожих диковинные, и суеты больше.

Вот несут паланкин, и шагающий впереди глашатай покрикивает на прохожих, требуя дать дорогу. Вот какая-то дама в роскошном платье подбирает подол, переступая лужицу. Вот ратлеры снуют под ногами, а трое, вооружившись изогнутыми железками, поднимают плоскую плиту среди булыжников мостовой, а под плитой чернеет глубоченная дыра... И только Вулкан возвышался над всеми, по-прежнему далекий, невозмутимый и подавляюще-огромный.

Дженни ощутила, как ее захватывает ритм толпы, она показалась себе крупинкой соли, брошенной в воду — вот-вот растворится в городе, толпе, крике и толчее. Похоже, и Эрик почувствовал что-то в таком роде, потому что пробормотал:

— Если здесь такие улицы, то что же происходит на рынке?

Казалось, странствию не будет конца. Но вот Папаша свернул к зданию, перед которым толпа была особенно густой.

— Ага! — бросил он через плечо. — Вот то, что нам нужно!

***

Дженни, торопясь за ним, едва успела окинуть взглядом фасад здания, выкрашенный желтой краской и вывеску: «Зоркий глашатай». Странное название, подумала она, входя за Бурмалем и Эриком в дверь. Она успела спросить брата:

— Что это, гостиница или кабак?

— Газета! Газетная редакция!

Дженни надеялась, что внутри будет поспокойнее, чем на улице, но куда там! По коридорам сновали люди, их было слишком много, и все спешили, хлопали дверями, толкали друг друга...

Тут уж Дженни не выдержала и вцепилась в рукав Эрика, крича ему на ухо:

— И ты держи меня! Если выпустишь, я погибла! Затопчут!

К Папаше обращаться было бесполезно, он целеустремленно продвигался сквозь толчею в поисках чего-то, понятного ему одному. Отыскал какую-то дверь, пинком распахнул ее и ввалился внутрь. Дженни приготовилась к худшему. Если улица была слишком шумной, а коридоры этого странного дома оказались еще хуже, то уж за дверью точно скрывается нечто ужасное. Но... к ее удивлению там был лишь один человек. Более того — этот не носился и не орал, а спокойно восседал за столом, заваленным сломанными перьями, бумагами и всевозможными канцелярскими принадлежностями. Он чем-то неуловимо напоминал гнома из «Дрейкензера и компаньонов», что было странно, ибо этот незнакомец был тощим, долговязым, а перед ним не валялся боевой топор. Вскоре Дженни поняла, что у них было общего с гномом — Бурмаль явился сюда, чтобы заключить сделку.

Начался отчаянный торг, смысла которого Дженни не понимала. Конечно, она слышала о такой штуке, как газета, и понимала, чем занимаются в редакции. Но до сих пор не приходилось иметь дело... Бурмаль требовал, чтобы газетчик сделал какое-то объявление о спектакле, воспевающим и прославляющим грядущую победу Эверона. Однако все, что он

говорил, не устраивало человека за столом. Тот задал несколько вопросов о содержании спектакля... Наконец решил:

— Я пришлю своего сотрудника на представление, он посмотрит и напишет необходимый текст.

— Мне это обойдется дороже, верно? — тут же насторожился Папаша.

— Вообще-то, это должно оплачиваться отдельно, — согласился газетчик, — но для тебя я сделаю исключение. Я сам приду, вот что! И сам лично ознакомлюсь с этой постановкой. Эверону давно уже нужно что-то в таком духе. Патриотическое и прекрасное! Бодрое и зовущее! Я давно говорю: Повелители Огня погрязли в своих интригах и не думают о поддержании силы духа в народе, копошащемся у подножия Вулкана. Мы стоим на пороге войны, но народ утратил патриотический порыв.

— М-да, — неопределенно буркнул Бурмаль. — Народ это такая штука, которая постоянно что-то утрачивает, копошась у подножия Вулкана...

— Искусство пробудит в массах силу и готовность к самопожертвованию во имя Родины! — повысил голос тощий газетчик. Он не слушал ответов и говорил так, будто выступает перед большим собранием. — Если спектакль мне понравится, я посвящу ему целую серию очерков. Народ Эверона ждет от нас новых идей!

— И, конечно, мне народные нужды обойдутся в звонкую монету, — поддакнул Бурмаль. — Интересно, почему я, приезжий, должен платить за это?

— Из патриотизма, исключительно из патриотизма! — вдохновенно произнес газетчик. Он встал из-за стола, на глазах преображаясь. На бледных впалых щеках вспыхнул пламенный румянец, глаза засверкали. — Но послушай, сейчас я возьму с тебя по обычному тарифу. Первая полоса, иллюстрации, почет и внимание! Если спектакль мне понравится, то гарантирую скидку. «Зоркий глашатай» — влиятельное издание, мы будем добиваться, чтобы тебе предоставили право показать свое искусство в городском театре. Это тебе не площадь Тысячи Столбов, там плату за вход берут! Но одно условие.

— Ну? — кисло спросил Бурмаль. — Его сияющие перспективы почему-то не воодушевили.

— Мы заключим соглашение: в случае успеха о твоём спектакле пишу только я. Никому, кроме «Зоркого глашатая» ты не скажешь ни слова.

— И обычный тариф за статью? — уточнил Папаша.

— Еще скидка пять процентов, если спектакль мне понравится. Я давно ищу что-то... — газетчик щелкнул сухими желтыми пальцами. — Что-то новое и значительное. Город протух. А ты новый человек с новыми идеями.

— Я новый человек с деньгами, — буркнул Папаша, вытаскивая кошелек, наполненный гномом в «Дрейкензере и компаньонах». — Во всяком случае, был таковым, пока не явился сюда, в редакцию.

У Дженни голова шла кругом от этих разговоров. Какие еще свежие патриотические идеи? Какой театр? И какие, Трохомор помилуй, интриги Повелителей Огня? Какое до всего этого дело им — бродячим актерам? Но Папаша говорил очень серьезно. Дженни умела определить, когда он разыгрывает роль, а когда не притворяется. Сейчас Бурмаль говорил вполне откровенно.

Когда сделка состоялась, и актеры покинули редакцию, Дженни с удивлением поняла, что больше не теряется на улице. Она уже освоилась настолько, что рискнула выпустить рукав брата и догнать шагавшего впереди Бурмаля. После суеты и криков в редакции улица

ее больше не пугала. Похоже, впечатления превысили порог восприятия Дженни, крупинка соли растаяла в воде, город растворил пришлицу.

— Папаша, — спросила Дженни, — а что ты вообще сделал? Ты же отдал все наши монеты! А их хватило бы на оплату по крайней мере недели выступлений!

— Почти все отдал, — согласился Бурмаль. — Но если нам повезет, я заручился союзником. Здесь газеты имеют большое влияние, а этот тип из «Зоркого глашатая» задумал поставить на наш театр. Понятия не имею, что у него на уме, но я его заинтересовал! Хвала Трохомору, нашему высочайшему покровителю, теперь не только он, старенький, будет за нами присматривать. Теперь их будет двое — Трохомор и «Зоркий глашатай»!

Дженни бы расспросила еще, но все-таки улица, хоть и перестала ее пугать, оставалась неподходящим местом для беседы. А Бурмаль пребывал в радостном возбуждении, он мог бы еще долго расписывать, насколько ловкий ход он сейчас совершил. Он говорил и говорил, однако Дженни все равно не понимала, какой смысл в газете. Папаша резко остановился, и юные спутники едва не влетели в его широченную спину.

— Я считаю, детки, что мы успешно справились и заслужили небольшой отдых! — заявил Папаша и устремился к двери, выкрашенной в зеленый цвет.

Над дверью красовалась вывеска, тоже зеленая, с силуэтом четырехлистного клевера, под которым валялась, задрав лапы кверху, черная кошка. Называлось заведение незамысловато: «Удача», так гласила надпись над клевером и кошкой — и вне всяких сомнений являлась трактиром. Именно это и соответствовало папашиним представлениям о небольшом отдыхе.

Эрик с Дженни переглянулись и издали тяжелый вздох. Оба по молодости лет не пили хмельного, и папашину страсть к выпивке... ну, не то, чтобы осуждали, а просто не понимали. Однако приходилось терпеть.

«Удача» оказалась первым и даже единственным местом в Эвероне, которое не поразило Дженни. Наконец-то совершенно обычное заведение! Уж трактиров-то странствующие актеры повидали немало, и этот ничем не отличался от десятков и десятков других, какие фургон Папаши Бурмаля миновал в своем бесконечном странствии. Самые заурядные столы, за которыми очень привычная публика. Выпивохи с красными носами и щеками, дородный трактирщик за стойкой, мастеровые, пересчитывающие медяки на черных ладонях... и воришка. Также очень знакомая путешественникам порода. Жизнь в дороге научила Дженни мгновенно выделять в толпе представителей этого ремесла. Вот он — пристроился в темном углу, медленно-медленно потягивает пиво и высматривает жертву.

Глаза Эрика вспыхнули — он решил позабавиться. Подергав Бурмаля за рукав, он указал взглядом на типа в углу и спросил:

— Папаша, можно?

Приемный отец с недовольством придержал шаг. Он уже устремился к стойке, и любая задержка вызывала у него досаду.

— Ладно, — буркнул он, — вы себя хорошо вели, детки. Развлекитесь. Только недолго, у нас нынче еще много работы.

— Да он уже допивает свое пиво! — весело ответил Эрик. — Сейчас начнет!

И обернулся к Дженни:

— Ты со мной? Или только посмотришь?

Дженни кивнула — мол, помогу. Они отошли в сторону. Папаша потребовал кружку пива и в их сторону не глядел. Тем временем воришка сделал последний глоток и

направился к стойке. Он уже наметил жертву — грузного мужчину в замызганном фартуке и с квадратным красным лицом. Похоже, трудится в лавке неподалеку и решил сделать перерыв — заскочить в «Удачу» хлебнуть пивка. Выбор воришки был очевиден: краснолицый дядька торопится, поэтому не так внимателен.

Когда злодей покинул тень, Дженни разглядела его как следует. Таких типов лучше запоминать, мало ли как с ним еще столкнешься! Лучше знать его в лицо. Тем более, если говорить о лице, то тут и запоминать-то нечего! Маленькая остренькая мордочка, впалые щеки и тонкие бледные губы. Ну и глубоко посаженные крошечные глазки. Сейчас эти глазки, не отрываясь, следили за краснолицым детиной в фартуке. А тот жадно хлебал пиво большими глотками. Это была вторая его кружка, и он вот-вот должен был уйти.

Эрик с Дженни разошлись в стороны, как будто они не вместе. Дженни стала озираться с растерянным видом, как будто не понимала, где находится и как ее занесло в такое место. Эрик оказался за спиной воришки в тот самый момент, когда он вытянул кошель, заткнутый краснолицым сзади под завязки фартука. Проделав этот трюк, преступник попятился, Дженни сделала неловкий шаг в сторону, столкнулась с ним и испуганно пискнула, прижимая ладони к щекам. Воришка вздрогнул — он же собирался тихо-тихо прокрасться к выходу и никому не попасться на глаза, пока краснолицый лавочник допивает свое пиво.

Эрик аккуратно вытянул из его кармана кошель краснолицего, ловко ссыпал монеты в свой карман и бросил пустой кошель к ногам жулика.

— Ой, простите, я такая неловкая! — Дженни, изображая конфуз, взяла воришку за рукав. — Из-за меня вы кошелек выронили! Вот он на полу!

— А... э... — воришка выдернул рукав из пальцев Дженни, и тут заметил, как краснолицый лавочник с грохотом опустил опустошенную кружку на стойку и развернулся в его сторону.

Дженни, указывающая на кошелек, оказалась точно перед ним. И уж свой-то кошелек он не мог не узнать.

Его широкая красная ладонь полезла за спину — туда, где кошельку полагалось находиться. Убедившись в том, что его обокрали, лавочник взревел и бросился к воришке, тот попытался ускользнуть, но Дженни была между ним и дверью, преступник метнулся в сторону, вывернулся было из-под лапиц краснолицего... и споткнулся. Даже не успев сообразить, обо что это зацепилась его нога, он полетел на пол. Лавочник сгреб его за шиворот и одним махом выдернул в воздух, так что башмаки преступника заскребли по полу.

Несколько человек, оказавшихся рядом, отшатнулись, другие, наоборот, придвинулись ближе или встали из-за столов, чтобы лучше видеть, как лавочник будет бить пойманного злодея. А тот уже ревел вовсю, тряся пойманного злодея:

— Весперова задница! Где мои деньги, скотина?! Кошелек пуст! Куда ты успел прибрать монеты?!

Папаша Бурмаль допил пиво и двинулся к выходу, расталкивая любопытных. Эрик с Дженни догнали его на улице.

— Похоже, мне понравится столичная жизнь, — брэнча монетами в кармане, заявил Эрик.

— Он тебя не сильно задел, когда ты подножку ставил? — спросила Дженни.

— Ерунда!

Эрик осмотрел вывески по обеим сторонам улицы, потом, ловко протискиваясь между спешащими горожанами, устремился к лавке. Вернувшись, вручил Дженни местное

лакомство — красный леденец, формой напоминающий язык пламени.

— Это называется: «Закуска Повелителя Огня», — сообщил он и показал кулек. — Я всем купил.

***

На площади Тысячи Столбов уже собралась толпа. Слух о новой трупке, явившейся в Эверон, успел облететь ближайшие кварталы, стали собираться зеваки. Откуда-то появились два десятка служителей в одинаковых серых камзолах, они окружили фургон и не давали любопытствующей публике приблизиться. Это было очень кстати, потому что готовить сцену сподручнее, когда никто не суется под руку.

К удивлению Дженни, распорядился серыми камзолами не кто иной, как невзрачный сутулый смотритель, которому Папаша сунул денег. Оказывается, этот скромно выглядящий человечек — большая шишка! Как непросто устроена жизнь столицы!

Бурмаль с юными спутниками миновал цепочку охраны и подошел к фургону. Там уже все было готово для выступления. Немногословный и сдержанный Пьер — старший из деток Бурмаля, как всегда, мало говорил и успевал много сделать. Откинутый борт фургона превратился в сцену, над ней были натянуты канаты, украшенные яркими флажками, Анна поправляла складки занавеса, а Сейша выдувала пробные трели из медного рожка, готовясь сопровождать музыкой выход действующих лиц на сцену. Над всеми возвышался тролль, смущенный и подавленный. Застенчивого великана пугала толпа.

— Он отлично помог, — кивнул в его сторону Пьер. — Послушный, понятливый и скромный. Молодец, Борд!

— Борд? — спросил Папаша. Он, хотя и долго беседовал с троллем в пути, так и не удосужился узнать его имя.

— Бордоймогоркимбах, — пояснил тролль. — Но можно и Борд. Я знаю, что короткие существа предпочитают короткие имена

Гигант застенчиво улыбнулся. А Пьер обернулся к Дженни:

— Ты не подумай, что мы забыли. Он только помог натянуть канаты, а узлы затягивали мы сами. Хотя лучше проверь.

— Угу, — кивнула Дженни, скинула туфли и полезла на столб, чтобы посмотреть, насколько надежно закреплены тросы. Из ее рта торчала палочка Закуски Повелителя Огня, а на языке с леденца растекался сладкий вкус столицы.

Эрик протянул брату и сестрам кулек, они расхватили угощение, а Бурмаль забрал у него остатки добычи карманника, и отправился на переговоры к смотрителю площади Тысячи Столбов. Близился вечер, со столба Дженни видела, как люди идут и идут к фургону. Похоже, у них уже сегодня будут зрители! Обычно первое выступление после приезда на новое место проходило почти без публики, но ведь это столица, славный Эверон!

Глава 2. Вечер очень длинного дня

Глава 2. Вечер очень длинного дня

Железная карета остановилась. Префект Квестин встал и велел сержанту с черными усиками:

— Побудь с девушкой. Я скоро.

Он отворил тяжелую проклепанную дверцу и выбрался наружу. Дженни слышала, как он сказал кому-то:

— Я домой. Сержант Кубер едет со мной. Когда олухи вернутся с места преступления, пусть аккуратно разберут улики и ничего не сломают. Завтра я осмотрю. Да, и отрядить утром кого-нибудь в редакцию «Зоркого глашатая». Материал о выступлении этого бедняги, Бурмаля, в завтрашний номер не пускать. Все, что касается сделки, приготовить для меня. Квитанцию об оплате этой заметки, черновик, деньги, уплаченные заказчиком за публикацию — все это поступает в распоряжение городской стражи. Редактор упрется, так с ним без церемоний! Все перечисленное должно быть завтра же у меня на столе. И никому не трепаться о том, что случилось на Тысяче Столбов. Это очень строго. Ты меня понял?

— Так точно, господин префект, — прогудел низкий хриплый бас.

Дженни поглядела на сержанта, который, как и она, прислушивался к разговорам начальства.

— Все будет хорошо, — с деланной уверенностью заявил он, перехватив взгляд спутницы. — Несчастья уже закончились.

— Как бы не так, — вздохнула Дженни. — Все будет очень плохо.

Но ей было приятно, что этот приятный молодой человек попытался ее утешить. При свете лампы, висящей под низким потолком кареты, она разглядела его как следует. Очень симпатичный и мужественный. В нем ощущалась твердость, которой всегда недоставало Эрику, легкому и непостоянному, словно ветерок. Но Эрик был мальчишкой, а разводы сажи на лице сержанта только подчеркивали его взрослую твердость.

Префект вернулся, занял прежнее место напротив Дженни и кивнул:

— Продолжим.

***

На Эверон опустился вечер. Небо здесь было не синим, а скорее желтоватым — сказывались испарения Вулкана. Закат окрасил столичное небо в оранжевые оттенки, а горящая огоньками окон гора отбрасывала на город громадную тень. На сцену вышел Бурмаль. Оглядел зрителей. Да здесь же человек триста, не меньше, удивилась Дженни. Когда они выступали в провинции такое количество людей на площади считалось бы очень приличной аудиторией! А что же будет завтра, когда выйдет газета и когда эти, первые зрители, разнесут по кварталам слухи о театре?

— Итак, мы начинаем! — проревел Папаша, и галдеж в толпе стих. — Сегодня вы станете первыми зрителями нашей потрясающей воображение постановки! Ручаюсь, вам не приходилось видеть ничего подобного! Я намерен показать вам свой спектакль

«Торжествующее пламя», и это будет незабываемо!

Последовало несколько жидких хлопков. Толпа была настроена скептически, ведь они же столичные жители, и чтобы удивить их, этому фигляру придется продемонстрировать нечто в самом деле потрясающее. Не то полетят огрызки яблок, а то и камни. Бурмаль это отлично знал, но держался уверенно.

— Дождемся темноты и начнем, — продолжил он. — Я хочу, чтобы вы, мои друзья, получили полную порцию удовольствий, а для этого нужны световые эффекты. Немного терпения, и вы увидите, что я прав. Что стоило немного повременить. А пока, дабы почтеннейшей публике не скучать, мы покажем несколько обычных номеров. Ничего особенного, просто чтобы не терять время. Пьер!

На сцену выступил Пьер, он жонглировал ярко размалеванными булавами. Мелькающие над помостом пестрые пятна складывались в странные узоры. Дженни, уже успевшая переодеться в просторные холщовые рубаху и брюки, доходящие до середины икр, пробежала над помостом по канату. Почти все зрители отвлеклись от работы Пьера и поглядели на нее. Это было хорошим знаком — значит, когда нужно, они отвернутся от сцены.

Когда стало темнее, Сейша протяжно протрубила в свой рожок, и Дженни снова вскарабкалась на столб. В сумерках ее было плохо видно снизу, и зрители задирали головы, чтобы разглядеть получше. Дженни пересекла пространство между столбами, и на сцене вспыхнул свет — на смену булавам в руках Пьера появились горящие факелы. И это было уже гораздо интереснее — они плясали в темноте, а в центре пламенного хоровода оставалось неподвижным невозмутимое лицо жонглера. И зрители не роптали в ожидании главного представления. Им, пожалуй, очень даже понравилось.

Когда Папаша счел, что уже достаточно стемнело, он подал знак Пьеру. Снова протрубил рожок, факелы на сцене мигом погасли — все одновременно. Зрители ахнули. Вроде бы, ничего особенного Пьер не сделал, но мгновенное исчезновение пляшущих огней выглядело впечатляюще. И тут же пляшущие огоньки появились в небе, над толпой — это Дженни зажгла фонарики, подвешенные на шнурках, и пошла над зрителями. Она не могла жонглировать, шагая в темноте по невидимому тросу, фонарики просто раскачивались в движении, но и это оказалось ловким ходом, зрители одобрительно зашумели. Теперь хлопали гораздо громче и дружнее.

Дженни шла медленно — из осторожности, и чтобы дать время Анне, которая готовила сцену. Вот и столб. Дженни погасила свои огоньки, и зажегся яркий свет над откинутым бортом фургона. Он выхватил из тьмы занавес, на котором был намалеван морской берег. Тяжелые складки раскачивались, это Анна их тянула, а зрители видели, как волнуется море, набегающее на пустынный берег.

Появился Папаша в потрясающем гриме — он изображал Погонщика Ветра. На голове парик с торчащими во все стороны патлами, грязными, серыми, словно пересыпанными песком, обширное брюхо обтягивал халат, на котором были нашиты сотни ленточек. Анна, спрятавшаяся у края сцены, помахивала веером, и ленточки развевались, словно Бурмаль своим движением поднимал ветер. Зрители завопили от восторга — не так-то и много было нужно этой столичной публике.

Папаша хрипло проревел свой монолог: Погонщики Ветра никому не покоряются, они берут все, что захотят, а хотят они все, на что упадет взгляд! И земли, которых они достигли, будут принадлежать им. Никто не может противиться ветру!

Декорации позади Погонщика содрогнулись от такой перспективы, теперь уже не только море, но и берег трясся от страха. Сейша снова затрубила, теперь звук рожка был высоким и чистым — и вот из темноты возник Эрик. Тонкий, гибкий и стройный, он казался легким и не вовсе не грозным по сравнению с массивным Бурмалем, но двигался с грацией танцора.

— Этот берег принадлежит нашему великому Отечеству! — провозгласил он. — Мы пересекли бурные моря и ветер не смог остановить наши суда! Мы, Повелители Огня, стоим здесь! Это наша земля, и пусть ветер несет тебя куда подальше!

Эрик взмахнул полой плаща, подкладка была красной, и алое сияние окутало его фигуру. Зрители одобрительно зашумели. Дальше последовал монолог Повелителя Огня, из которого явствовало, что лорды Вулкана построили свои колонии на побережье Гранделина ради процветания народа Эверона, и так положила судьба, чтобы отсвет алых окон их дворцов лег на эти земли навеки.

Бурмаль возмутился, в толпе осуждающе засвистели, когда он стал грозить юному лорду. Эрик гордо ответил на его угрозы... Дженни прихватила мешочки с песком и побежала по канату к своему месту над сценой. Села, сплела ноги и поймала равновесие. Канат под ней дрожал и еще завибрировал, когда зрители разразились аплодисментами, среди которых особенно мощно гремели шлепки каменных ладоней тролля. Борд глядел представление вместе со всеми, и был очень доволен.

Потом Эрик объявил, что коли спор невозможно разрешить миром, как это водится среди цивилизованных правителей, то пусть будет война! Эверон отвержен миру, но если мирные средства исчерпаны, то Повелители Огня покажут свою силу. И грянула битва! Бурмаль размахивал широкими рукавами, Анна махала веером, Сейша трубила, Дженни, раскачиваясь над головами зрителей в темноте, швыряла песок горстями, а Пьер, используя красное стекло и воронку из полированного олова, пускал пламенные лучи света из-за спины Эрика — Повелителя Огня. И морской берег трепетал, пока шло это великое сражение, и песчинки вертелись в урагане, поднятом веером Анны, превращались в огненные искры, когда попадали в красные лучи от лампы Пьера.

Беспощадное пламя победило ураганы Погонщика, он рухнул на колени, он стал отползать, издавая жалкие вопли... Эрик эффектным движением заставил свой плащ взвиться, словно стяг победы. Зрители выли и топали ногами. Наконец красное пламя померкло, и Эрик поставил ногу на поверженного Бурмаля. Битва окончилась! Эверон отстоял свои владения за морем, варвары-южане были разгромлены и длань Повелителей Огня по-прежнему простиралась над колониями.

Папаша выждал немного, чтобы зрители успели излить свой восторг. Когда шум толпы немного стих, он поднялся и отряхнул песок с балахона. Дженни свернула опустевшие мешочки и осторожно встала. Это успех! Папаша не ошибся, поставив на кон все, что имела труппа. По Эверону поползут слухи о чудесном спектакле, завтра будет еще больше зрителей, потом еще больше, потом еще и еще! И, кто знает, вдруг тощий сотрудник газеты не соврал? Что, если он устроит им выступление в театре, где берут деньги за вход?

Пробираясь по канату к столбу, Дженни сверху отлично видела, как летят медяки в шляпы, которые проносят среди зрителей Сейша и Анна.

Бурмаль с Эриком, взявшись за руки, вышли к краю сцены и поклонились, с их нарядов посыпался песок. Папаша произнес свой обычный заключительный монолог — о том, что всегда мечтал найти подобную публику, что он счастлив встретить здесь ценителей

настоящего искусства. Сказал несколько слов об истории труппы, объяснил, что актеры — это сироты, которых он подобрал на дороге, что он сам обучил этих талантливых детей и преподавал им все, что знал. Что вверяет судьбу сирот щедрости жителей славного Эверона и надеется, что они расскажут соседям о представлении на площади Тысячи Столбов.

Под конец Бурмаль, который ничего не забывал, рассказал о тролле, который пристал к ним по пути в столицу:

— Он славный малый, я уверен, что из него может выйти толк! Я бы взял его в фургон так же, как и остальных. И в конце концов из этого славного великана получился бы самый великий актер в мире! Великий, я имею в виду размеры, поймите меня правильно! Но, увы, добрейший Борд не поместится в фургоне! Я обращаюсь ко всем, не найдется ли для этого малого работенки? Ему не много-то и нужно, только кормежка и местечко, где можно преклонить голову. Он не нуждается даже в крыше! Кто желает заполучить в работники это доброе сердце и мощные руки?

Толпа снова оживилась. Кто-то выкрикнул:

— Я давно собирался прикупить ослика, чтобы вертел ворот на моем подворье! Да ведь за тролля придется отвечать перед властями! А ну, как он что-то непотребное совершит?

Это было чистой правдой. За нелюдя, принятого на работу, отвечал наниматель. Именно по этой причине тролли с большим трудом устраивались в городах, а гоблины ютились на окраинах и вели не слишком цивилизованный образ жизни — им было трудно занять место в человеческом обществе.

— Непотребное? — Бурмаль округлил глаза. — Да вы только гляньте на этого добрейшего и покладистого тролля! Борд, покажись, выйди на свет! Улыбнись, мой славный друг, пусть они оценят твое обаяние.

Пьер развернул фонарь и осветил великана, умильно растянувшего морду в широкой улыбке. Его клыки выглядели не слишком умиротворяющими, но Бурмаль стал расписывать честность и послушание тролля, который помог установить декорации из одной лишь любви к искусству. Это, по словам Папаши, свидетельствовало о его цивилизованности.

— Ну, ладно! — прокричал человек, интересовавшийся троллем, сквозь смех толпы.

Он протиснулся к сцене и внимательнее осмотрел Борда, который старательно улыбался до того широко, что Дженни казалось: она вот-вот услышит треск каменных щек.

— Ладно, — повторил горожанин. — Я уже почти согласен. Но все-таки, если он нарушит закон, отвечать придется мне.

— Его полное имя: Бордоймогоркимбах, — с трудом выговорил Бурмаль. — Скажи, почтенный, разве может нарушать закон тот, чье имя так сложно произнести? Бордоймогоркимбах!

Смех в толпе стал еще громче, поневоле улыбнулся и наниматель.

— Так и быть, беру его! — прокричал он во всеуслышание. — Иди за мной, Боро... Бород... Тьфу! Мегрис меня помилуй, не могу сказать!

— Зови меня Бордом, хозяин, — прогудел тролль. — И ты не пожалеешь, что согласился.

— Мегрис, это же бог скотоводов, — удивился Бурмаль. — Эй, почтенный, я надеюсь, ты не на мясо берешь моего подопечного? Он очень жесткий, учти!

— Да конюшню я держу! — заржал почитатель скотоводческого божества. — Конюшню! Томас Бир, лошади внаем и грузовые перевозки, к вашим услугам! Мне нужен служащий при водопое, да еще осел, чтобы вертел ворот насоса, а тролль подойдет за того и

другого!

Борд попросил нового хозяина немного подождать, чтобы он, как следует, попрощался с Бурмалем и его детками.

Представление было окончено, денежки уплачены, и толпа стала редеть. Расходясь, зрители галдели, на все лады повторяя реплики актеров. Размахивали руками, делясь впечатлениями — представление им понравилось. Борд поблагодарил актеров и просил не забывать его.

— Всегда буду рад вас видеть! — заверил он, прижимая ручищи к мощной груди, напоминающей каменистый склон Вулкана. — Если судьбе будет угодно, я отблагодарю вас! Вот только выпадет какая нужда, разыщите меня... или я сам приду проведать вас, едва устроюсь на новом месте. Я буду вас навещать, мои добрые друзья!

— Ладно, — отмахнулся Бурмаль, — мне не впервой устраивать судьбы. При случае отблагодаришь, но главное: веди себя примерно, не заставляй меня и этого скотовода пожалеть о доверии. Доверие — вот на чем держится наш мир.

Тут рядом оказался редактор «Зоркого глашатая», и тролль, смутившись, отступил в тень. Он бормотал, что ему пора, не годится задерживать хозяина. Зато газетчик не смущался ни капли. Он болтал без умолку, Дженни не поняла и половины из того, что он трещал:

— Город нуждается в таком стимуле патриотического чувства, как ваше представление! Не сомневайтесь, я прогнозирую громкий успех! Вы будете показывать «Торжествующее пламя» на самых престижных подмостках Эверона! Ручаюсь, ручаюсь, все лорды Вулкана станут драться за место в ложе! Это такое энергичное, духоподъемное действо, это такое, такое!.. Такое славное представление!

Смотритель площади Тысячи Столбов покрутился поблизости, но понял, что не дожидается окончания разговора. И ушел, забрав слугителей в серых камзолах. А газетчик все плел свои речи, такие же нескончаемые, как и заковыристые.

Наконец убрался и этот человек, вытребовав наброски, оставшиеся у Анны после создания афиши. Сказал, что это появится на первой полосе. Что за первая полоса, Дженни тоже не поняла, но Папаша сиял и поддакивал болтливому газетчику.

Потом актеры стягивали костюмы, радовались, поздравляли друг друга с успехом, вытряхивали песок и блески из шевелюр... Сейша выдула несколько беспорядочных, но очень радостных трелей в свой рожок, Анна, пританцовывая, попыталась вовлечь в пляску Пьера, тот, неумело улыбаясь — он всегда был хмурым и сосредоточенным — вывернулся из ее рук... Папаша вытащил заветную флягу и провозгласил тост за театры.

Эрик отпихнул Пьера и стал танцевать с Анной, грациозно изгибаясь, а Дженни хлопала в ладоши, глядя на его ужимки. Потом Сейша опустила рожок, а Пьер, как обычно сосредоточенный и деловитый, отправился проведать лошадей. Он-то первым и заметил чужаков.

***

В темноте, где была коновязь, захлопотало брошенное Пьером ведро, потом он закричал:

— Папаша! Тревога!

Все на миг стихли, прислушиваясь — из ночи доносились пыхтение и топот. Потом появились люди в темной одежде. Их было трудно разглядеть в темноте, к тому же лица у

всех были обмотаны полосками черной ткани. Дженни даже не поняла, сколько их. Не произнося ни слова, они бросились на Папашу и его деток. Видимо, рассчитывали, что сопротивления им не окажут. Но актеры в дороге привыкли к неожиданностям, они не растерялись — и началась свалка. Папаше даже удалось свалить двоих нападавших ударами кулаков, но их было слишком много, они надели на Бурмалю кучей. Эрик и столько не продержался, он был слишком легким, и от его ударов никто не падал. Сейша с Анной визжали и швыряли со сцены все, что попадало под руку. Вряд ли это наносило нападавшим большой ущерб. Потом несколько человек вскарабкались к ним, и визг прервался.

Дженни не могла толком разглядеть, что происходит, она сразу бросилась от фургона, чтобы увести за собой хотя бы одного противника — она была достаточно рассудительной, чтобы не рассчитывать на большее.

Одного она увела, это получилось неплохо. Противник бегал за ней, размахивая дубинкой, Дженни петляла между столбами, и не слишком спешила, чтобы этот человек не оставил погоню. Она даже позволила ему почти нагнать себя... Улучив момент, когда надсадное сопение раздавалось чуть ли не над самым ухом, она резко опустилась на четвереньки, и преследователь, возмущенно вопя, полетел через нее в темноту. Его голова с сухим стуком врезалась в столб. Когда на площади тысяча столбов, дурак всегда найдет хотя бы один, чтобы треснуться об него башкой. После удара он больше не шевелился.

Тогда Дженни побежала к фургону. Кого-то с мешком на голове волокли в сторону, несколько человек стонали и ругались, поочередно перебирая в проклятиях весь богатый пантеон Эверона...

Среди тел, неподвижных и вяло шевелящихся на земле, рычал Папаша, тщетно пытаясь стряхнуть с себя троих противников, а те повисли на нем, как охотничьи собаки на боках загнанного кабана. Дженни с воплем прыгнула на шевелящуюся грудку тел, ударила кулаком в чей-то глаз, дернула за ухо, торчащее из-под черной повязки. И ей удалось оторвать от свалки одного из налетчиков. Они с чужаком откатились в сторону, а Бурмаль, ревя, как опившийся браги тролль, отшвырнул оставшихся врагов и поднялся. Откуда-то появилось еще несколько человек в темных одеждах. Папаша ринулся на них, пару сбил с ног, присел и тут же выпрямился, поднимая над головой извивающуюся и орущую черную фигуру, а потом швырнул чужака в толпу его соратников. Свалились все.

— Эри-ик! — заорал Папаша.

Никто не отозвался. Бурмаль, шатаясь и держась обеими руками за бок, шагал среди сваленных им противников и ударами башмаков отправлял на землю тех, кто пытался встать. Дженни все еще барахталась в объятиях злодея, он старался сжать ее по сильнее, а она сучила ногами, норовя всадить коленку противнику в то место, которого благовоспитанным девицам полагается всячески избегать.

— Мне надоело! — резко заорали в темноте, и у фургона возник еще один человек в черном.

У этого не было дубинки, и в драку он до сих пор не лез. Теперь же решил вмешаться. Тут противник наконец смог подмять под себя Дженни и привстал, заноса кулак.

— Мне надоело! — еще раз заорал новый противник. — Вы долго возитесь!

Он вскинул обе руки, простирая их к дерущимся и растопыривая пальцы. От этого резкого движения взметнулся широкий плащ, словно хищная птица расправила крылья.

Дженни не очень-то следила за этим типом, потому что ей вот-вот должны были засветить кулаком в лицо... она увидела лишь огонь — сперва ослепительно яркий шар

пламени, который, стремительно разворачиваясь, превратился в ревущую испепеляющую стену, которая налетела на фургон и дерущихся людей, вмиг поглотила их и покатила на Дженни. Потом был удар, потом яркий свет, потом непроглядная тьма, потом... потом она пришла в себя посередине лужи, в которой плавали пепел и лед. Вокруг было дышащее жаром пепелище.

Так закончился длинный день. Это был самый счастливый день в короткой жизни Дженни, потому что все были живы. И он закончился.

Глава 3. Столичная жизнь

— Вот и все, — сказала Дженни.

Префект Квестин кивнул и обернулся к сержанту:

— Ты запомнил? Перечисли!

Тот задумчиво провел грязной рукой по тонким усикам и ответил:

— Троль, надзиратель при Тысяче Столбов, гном в ломбарде, газета, трактир «Удача»... ну и лошади Томас Бир, хотя он совершенно не при чем.

— Неплохо, — кивнул префект. — Похоже, мы ничего не упустили.

Потом, сгибаясь, подался вперед и заглянул снизу вверх в опущенное лицо Дженни:

— А ты как считаешь, Дженни ниоткуда? Может, тебе что-то бросилось в глаза, когда пришла в себя?

— Сержант сказал: «Ничего не понимаю», — ответила Дженни. — По-моему, он прав. Я не понимаю, кому мы могли так насолить за один неполный день в Эвероне. Кто это был? Кто напал на нас?

— О, вас почтил визитом один из лордов Вулкана! И я намерен вывести этого высокородного негодяя на чистую воду. Мы проверим все ваши встречи за этот день, ведь откуда-то из мест, перечисленных Дональдом, ниточка тянется к виллам на горе.

«Дональд, — отрешенно отметила Дженни, — сержанта зовут Дональдом. Сержант Дональд Кубер».

— Я намерен найти конец этой ниточки и размотать весь клубок. Кубер, до конца расследования ты поступаешь в мое личное распоряжение. И Дженни. Скажи, дитя мое, ты мне доверяешь? Это очень важно, потому что я хочу спрятать тебя от всех. В городе не должны узнать, что кому-то из трупы удалось уцелеть. Ты поживешь в моем доме, пока не уляжется шум. Потом мы подумаем, как устроить твою судьбу. Что ты на это скажешь?

— А у меня есть выбор? — устало спросила Дженни. — Я здесь чужая. И у меня ничего не осталось, даже плащ мне одолжил сержант. Спасибо, Дональд. Я еще не успела поблагодарить, слишком все было... странно.

Стражник смущенно пробормотал что-то невнятное. Он рад услужить бедной Дженни. Это его обязанность. То есть долг. То есть он хотел бы помочь, чем только можно.

Тут карета затормозила. Они уже давно ехали по мощеным улицам, и окованные стальными ободьями колеса громко стучали по камням — не то, что на окраине, где дорога была грунтовая. Хорошо, что рессоры сглаживали толчки, не то езда по Эверону могла бы обернуться сущим мучением.

Железная карета была слишком тяжелой, чтобы остановиться сразу и несколько мучительно долгих мгновений она скрипела, раскачиваясь, пока наконец под визг оковки колес и скрип рессор не замерла окончательно.

— Я приглашаю тебя, Дженни, пожить в моем доме, — снова заговорил префект Квестин. — Я там обитаю один, если не считать камердинера, он же дворецкий, он же все остальные должности по дому... впрочем, не важно. Главное: он болтать не станет. Больше тебя никто не увидит, и, стало быть, весть о тебе не дойдет до убийц. Я не исключаю, что они могут захотеть убрать последнего свидетеля. Немного позже я представлю тебя в городе, как свою дальнюю родственницу, которая приехала из глухомани, чтобы увидеть столицу.

Сыграешь эту роль, ведь ты актер. Тогда и ты примешь участие в расследовании.

Он распахнул дверцу и осмотрелся, потом бросил через плечо:

— Сейчас этого делать нельзя, чтобы твое появление не связали с событиями нынешней ночи. Ну, добро пожаловать, Дженни ниоткуда. Приняв мое приглашение, ты станешь Дженни с Горшечной улицы, дом восемьдесят четыре. Сержант, зайди с нами.

Дженни поднялась с обитого потертой кожей сидения и внезапно почувствовала, что ей гораздо хуже, чем она предполагала. С трудом выбравшись на мостовую, она побрела к дому, глядя под ноги, чтобы не споткнуться. Как по плохо натянутому тросу. Дональд Кубер с похвальным усердием поддержал ее под локоть.

Префект вполголоса произнес несколько слов, и дверь дома отворилась. На мостовую перед Дженни легла полоса света. Она шагнула в этот свет, поднялась на крыльцо, подняла глаза и... уперлась взглядом в острие арбалетного болта, направленного прямо ей в живот. Глянув еще выше, она увидела гоблина, сжимающего арбалет.

— Морко Гучих, мой дворецкий, — представил гоблина Квестин. — Это Дженни, она наша гостя. Проводи ее в угловую комнату и помоги устроиться. А я отдам последние распоряжения сержанту.

Гоблин посторонился и опустил арбалет.

— Прошу следовать за мной, сударыня, — проскрипел он.

Дженни несколько раз встречалась с гоблинами. Банды этих нелюдей пытались атаковать фургон Папаши на дороге, но, получив отпор, быстренько убирались с пути, забрасывая напоследок актеров грязью и камнями. У тех гоблинов не было арбалетов. А здесь, в столице, значит, даже гоблинские разбойники пользуются благами цивилизации. Арбалет — существенный прогресс по сравнению с швырянием камней!

Дженни скинула плащ, чтобы вернуть его Дональду. И смутилась. Ее наряд из тонкого полотна промок и плотно облепил тело. Беда была не в том, что благовоспитанные девушки не показываются в таком виде, а в том, что облеплять-то почти нечего, и теперь это сделалось особенно заметно. Дженни с сержантом покраснели одновременно. Но префект ждал Дональда, а гоблин ждал Дженни, и смущаться обоим пришлось совсем недолго.

Гоблин Морко сильно хромал. Его правый башмак стучал по полу громче, и Дженни поняла, что у него вместо ноги протез. Бредя за дворецким, она слышала, как бубнит префект:

— Завтра тебе не удастся отоспаться, сержант. С самого утра мы с тобой будем проверять все встречи актеров в Эвероне. Тролль, служитель на площади, ломбард, газета, трактир...

Если не считать того, что Морко Гучих был гоблином и калекой — в остальном он оказался образцовым слугой и сделал то, о чем хозяин позабыл: отвел Дженни в ванную комнату. Греть воду было бы слишком долго, но Дженни была рада и тому, что предложили. Спать хотелось ужасно, но она содрала с себя промокшие лохмотья и сумела кое-как оттереть грязь. Потом, завернувшись в слишком широкий балахон, оставленный для нее гоблином, вышла из ванной и поплелась за Морко в назначенную ей комнату. Обстановку разглядеть она уже просто не смогла, увидела только главное — там была кровать!

***

Когда Дженни проснулась, был день. Солнечный свет проникал в узкое, забранное

решеткой, окошко под таким углом, что стало ясно — уже около полудня. Дженни откинула одеяло и села. Наконец-то она оглядела комнату. Странно, вчера префект показался ей таким старым холостяком, но в обстановке оказались вещи явно из женского обихода.

Дженни осмотрела себя — на ней была просторная ночная рубашка, доходящая ниже колен. Она смутно припомнила, как вчера натянула это одеяние, вполне подходящее для привидения, которое не следит за модой. Да, это валялось на постели, когда гоблин привел гостью. Еще был халат — похоже, принадлежащий самом хозяину. Обuvi ей не оставили, но Дженни подобные мелочи не смущали. Она натянула халат, обмотала пояс вокруг талии три раза, чтобы полы не слишком распахивались — и прошлепала в коридор. Вчера ей позволили посетить ванную, а, судя по запаху, здесь имелась еще и кухня.

Кухня нашлась быстро, тем более, что дом был небольшим. Оттуда струился запах жарящихся сосисок и доносился голос префекта. Когда Дженни вошла, господин Квестин сидел за столом, а гоблин, склонившись, перед ним, накладывал порцию на тарелку хозяина. Бросив хмурый взгляд на Дженни, он поставил на стол второй прибор.

Дженни поблагодарила и села. Затем дворецкий удалился, и Квестин обратился к гостье:

— Я давно живу один, и мой обед, конечно, не совсем то, что подходит благонамеренной девушке. Надеюсь, ты потерпишь?

— Благонамеренной? Вы говорите о такой девушке, которая просыпается в собственной постели и ни за что не надевает чужих халатов? — она взялась за сосиски.

Только сейчас почувствовала, как хочется есть.

Квестин улыбнулся.

— Погодите! — проговорила Дженни с набитым ртом. — Вы сказали: обед? Я проспала до обеда?

— Почему бы и нет? После вчерашних приключений... Вы поладили с Морко?

— Ну, если я провалялась в кровати полдня, и он не шумел, не мешал мне спать, то, значит, поладили. Вообще, я впервые встречаю такого воспитанного гоблина. Он ни разу не швырнул в меня камнем! Вы прикажете ему нагреть воды? Я бы помылась, как следует...

— Конечно, конечно. Ты подобрала себе наряд?

— Рядом с кроватью был только халат.

— Посмотришь в шкафу, там что-нибудь найдется. Комната в твоём распоряжении, и все, что в ней есть, можешь смело брать. Я думал, ты догадаешься.

— А чья это комната? И можно мне еще сосисок? На сковородке были еще, я видела.

— Конечно. Бери, не смущайся. Комната... э... ничья, в общем-то. Там я собрал оставшиеся вещи моей жены. Она умерла очень давно, так что пользуйся всем, что подойдет.

Дженни вернулась к столу с новой порцией.

— А что я пропустила? Вы поймали преступников?

— Не так быстро, Дженни ниоткуда, не так быстро. Мы с сержантом прошлись по всем местам, которые ты посещала вчера со своими... м-м... близкими.

Дженни тяжело вздохнула.

— М-да, — улыбка Квестина пропала. — Пока ты ешь, я расскажу. Итак, тролль приступил к работе на конюшне, принадлежащей господину Биру. Вы давно с ним знакомы?

— Со вчерашнего дня. При том образе жизни, который ведут странствующие актеры, знакомства — дело быстрое.

— Да, конечно. Я хочу поговорить с ним позже, и чтобы ты послушала. А ты выйдешь

из этого дома дня через три, не раньше. Впрочем, тролль выглядит не слишком интересным свидетелем. Далее — человек, присматривающий за Тысячей Столбов. Он хлопает глазами и мямлит, что ничего не знает. Когда стража закончит обследовать место преступления и уберется с площади, у него будет много работы. В общем, с ним я тоже побеседую позже. Пока что за ним следят. Дальше...

— «Дрейкензер и компаньоны. Ссуды под залог», — вспомнила Дженни.

— Обычное, ничем не примечательное заведение. В Эвероне таких десятка два. Гораздо более многообещающим выглядит медальон, который там заложил твой...

— Мой отец, — твердо закончила Дженни.

Квестин кивнул, отодвинул пустую тарелку и сплетя пальцы, опустил на них подбородок, разглядывая Дженни.

— Скажи, откуда у Бурмаля такая интересная вещь? Ты ее хорошо помнишь?

— Золотой диск с серебряной звездой. Папаша его не раз закладывал, но всегда выкупал. Откуда у него... Мы ведь все были не его родными детьми, хотя это ничего не меняет. Так вот, я думаю, этот медальон он нашел у кого-то из детей, которых подобрал у дороги. Мы все так попали в его фургон. Все, что принадлежало одному, стало общим. У кого-то из нас был этот медальон, теперь Папаша использует... то есть использовал его для общей пользы.

— Интересно, кому именно он принадлежал... это могло бы дать подсказку.

Дженни пожалала плечами. Она не знала. И вообще никогда не задумывалась, ведь они, детки Бурмаля, были единой семьей! И ценный медальон был общим, а не чьим-то.

— Далее газета «Зоркий глашатай», — сменил тему префект. — Держи, это твое.

На стол, звякнув, лег мешочек. Судя по звуку, внутри находились монеты.

— Мое?

— Я отменил публикацию статьи, заказанной Бурмалем, вот плата, — префект вздохнул. — Непросто было заставить этого типа расстаться с деньгами. А потом еще — заставить отказаться от публикации. Он хотел напечатать материал даже без гонорара. Пришлось пригрозить неприятностями, сказать, что статья помешает поиску убийц. Почему он так хотел написать о вашем выступлении?

— Ему понравился спектакль! Это было очень хорошее представление, всем понравилось!

— Да, конечно... Но при его работе личные пристрастия не играют роли, — Дженни поняла, что префект не столько отвечает ей, сколько размышляет вслух. Похоже, у него имелась такая привычка. — «Зоркий глашатай» выражает волю партии войны. Так что дело скорее в этом.

— Что такое партия войны?

Префект встряхнулся, вспомнив, что он вроде бы ведет беседу с гостьей. Собравшись с мыслями, стал объяснять:

— В палате лордов мнения разделились. Партия войны — это те, кто стоит за войну с Погонщиками Ветра, в основном это лорды, у которых есть доля в серебряных рудниках на юге, в Гранделине. Они хотят сражаться за свои прибыли. Им противостоит коалиция лордов, получающих доходы от торговли, этим война невыгодна. Условно их можно назвать партией мира. Один из виднейших сторонников войны — лорд Мариан, он и стоит за «Зорким глашатаем». Газета служит его целям, создает в простом народе нужное умонастроение. А это способ повлиять на решение палаты общин. Понимаешь? Это не

слишком сложно для тебя, Дженни?

— Скорее, слишком скучно.

— Ничего, разберешься. Так вот, спектакль, который настраивает народ на противостояние с Погонщиками, играет на руку сторонникам войны, это и есть ответ. То есть, объясняет настойчивость редактора Гандериса. Но оставим газету! Дальше у нас трактир «Удача». Довольно мерзкое местечко, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Местечко, не подходящее для благовоспитанных девушек.

— Именно так. И единственный конфликт, в который вы с Папашей оказались вовлечены, это именно «Удача». Казалось, оттуда и следует начать поиски...

— Вот еще! — возразила Дженни. — Никакого конфликта, нас никто ни в чем не заподозрил.

— Осторожнее, дорогая, — шутливо предостерег префект, — ведь ты разговариваешь с представителем закона. А в «Удаче», как ни крути, вы совершили преступление.

— Отобрать ворованное — вовсе не преступление, — Дженни обиженно насупилась. — Мы люди честные! Мы всегда были честными и поступали по совести!

— Совесть и закон — разные вещи. По закону деньги следовало вернуть потерпевшему.

— Он сам виноват, что такой растяпа.

Квестин махнул рукой с видом усталой покорности:

— Я не стану тебя разубеждать. Просто поверь префекту стражи, что лучше так не поступать. Но в чем ты права — это насчет конфликта. Его в самом деле не возникло. Вернее, Папаши и тебя с братом он не коснулся. Кто-то вызвал стражу, мы задержали нескольких участников драки, в том числе и вора. Он был доставлен в участок, причем в довольно плачевном состоянии.

— Поделом. Потому что тоже растяпа.

— И ни с кем из своей шайки, если таковая имеется, он не мог поговорить, — проигнорировав реплику Дженни, закончил Квестин. — В общем, пока что у нас нет ни малейшей зацепки.

— Ничего! Как только вы позволите мне выйти из дома, мы поищем вместе. Тогда непременно найдем!

— Не сомневаюсь. Ну а сейчас мне пора возвращаться на службу. Я распоряджусь, чтобы Морко приготовил тебе ванну. И, пожалуйста, постарайся не портить с ним отношений, я очень дорожу своим дворецким.

— Не я же не собираюсь его прогонять!

Квестин кивнул, поднимаясь из-за стола, но почему-то Дженни решила, что ее ответ префекта не успокоил. Надо будет держаться с этим гоблином повежливее, что ли... Ну, как благовоспитанной девушке, сравнение с которой преследует Дженни на каждом шагу.

***

Когда префект удалился, Дженни подошла к окну, чтобы поглядеть, как он будет отъезжать, а заодно увидеть при дневном свете, что представляет собой его чудовищная карета. Вчера это транспортное средство показалось ей совершенно ужасным — вроде тюрьмы на колесах. Так оно и выглядело, проклепанная сталь и мощные колеса, чтобы выдержать такой вес. Кучер ссутулился на облучке и завернулся в форменный плащ. Лица его было не разглядеть. Кстати, окна в доме Квестина были примерно такие же, как и в этой

карете — узкие, похожие на бойницы, да еще и загороженные решетками из толстых стальных прутьев.

— Он немой, — раздался сзади хриплый голос гоблина, — и неграмотный. Кучер немой. Ему можно доверять.

Дженни обернулась — дворецкий собирал со стола посуду. Она шагнула к нему:

— Я помогу!

Гоблин проворно отдернул тарелку, которую держал в руках. Дал понять, что не потерпит вмешательства в свои обязанности. Хотя он и назывался дворецким, но других слуг в доме не держали, так что ему доставалось все.

Дженни подумала, что боится потерять из-за нее работу и примирительно сказала:

— Я могла бы немного помочь, пока живу здесь. Ведь это недолго! Как только злодеев поймают, я уйду.

— Куда, на улицу? — хмуро процедил Морко Гучих. — Это было бы нежелательно для молодой дамы. Улицы здесь небезопасны. Послушайте моего совета, если, конечно, мне позволительно давать советы людям: держитесь господина Квестина, он полон сочувствия к вашей беде, потому что сам пережил подобное несчастье. Мы с ним вместе пережили. Ванна готова, прошу.

Дженни поблагодарила и поплелась мыться, бормоча:

— Улицы небезопасны, площади вообще смертоносны... что за место...

В дверях она остановилась и бросила взгляд на дворецкого. Гоблин, как гоблин, зеленокожий, вместо волос пучки грубой щетины, рыло с широко распахнутыми ноздрями и торчащие из пасти здоровенные клыки. Чтобы вымыть посуду, Морко закатал рукава. Мускулы у него были мощные, это Дженни оценила. А в остальном — просто дикий нелюдь, невесть с чего напяливший дорожную одежду. Никто в фургоне Папаши Бурмаля не носил таких белых рубашек, таких чистых.

После ванны она вернулась в свою комнату и полезла в шкаф. Этот Квестин решил, что она воровка! Что сунет нос в чужой шкаф без разрешения! Вот еще! Отнять добычу у незадачливого карманника — в этом нет ничего плохого! Но раз уж ей позволили порыться в этом шкафу... даже, можно сказать, велели. Ведь в самом деле нужно подобрать что-то для выхода в свет. Она будет изображать благонамеренную родственницу префекта, для этого нужно одеться соответствующе, то есть очень неудобно.

Дженни занялась содержимым шкафа. Она хотела занять себя каким-то делом, чтобы не думать о прошлой ночи. Пока рядом был гоблин или Квестин, она еще держалась, но, оставшись в одиночестве не смогла не расплакаться. Шмыгала носом, вытирала слезы и копалась в чужих платьях. А что было делать...

Покойная жена префекта была небольшого роста, это облегчало задачу. В остальном вещи совершенно не соответствовали фигуре Дженни. Коренастая была тетечка. Вот если бы здесь оказалась Анна, она бы вмиг подогнала все по размеру. Анна... и Сейша с ее рожком... Улыбка Эрика и молчание Пьера... и Папаша, самый добрый человек на свете! Кому-то предстояло ответить за их гибель! Дженни решительно утерла мокрое лицо и стала переодеваться, примеряя неудобные слишком просторные юбки, жакеты и накидки. Так и провозилась до вечера, когда свет в узком окне стал меркнуть.

Загрохотали колеса тяжелой железной кареты, возвращался Квестин. Дженни стала торопливо убирать в шкаф свои находки, и почти успела. Префект сразу прошел в ее комнату и застал за этим занятием. Он попытался улыбнуться — Дженни отлично понимала, что

настроение у префекта сейчас не слишком веселое.

— Обычно я возвращаюсь затемно. Но у меня гостя — вот и повод торопиться домой. Ну как, подобрала себе что-то? — его улыбка стала чуть-чуть более искренней. — Моя родственница должна выглядеть прилично.

— Я очень дальняя родственница, и, к тому же, деревенская дурочка, — напомнила Дженни. — Я нашла кое-какие вещи, которые подойдут для приезжей. Здесь такое не носят.

— Вот как? Ты разбираешься в моде?

— Я смотрела в окно, там прошло несколько женщин. Несколько сот, я имею в виду. Это давно не носят.

— Верно, — Квестин снова стал мрачным. — Эти вещи давно никто не носит. Я собрал их... ну, на память. Это было очень давно. Но мне нравится, что ты наблюдательна, Дженни ниоткуда. Может, в самом деле от твоего участия в расследовании выйдет польза. Пока что я не нашел ничего. Вообще ничего. Как мог заезжий странствующий актер, только накануне пожаловавший в Эверон, вызвать такой сильный гнев одного из лордов? Настолько сильный гнев, что его милость рискнул проявить свою власть над огнем в городской черте. Это серьезное преступление, знаешь ли.

Набравшись смелости, Дженни спросила:

— А что случилось с вашей женой? Морко сказал, что вы пережили это вместе...

— Морко не всегда был таким воспитанным. Когда-то он возглавлял самую отчаянную шайку головорезов, какая мне встречалась. И сумел так насолить одному из Повелителей Огня, что тот сжег всех гоблинов вместе с домом, в котором они укрылись. Так вышло, что там была и моя жена. Случайность, однако с тех пор мы вместе. И не теряем надежды узнать, кто именно из лордов пустил тогда в ход свой талант.

— А может, этот лорд... ваш враг, ваш и Морко — тот же самый Повелитель Огня, которого мы ищем?

— Надеюсь, что так, — жестко сказал префект и так стиснул свою толстую трость, что костяшки пальцев побелели. — Очень бы хотелось.

Помолчал и совсем тихо добавил:

— Вряд ли их много, тех, кто не стесняется использовать свой талант в городской черте. Лордам это запрещено. Но тот, кто решился один раз, на повторное преступление пойдет легко. Я надеюсь, что мы его отыщем.

Он пригласил Дженни на кухню — через полчаса дворецкий подаст ужин. И ушел. А Дженни задумалась: что означает рассказ Квестина? Уж не имеет ли он в виду, что и Дженни теперь навсегда с ними? С Морко и префектом? Их судьбы похожи. Если гоблина и стражника общая беда свела вместе и держит до сих пор, то и она теперь?.. Ну, по крайней мере, пока они не узнают имя убийцы, Дженни от них не отстанет. Это точно.

Глава 4. Объявление войны

Утром Дженни проснулась пораньше и бросилась к шкафу — пока не приехала служебная карета, она хотела показаться Квестину в новом облике родственницы из деревни. Одежда ждала с вечера, а с прической пришлось повозиться.

Во время странствий в фургоне папаши Бурмаля она стригла волосы гораздо короче, чем принято в Эвероне. Как за шевелюрой ухаживать в дороге? А перед выступлением собирала волосы в два смешных хвостика над ушами. Эти заодно торчащие пучки умиляли зрителей, что было неплохо для представлений на деревенских площадях. Завелся этот обычай, когда она была малявкой, но как-то прижилось...

Теперь Дженни расчесала свои темно-каштановые пряди, соорудив над глазами челку, и посчитала, что узнать в ней прежнюю актрису уже невозможно. Город за узким окном просыпался, на улице перекликались соседки Квестина — обменивались вчерашними новостями. Потом их визг перекрыл звонкий мальчишеский голос:

— «Зоркий глашатай»! Экстренный выпуск! Злодейское преступление! Свирепое убийство на площади! Героическая гибель патриота! Читайте, как враги государства пытаются заткнуть голос общественному мнению! Бесчеловечная расправа с талантливыми актерами!

Дженни подскочила от неожиданности, когда поняла, о чем орет мальчишка.

Потом раздался голос Квестина. Префект позвал крикуна, затем звонкий голос мальчишки стал удаляться. А еще минутой позже Квестин выругался. Дженни, прыгая на одной ноге и поправляя туфлю на другой, поспешила на крыльцо.

Господин префект Юго-Западного округа, комкая желтые газетные листы, бранился, как последний преступник.

— Что случилось? — испуганно спросила Дженни. — В «Зорком глашатае» пишут о нас?

— Я запретил ему поднимать эту тему! — прорычал Квестин. — Ну, крыса чернильная... Ну, мерзкий трупоед...

Загрохотали окованные колеса стальной кареты — из-за поворота показался служебный транспорт префекта. Тут же рядом с Квестиним и Дженни, словно из ниоткуда, появился дворецкий, протягивая хозяину шляпу и трость.

Квестин швырнул газету под ноги и зашагал навстречу карете, сердито наступив на желтые листки ботинком. Дженни подняла и расправила экземпляр «Зоркого глашатая». На первой странице она увидела заголовок: «ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО ПАТРИОТОВ».] картинке не без труда можно было узнать их трупку. Самой Дженни не было, она же всегда была на картинках Анны на заднем плане. Маленькая такая, пляшет на ниточке каната в стороне от всех. Художник из газеты решил пренебречь этой второстепенной деталью. Зато Папаша получился довольно похоже — огромный, солидный, с бородищей.

— Пойдемте, госпожа, — позвал Морко. — Не нужно стоять на виду.

Дженни оглянулась — гоблин ссутулился на пороге, исподлобья оглядывая улицу, под мышкой он зажал арбалетное ложе. Вроде бы, когда подавал шляпу, оружия при нем Дженни не заметила. Быстро он успевает!

Пробега глазами газетную передовицу, Дженни вернулась в прихожую, и дворецкий

тут же запер дверь. «Мерзкий трупоед» писал, что враги государства совершили дерзкое преступление под покровом ночи. Истинный патриот Бурмаль, всем сердцем болея за страну и выражая чаяния простого народа, привез в столицу духоподъемный спектакль, зовущий граждан на праведный бой, но пораженчески настроенные личности, предвидя, какое влияние окажет такая постановка на население Эверона, подло убили талантливого борца за Отчизну. И даже, совершив свое черное дело, сожгли театральный реквизит, дабы не напоминал о попранной гордости Эверона.

Дженни, конечно, хотелось бы, чтобы Папаше после смерти воздали заслуженную похвалу, но в этой статье все было насквозь фальшиво — и пафос, и придуманные слова, которые якобы говорил Бурмаль редактору. Получился этакий образ фанатика, который думал о величии лордов Вулкана, и больше ни о чем. А ведь Папаша был достойным человеком вовсе иного толка. Он был добрым! Он подбирал сирот на дороге, и фургон стал им домом. Он дарил надежду одиноким, он давал им семью, судьбу, счастье... Дженни стало противно и захотелось что-то сделать. Что-то по-настоящему достойное памяти Бурмаля и его деток.

— Почему господин Квестин так рассердился? — спросила она дворецкого.

— Сегодня слушания в палате общин, — медленно, словно нехотя, ответил гоблин. — На повестке — вопрос южных колоний. И накануне этого заседания депутаты, конечно, прочтут статью. Теперь исход голосования, можно сказать, предрешен, так уж у вас, людей, устроено. Что в газете напишут, то и в голову войдет. «Зоркий глашатай» нарочно сделал экстренный утренний выпуск, чтобы подгадать в канун заседания палаты общин.

— Палата общин... разве это важно!

— Это вопрос войны и мира, госпожа Дженнифер, — строго ответил гоблин. Эверон вступит в войну, все изменится. Вся жизнь огромного города, многих тысяч людей, гоблинов, ратлеров... их судьба в один день станет иной.

— А я думаю о своей семье. Папаша и другие... они заслуживают лучшей памяти, чем это, — Дженни потрясла газетой. — Я бы... я бы хотела сходить в храм, поставить поминальные свечи. Можно мне это сделать?

Морко Гучих задумался, его покатый зеленый лоб собрался складками. Наконец он осторожно сказал:

— Прошу прощения, госпожа, я не могу этого решить сам. Если господин Квестин, как обычно, будет к обеду дома, мы спросим его разрешения. Я готов проводить вас в долину Сотни Храмов.

— Что это за долина такая? — удивилась Дженни.

— Место, где Повелители Огня позволили верующим построить храмы своих богов. Это довольно далеко, так что поймите мои сомнения.

— Хорошо, подождем Квестина, — вздохнула Дженни. — Тысяча Столбов, Сотня Храмов... на каждого бога — по десять столбов!

— Госпожа необычайно сильна в арифметике, — без улыбки констатировал гоблин.

— Очень смешно, — буркнула Дженни. — Предлагаю перейти на «ты». Тот, кто меня смешит, не имеет права называть «госпожой Дженнифер», потому что это слишком серьезно. Или шутки — или «госпожа».

Эту дилемму Морко решил быстрее, чем вопрос о походе в храм.

Префект появился к обеду красный, раздраженный и объявил, что времени у него мало:

— По чести говоря, я вообще не должен был сегодня возвращаться, но больше не смог выносить бардак, который сейчас творится в префектуре. Хоть на полчаса вырвусь оттуда.

— Что произошло? — спросила Дженни.

Дворецкому тоже было интересно, но он старательно не подавал виду. Однако, когда Дженни задала вопрос, он придвинулся ближе.

— Проклятый «Зоркий глашатай»! — буркнул Квестин. — Это просто позор, что такое змеиное логово — на моей территории! Я был в редакции, спросил мерзавца, как он посмел опубликовать статью о театре Бурмаля, если я ему прямо запретил!

— И он, конечно, выкрутился, — произнес Морко, — сказал, что напечатал не тот материал, который был заказан, а свой собственный?

— Ха! Если бы так! Он ответил, что голосу народа рта не заткнуть, что он публикует тот материал, которые считает нужным, что у него есть высокие покровители, что гибель патриотов вопиет о...

Тут он осекся и быстро глянул на Дженни — как она воспримет такой поворот. Дженни твердо сказала:

— Статья гадкая. Нельзя было так.

— Вот именно, — сказал префект почти спокойным тоном. Его злость на редактора уже несколько улеглась. — Но главное, нельзя было привлекать внимание к трагедии. Все должно оставаться в тайне.

— Это помешает вашим поискам? — спросила Дженни.

— Ну... вообще-то, иногда, чтобы поймать зверя, нужно устроить шум вокруг его логова. Тогда он сам покажется. Но это подставит тебя под удар. Я надеюсь, в городе не знают, что кому-то из труппы удалось уцелеть. Если это станет известно, до тебя доберутся.

— Кто? Убийца? Повелитель Огня?

— Если успеет. Я больше опасаюсь тайной стражи лордов.

— Что за тайная стража такая?

— Секретная служба безопасности. Мне они не подчиняются, приказы им отдают на самом верху. Если выяснится, что в деле замешан кто-то из Повелителей, расследование передадут тайной страже. И свидетелей, естественно, тоже.

— Скверно, совсем скверно, — вставил дворецкий. — Они могут решить, что лучше замять скандал и убрать всех, кто что-либо знает.

— Вряд ли они будут действовать так радикально, — неуверенно возразил префект, — в этом случае им придется набирать новую стражу в Северо-Западный округ. Люди были на пепелище, видели, какой там жар прошел. Опять же, смотритель, подчиненные ему служители... да в конце концов зеваки из окрестных кварталов. Знаешь, сколько их туда набежало утром? Огонь виден издали, особенно ночью, а полыхало там знатно. Нет, нет, все обстоит не так ужасно, но Дженни мы вряд ли увидим снова, если о наших подозрениях пронюхает старая стерва.

— Я уже ничего не понимаю, — жалобно сказала Дженни, — какая еще стерва?

— Тайную стражу возглавляет леди Урсула, — буркнул префект, — Повелительница Огня. Неприятная особа.

— Будем надеяться, все обойдется, — произнес дворецкий, — но эта статья так или иначе наделает шума.

Квестин кивнул и мрачно уткнулся в тарелку. Дженни не знала, как к нему подступиться с просьбой насчет похода в долину Сотни Храмов, уж больно господин префект не в духе. Еще откажет, чего доброго. Выручил ее дворецкий. Он пересказал ее вопрос и добавил, что готов сопровождать Дженни и уберечь от любых случайностей.

Квестин кивнул:

— Надо бы отказать, но... Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, Дженни, уж поверь. Знаю, как тебе тяжело.

— Особенно после этой дурацкой статьи! — добавила она.

— Туда я вас подвезу, — решил Квестин. — Обрато... постараюсь, но не уверен. После парламентских слушаний в Эвероне поднимается шум, у меня могут возникнуть заботы. Если кареты не будет, идите пешком. Обязательно вернитесь засветло.

Глава 5. Сотня храмов

Пока карета грохотала по брусчатке, Дженни не отлипала от зарешеченного окошка. Картинки сменяли друг друга — горожане сновали во всех направлениях, натыкались на ратлеров, кричали, размахивали руками, показывали друг другу желтые газетные странички. «Зоркий глашатай» и впрямь наделал шума в Эвероне!

Потом стук колес стих, мостовая закончилась, карета пошла ровнее. На окраине людей было поменьше, потом и последние домишки остались позади. Немой кучер остановил лошадей. Квестин тяжело вздохнул и сказал:

— Дальше пойдете сами. Морко, надеюсь на твою осмотрительность.

— Мы как будто на войну с Погонщиками Ветра выступаем, — фыркнула Дженни. — Ну что здесь такого, в этой прогулке?

Ее замечание вызвало новый вздох префекта, но дворецкий уже распахнул дверцу кареты и выбирался на дорогу, тяжело грохая деревянной ногой по кованным ступенькам.

Карета укатила, и гоблин зашагал от околицы. Дженни, озираясь, пошла рядом. В Эверон Папаша Бурмаль въезжал по другой дороге, эти края она видела впервые. По обе стороны тянулись заросли колючего кустарника, торчали стены каких-то давным-давно развалившихся построек. Пустынное место, зато грунтовая дорога была плотно утоптана, и колеи заметны. Почва здесь была влажная, в воздухе висел застоявшийся запах испарений и тлена.

— Здесь никто не селится, — объяснил гоблин, — но в храмы из города ходят.

— Но почему именно здесь? Это же просто болото! Вон, запах какой, точно — болото.

— Именно поэтому. Дешевая, даже бросовая земля. Если горожанам нужны боги и храмы, лорды предоставляют землю для этих целей. Но только ту, от которой все равно нельзя получить дохода.

— Они совсем не чтят богов?

— А зачем им это? Своего-то бога они съели, так ради чего им уважать чужих?

Морко подобрал на обочине камень размером с кулак и велел Дженни сделать то же самое: такие правила.

В воздухе сильнее запахло сыростью, а над кустарником впереди показались многочисленные купола самой причудливой формы. Дорога сделала поворот, и Дженни увидела знаменитую долину Сотни Храмов, затянутую облаками испарений. Дорогу сменила гать из наполовину утонувших в вязком грунте бревен, показались затянутые зеленой тиной лужи... долина оказалась болотом. На островках, укрепленных сваями и валунами, высились постройки различной архитектуры — большие, маленькие. Там, где гать распадалась на множество тропинок, уходящих к храмам, торчали несколько лавок, торгующих культовыми принадлежностями. Морко остался ждать на дороге, пока Дженни заглянула в одну из них.

Старуха, у которой Дженни купила поминальные свечи, проворчала:

— Скоро этот товар пойдет еще лучше. Говорят, будет война.

— Я тоже слышала, — кивнула Дженни, чтобы отделаться от торговли, которой хотелось поболтать.

— Зря ты шляешься с гоблином, это мерзкое племя! — бросила ей в спину старуха, когда Дженни собралась уходить. — Все, все до единого, мерзкие, грязные! Ничего у меня не

покупают!

— А у гоблинов тоже есть свой храм? — спросила Дженни дворецкого, когда дверь за ней захлопнулась.

— Можно сказать и так. Есть место, куда мы ходим подумать о вечном, — Морко повертел в зеленых пальцах булыжник, который подобрал по дороге. — С твоей точки зрения, там нет храма, просто куча грязи.

— А с точки зрения гоблинов?

— Из грязи рождены, и в грязь возвратимся, грязь была всегда и пребудет вечно, до нас и после нас, — торжественно произнес дворецкий. Похоже, он цитировал какой-то гоблинский священный текст. — Но не поклоняться же грязи? На нее просто полезно смотреть, чтобы думать о вечном. Когда отыщешь свой храм, брось камень, который принесла в долину.

— Куда бросить? — удивилась Дженни.

— Под ноги. Хочешь — у входа в храм, хочешь — на дорогу, ведущую к нему, а хочешь — вообще куда-то в сторону. Так ты выразишь свое отношение к этому божеству.

Дженни оценила этот обычай: ну да, если храм построен на болоте, то можешь поддержать его своим камнем. Очень наглядно!

— А где храм Трохомора?

— Вот эта тропинка. Он издалека заметен, ты сразу увидишь, когда обогнешь остров с осинами. Ну а я схожу к месту грязи, подумаю о вечном и буду ждать тебя здесь, на дороге. Не забудь, мы обещали господину Квестину возвратиться засветло.

Дженни кивнула и зашагала по указанной тропинке, прижимая к себе свечи и подобранный по пути камень. Под ногами хрустели булыжники, принесенные прихожанами. Тропинка миновала группу чахлах кривых осин, поднявшихся на глинистом бугорке. Потом был маленький храм какого-то божка, неизвестного Дженни, и за поворотом должно было показаться святилище Трохомора, покровителя бездомных, попрошаек, странников и сирот. Дженни ожидала увидеть что-нибудь небольшое, скромненькое, но вместо этого увидела великолепное здание с высоким сферическим куполом, который сиял в солнечном свете свежей позолотой. Такая роскошь выглядела неуместно посреди болота и совсем не подходила Трохомору, которому обычно ставили приземистые часовенки на перекрестках.

Она недоуменно огляделась, чтобы спросить, куда теперь шагать. Рядом не было никого, за исключением священника, который грелся на солнышке, привалившись спиной к стене невзрачного серого строения. Его бог был высечен над входом — упитанный улыбающийся лысый человечек, развалившийся в привольной позе и пялящийся круглыми глазками в небеса.

Дженни подошла поближе и робко произнесла:

— Прошу прощения...

Священник обернулся к ней. На нем была просторная серая хламида, а лицо скрыто под капюшоном. Дженни видела только кончик носа и твердый подбородок, покрытый серебристо-белой щетиной. Если бы не цвет волос, этот человек казался бы молодым, кожа на лице была гладкая и упругая, да и фигура под складками серой одежды казалась вовсе не стариковской.

— Прошу прощения, а как мне найти храм Трохомора?

— Да вот же он! Прямо перед нами! — и голос почитателя толстого божка оказался не стариковским, а очень молодым и приятным. Только волосы серебристо-белые. Может, он

альбинос и у него красные глаза? Тогда понятно, зачем прячет лицо. — Его как раз недавно отделали заново, братство нищих славного Эверона не поскупилось на святилище своего заступника. Раньше тоже было шикарно, но сейчас краска совсем свежая. Очень эффектно смотрится, правда?

Священник в сером ухмыльнулся. Дженни была готова поклясться, что он подмигивает, но под капюшоном лежала густая тень, скрывающая глаза. Она с сомнением поглядела на золоченый купол. Как-то слишком роскошно... Обитателей фургона Бурмаля вряд ли следует поминать в этом помпезном здании. Приглядевшись, рассмотрела и статую своего бога. Обычно Трохомора изображали в виде тощего согбенного длиннобородого старца в лохмотьях. Таким он был и здесь. Однако лохмотья, покрытые позолотой, не внушали ей священного трепета.

— Удачно я устроился, верно? — продолжил болтать священник. — Как раз на дороге к святилищу Трохомора, а у него многочисленная паства! Так получается, что часть предназначенных старикану камней бросают перед моим храмом. Трохомора очень чтят в Эвероне. Богомольцев у меня не прибавляется, зато дорожку укрепляют камнями.

Говорил он так по-свойски, с такими легкими дружескими интонациями, что Дженни захотелось задержаться еще немного. Она привыкла быть среди своих в тесном пространстве фургона, и поэтому особенно остро ощущала одиночество.

— А какому богу ты служишь?

— О-о! Мой господин — великий и неподражаемый Хогорт! Бог житейских мелочей, потерянных вещей и всевозможных случайных совпадений. Все мы на жизненном пути зрим его могущество.

— А я тоже зрю?

Дженни не могла поверить: этот человек иронизировал по поводу своего божества! Многие пренебрежительно говорят о богах, даже ругаются их именами, но это жрец в храме! И потом одно дело брань, и совсем другое — ирония!

— Даже не знаю, как бы лучше объяснить... — священник потер подбородок. — Вот если бы ты, к примеру, была швеей или портнихой, тогда я напомнил бы тебе о таких мелочах, как оброненная иголка или закатившийся под стол наперсток. Хогорт поможет найти их.

— А может, я и есть портниха? — из упрямства спросила Дженни. — Или швея?

— Ну, нет. У этих почтенных женщин пальцы исколоты иглой, швеи работают сидя и частенько толстеют от такого образа жизни. А ты стройная и ловкая, твой шаг напоминает танец. Ты много двигаешься. И потом, портниха вряд ли отправилась бы в храм в платье с чужого плеча.

— Неужели так заметно? — расстроилась Дженни.

— Хогорт велит быть внимательным к мелочам, это и есть путь его служения. Все мы служим ему, даже не замечая этого. Послушай, я не хотел тебя расстраивать и сказал не только о твоём платье, но и о твоей стройной фигуре, которую не в состоянии скрыть даже этот нелепый наряд.

Дженни смутилась окончательно, и решила сменить тему.

— А твой бог, — она указала взглядом на фигуру толстяка над входом, — не выглядит внимательным к мелочам.

— Он же бог, ему не обязательно выглядеть, ибо он выше этого. Внимание к мелочам — только начало пути Хогорта. Пройдя его до конца, ты убедишься, что весь мир, вся наша

жизнь состоит из мелочей. Из крошечных, малозаметных, да, в общем-то, не слишком важных событий. И вот наконец ты видишь, что все вокруг — мелочи! Мелочи, не стоящие внимания. Тогда ты перестаешь переживать из-за ерунды и смотришь широко распахнутыми глазами в вечность. Скульптура изображает Хогорта в конце пути, Хогорта прозревшего и познавшего суть мироздания: нас окружают мелочи, не стоящие внимания.

Дженни неуверенно кивнула.

— Ты отличный собеседник, не мешаешь мне болтать, — священник в сером снова улыбнулся. — Если хочешь, посещай мой храм, я всегда буду рад тебя видеть. Созерцание мелочей здесь, на солнышке — увлекательное занятие.

Он подвинулся, освобождая место на лавке. Дженни решительно бросила свой камень к порогу храма Хогорта и плюхнулась рядом с небритым священником. Задрала лицо, подставляя щеки солнечным лучам... да, хорошо так сидеть, хотя и запах от болота не самый приятный... но ведь это мелочи, а бог их — великий Хогорт. Эх, отвлечься бы от всего! Хоть на несколько мгновений забыть о постигшем ее несчастье... но в руках были поминальные свечи.

— Если тебе понадобится наставление, совет, или просто болтун, чей треп поможет забыться в тяжелую минуту, заходи! — продолжал священник. — Меня звать Ингвар. Преподобный Ингвар, хотя на «преподобном» я никогда не настаиваю. Это такие мелочи!

— Я Дженни. А можно зажечь поминальные свечи в твоём храме?

— Не в моем, конечно, а в храме Хогорта, благосклонного к страдающим. Разумеется, можно! Разве нас с ушедшими не сближают мелочи, крошечные обрывки воспоминаний, маленькие вещицы, оставшиеся на память? Хогорту угодны те, кто помнит и любовно хранит воспоминания в таких мелочах.

Дженни рассеянно кивнула и почувствовала, как ее и впрямь захлестнул вал воспоминаний, состоящий из крошечных капелек: улыбка Анны, патетические жесты Папаши, пальцы Сейши, любовно поглаживающие рожок, молчание Пьера, милые шалости Эрика... Она сидела и думала. Солнце пригревало, ветерок разгонял испарения над болотом. В общем было грустно, но хорошо.

Так они с преподобным Ингваром молчали на каменной скамье, и Дженни не хотелось подниматься. Потому что чем раньше она зайдет в храм и запалит свечи, тем раньше придется возвращаться в Эверон, заниматься невеселыми делами, всеми этими мелочами, в которых толстяк Хогорт — большой дока.

Она долго собиралась с силами, прежде чем решительно встать и заявить:

— Пора.

Преподобный провел ее в храм, где оказалось неожиданно холодно. В глубине темного помещения теплилась жаровня, оранжевые отблески бродили по безмятежному щекастому лицу улыбающегося глиняного Хогорта, перед статуей была полка с потеками воска. Дженни направилась сквозь холодную темноту к жаровне. В стаканчике торчали лучины, она выбрала одну. Расставила свечи и поочередно зажгла. Стало немного светлее, но липкая холодная темнота давила со всех сторон, нависала над Дженни и немного пугала.

— Почему так холодно? — спросила она.

— Это мелочи, — прозвучал из темноты где-то совсем рядом спокойный голос Ингвара. — Не отвлекайся, думай о тех, кто ушел.

Дженни оглядела дрожащие язычки пламени — пять свечей: Бурмаль, Пьер, Сейша, Анна и Эрик. Они встали перед мысленным взглядом, спокойные, родные. И холод

отступил, Дженни его больше не ощущала. Лица, казавшиеся такими знакомыми, дрожали и расплывались, как огни свечей.

— Пройдут годы, ты забудешь их лица, — негромко произнес Ингвар, — но все равно они с тобой навеки. Будем помнить.

Дженни сделала шаг назад, повернулась к выходу, серая накидка преподобного шуршала рядом. Когда она оглянулась, чтобы в последний раз увидеть свечи, то насчитала лишь четыре огня рядом с оранжевым пятном жаровни. Одна свеча погасла. Она собралась вернуться, чтобы поджечь ее снова, но Ингвар сказал:

— Хогорт внимателен к мелочам, он не позволит гореть поминальной свече, если человек жив. Ты только в начале пути, доверься Хогорту и не теряй надежды.

***

Когда Дженни возвращалась к дороге, навстречу ей попало несколько человек. Почти все были в лохмотьях, один — калека на костылях. Нищие, собравшиеся на поклон к Трохомору, они спешили к золоченому куполу. Один был одет как человек с достатком, странно только, что в тяжелом темном плаще, и прикрывал лицо надвинутым капюшоном. День был солнечный, очень теплый, и Дженни показалось странным, что богомолец так кутается. Но мало ли, какие у него причины для этого.

Морко ждал у обочины.

— Очень хорошо, — заявил он, оглядев Дженни, — по-моему, посещение храма пошло тебе на пользу. Выглядишь более спокойной.

— Кто-то из труппы выжил! — выпалила она. — Одна свеча не горела! Священник сказал, что человек жив, поэтому!

— Я бы предположил, что старуха в лавке торгует скверными свечами, — буркнул гоблин.

— А я бы предположила, что ты просто любишь говорить неприятные вещи! Но я уже видела тебя в более приветливом настроении, и, значит, это общение с грязью так на тебя действует, — обиделась девушка. — Остальные свечи были в порядке и горели, как следует. Та лавочница доставала их из одной коробки, чего бы это одна оказалась скверной? Я точно знаю, что кому-то удалось спастись... знать бы, кто это. И где он сейчас!

— Хорошо, — кивнул гоблин, — пусть так. Но поспешим, уже скоро вечер, а мы обещали господину Квестину не задерживаться.

До самого города он молчал, и Дженни не хотелось заводить разговор — вот еще, доказывать этому зеленому ворчуну, что свечи не лгут... на улицах, против обыкновения, было не слишкомлюдно. Правда, сперва за ними увязалась стайка мальчишек. Они строили рожи и вопили:

— Гоблин! Зеленый гоблин! Убирайся из Эверона! Эверон — город людей!

Морко сделал вид, что нагибается за камнем. У сутулого длиннорукого гоблина движение вышло совсем коротким. Детей как ветром сдуло.

Немногочисленные прохожие спешили по своим делам, как всегда в Эвероне, но что-то было не так. Морко насторожился:

— Странное чувство. Мне кажется, чего-то не хватает.

— Ратлеров нет! — догадалась Дженни.

Гоблин огляделся.

— Хм, в самом деле. Не думал, что мне когда-то будет не хватать этих тварей.

— Вот как... а у вас так много общего. Ратлеры тоже любят грязь!

— Они позорят ее своим поведением, — резко ответил гоблин. — Я не оскорблял твоих богов, так, будь любезна, отнесись с уважением к моей вере.

— Прости, — растерялась Дженни, — я не думала, что ты так воспримешь.

Они прошли несколько кварталов в молчании, только деревянная нога гоблина гулко стучала по булыжнику. Куда-то исчезли последние встречные, улица оказалась странно безлюдной. А где-то рядом, за несколько кварталов, раздавался многоголосый шум.

— Что это? — спросила Дженни.

— Приготовься бежать, если я скажу, — вместо ответа велел Морко. — Дорогу домой сумеешь отыскать?

Дженни растерялась.

— Я не... почему я должна отыскивать? А ты?

Шум толпы приближался. Гоблин вместо ответа указал на груды тряпья. Приглядевшись, Дженни узнала оранжевый жилет ратлера, заляпанный грязью и... кровью...

— Я хромой, убежать не смогу, — как всегда рассудительно заявил Морко. — Если ты будешь не с гоблином, тебе вообще ничего не грозит. Помнишь тех детей, что орали нам вслед? Дети всегда повторяют за старшими. Беги отсюда, потом пробирайся домой. Адрес помнишь? Горшечная улица, семьдесят четыре. Беги, Дженни ниоткуда, беги.

— Вот еще!

Крики раздавались уже совсем рядом. Тогда Морко неожиданно сильно оттолкнул Дженни и заковывал в сторону, стуча протезом. Она растерянно замерла, потирая ушибленное тычком гоблина плечо, тут из-за угла показались первые крикуны. У многих в руках были палки и ножи, толпа ревела, но слов было не разобрать, отдельные выкрики сливались в мощный гул. Дженни поразились — какие злобные лица!

А потом все случилось так быстро, что и времени принять решение не было. Люди, крича, бросились к Морко. Тот остановился и поднял кулаки. Первые ряды толпы налетели на гоблина, несколько человек свалилось от его ударов под ноги набегающей людской массе, однако это не задержало натиск, Морко простоял еще несколько секунд, потом его захлестнул орудий и размахивающий палками вал. Когда Дженни бросилась к нему, дворецкий уже скрылся под массой тел.

Дженни дралась, как в ту ночь, когда погибла ее семья — визжала, царапалась, била изо всех сил. Сперва ее не трогали — просто не сообразили, что она на стороне Морко, потом, конечно, досталось и ей... Отпихнув нескольких противников, она увидела среди месива рук, ног и грязных курток зеленую пятерню, сжатую на чьем-то горле, но тут тяжелый башмак врезался в бок, Дженни скатилась с копошащейся груды и... крик толпы сменился звонким грохотом. Драчуны побежали в разные стороны, а Дженни увидела рядом с собой знакомые окованные колеса. Из-под них взлетели искры, когда немой возница попытался остановить карету. Кони ржали и били копытами, щелкал длинный кнут.

Потом Дженни окружили стражники в форме — они тяжело дышали, потому что пришлось бежать за каретой. У них были дубинки и обтянутые грубой кожей щиты. На головах — шлемы, закрывающие верхнюю половину лица. Один склонился и взял Дженни под руку, она узнала тонкие аккуратно подстриженные черные усики и шепнула: «Спасибо, Дональд». В боевом снаряжении вид у сержанта Кубера был очень мужественный.

Тут же рядом оказался префект:

— Дженни, ты цела? Тебя не сильно ушибли?

— Не так сильно, как я их.

Дженни поднялась, держась за бок, и огляделась. Морко Гучих стоял целехонкий, как ни в чем не бывало. Похоже, в свалке пострадала только его одежда — костюм висел ключьями. Гоблин же скалил клыки и, видимо, хотел бы еще подраться. Но налетчики разбежались, когда следом за каретой нагрянуло два десятка стражников.

— Господа, — со смущением в голосе сказал господин Квестин, — это моя племянница Дженнифер. Она собиралась навестить меня, и я отправил за ней дворецкого. Так скверно сложилось... Благодарю всех.

Оглядевшись, Дженни увидела, как на раскрасневшихся потных лицах стражников расцветают улыбки. Они были рады услужить начальнику и спасти его хорошенькую родственницу. Да и вообще, поработать дубинками они, кажется, всегда были не прочь, а сегодня им это позволили.

— Да, спасибо, добрые люди, благодарю за спасение. Вы все герои! — подхватила Дженни, торопливо одергивая перепачканное платье и оправляя локоны. Квестин подтолкнул ее к карете, и она, оглядываясь, тараторила на ходу, — я навещу дядюшку на службе, и мы еще увидимся!

***

В карете префект испустил тяжелый вздох:

— Морко, я же просил...

— Он не виноват, — вступилась за гоблина Дженни, — он приказывал мне бежать, это я не послушалась. Но что случилось? С кем мы дрались? Это что, такой столичный обычай? Или массовое помешательство?

Последовал еще один вздох. Квестин покачал головой.

— Дядюшка? Я ведь из деревни, я не знаю, часто ли в столице начинаются дни поголовного безумия. По городу всегда бегают толпы злодеев?

— Война, — коротко ответил префект.

Выглянул в окно и сморщил лицо — видимо, на глаза попало что-то особенно неприятное.

— Война, — повторил он. — Парламент проголосовал за объявление войны Погонщикам Ветра. Войска уже движутся к гавани, где сядут на суда. И это были не разбойники, Дженни. Это были добрые граждане Эверона, всей душой болеющие за Отчизну. В прилегающих к порту кварталах они громят лавки иностранцев, а здесь, по эту сторону Вулкана, нападают на нелюдей. Не завидую я префектам восточных округов. Мне приказали отправить им подкрепление, двадцать солдат. Что смогут сделать двадцать солдат, когда такое происходит повсюду...

— С другой стороны, — подал голос Морко, — после сегодняшних погромов люди вряд ли будут много говорить о гибели трупы. Этот день подкинет им новые темы для сплетен.

— Да, я тоже об этом подумал, — кивнул Квестин, — поэтому и представил Дженни своим людям. Уже можно. Завтра, когда все стихнет, мы приступим к расследованию вплотную.

Часть 2. Подножие Вулкана. Глава 6. На страже

Наутро, когда по брусчатке загрохотали колеса знаменитой кареты, Дженни вышла на крыльцо вместе с Квестинном. На ней была абсолютно дурацкая соломенная шляпа с широкими полями. По мнению Дженни, этот предмет туалета должен был подчеркнуть, что она — только-только из деревни. К тому же тень от полей шляпы неплохо скрывала лицо.

Морко, как обычно, протянул хозяину шляпу и трость, потом обернулся к Дженни и вручил ей здоровенный раскладной нож:

— Придумай, как его спрятать, — и неуверенно пояснил, — это самый маленький из моего запаса.

Потом, видя растерянность Дженни, торопливо и напористо добавил:

— Отказываться нельзя! Это старинный гоблинский обычай! Ты пришла на помощь в бою.

Колеса кареты уже заскрежетали рядом с домом, и Дженни решила, что согласиться будет проще, чем препираться с упрямым гоблином. Нельзя же задерживать господина префекта, который торопится на службу. И потом, ей понравилась кожаная рукоять, в которую очень ловко пряталось лезвие. Папаша Бурмаль возил в фургоне запас острых режущих предметов — мало ли, встречу с кем пошлет Трохомор. Но Дженни не разрешалось играть с такими вещицами. А ей с детства нравилось все блестящее.

Только спрятать его некуда... разве что засунуть под пояс сзади. Квестин поглядел неодобрительно, однако ничего не сказал. Дженни тоже помалкивала, глядя в зарешеченное окно. Улицы были непривычно малолюдны, а на мостовой валялся всевозможный мусор. Ратлеры, напуганные вчерашним буйством, не вышли на работу.

У перекрестка карета встала. К порту маршировала колонна солдат в красных плащах поверх блестящих доспехов. Солнечный свет играл оранжевыми бликами на надраенных шлемах, как будто каждый нес на голове по горячей свече.

— Я вижу, ты нашла общий язык с Морко, — наконец буркнул префект. — Это хорошо. Но оружие...

— Все в порядке, дядюшка, — заверила его Дженни, — я же приехала издалека! У нас в деревне все с такими ходят. А много у гоблинов старинных обычаев?

— Надеюсь, что нет. Любой их обычай обогащает эверонских оружейников и добавляет работы страже. Но подарок Морко... ты представляешь, что подумают мои подчиненные, если увидят тебя с этой штукой?

— Позавидуют, что у них такого нет?

Карета встала. И неприятный разговор прервался. Резиденция Квестина размещалась в двухэтажном здании с красной табличкой, на которой золотыми буквами значилось: «Префектура Юго-Западного округа». За дверью был короткий коридор, с решетками по обе стороны. В конце — стол, за которым сидел стражник. Ну а дальше уже комнаты для солдат, кабинеты офицеров, писарей и прочих служащих.

Квестин провел Дженни во внутренние помещения и сказал, что ей придется подождать.

— А я думала, мы сразу начнем расследование.

— Сперва нужно разгрести вчерашние дела, а их накопилось немало! Несколько погромщиков арестовали, я обязан заняться ими в первую очередь.

Дженни села в коридоре на стул, мимо пробежали стражники, и в целом было похоже на редакцию газеты, но людей поменьше. Все, до единого, служащие префектуры пялились на девушку. Кое-кто уже видел ее вчера во время беспорядков, они рассказали остальным, что это за гостья. И каждый, кто еще не успел поглядеть на родственницу Квестина, посчитал своим долгом восполнить этот пробел в знании жизни. Конечно, все они делали вид, что спешат по делам, но исправно косились на Дженни.

Поэтому поток ужасно деловитых стражников иссяк только когда возвратился Квестин. Он бросил Дженни:

— Я так и думал! Были зачинщики. Какие-то личности, довольно много. И все не местные, во всяком случае, ни один из арестованных не смог припомнить, чтобы встречался с ними прежде. Однако, когда эти незнакомцы стали призывать напасть на представителей других рас, их охотно слушали.

— Потому что горожане сами хотели этим делом заняться, а тут такой случай, — решила Дженни.

— Именно так. Но я теперь знаю, что кому-то нужно было натравить людей на ратлеров и гномов. И я догадываюсь, чьи уши торчат из этой истории... Эй, сержант Кубер!

Подошел Дональд и неуверенно кивнул Дженни.

— Кубер, арестованных внесли в книгу? Адреса, имена? Тогда осталось записать с их слов приметы зачинщиков и пусть проваливаются! Займись этим, да не забудь припугнуть, что при повторном задержании по сходному поводу тюремный срок им обеспечен! И что в тюрьме сейчас полно гоблинов! Если им так уж охота драться с нелюдями, тюремная охрана устроит им такую возможность и даже отвернется, пока они будут проявлять патриотический пыл, это я обещаю.

Дженни улыбнулась, представив себе людей, напавших вчера на Морко, в подобной ситуации. Только если гоблин не один против сотни.

— Действуй, — напутствовал Кубера префект, — а мы вернемся к нападению на труппу Бурмаля. Когда закончишь, присоединишься к нам.

Дженни предпочла бы, чтобы Дональд присоединился к ним мгновенно, он так мило смущался, когда глядел в ее сторону! Но префект уже решил, что Кубер займется задержанными.

Квестин привел «племянницу» в свой кабинет на втором этаже. Дженни оглядела старый исцарапанный стол, заваленный бумагами, пыльные шкафы вдоль стен, и заметила:

— Очень мило. Похоже на дикий лес в моей родной деревне. Если вы не возражаете, дядюшка, я бы навела здесь порядок.

— Возражаю! — с некоторым испугом отрезал Квестин. — Здесь все разложено так, как мне удобно, я знаю, что где. И вообще, давай не отвлекаться. Припомним встречи Бурмаля в день приезда. Тролль, надзиратель при Тысяче Столбов, ломбард, газета, трактир «Удача».

— Тролль был очень милый, — напомнила Дженни. — Он уж точно не виноват.

— Вы привели в город нелюдя, и после вчерашних стычек я могу предположить, что именно это кого-то возмутило... но наша главная цель — Повелитель Огня, а ему все равно, человек или тролль, мы все для их породы чужаки и слуги. Далее... Надзиратель сейчас занят своей площадью, за ним приглядывают. Я поставил у Тысячи Столбов стражников, при них он вряд ли чем-то себя выдаст, даже если и виноват. Его я оставляю напоследок, потому

что из всех возможных подозреваемых он имел самую лучшую возможность разглядеть тебя как следует. Значит, ты не покажешься ему на глаза. Пусть пока трудится на пепелище. Далее ломбард.

— «Дрейкензер и компаньоны», — вспомнила название Дженни.

— Их вчера тоже осаждала толпа, однако не слишком напористо, потому что гномы всегда хорошо вооружены. Чуть позже мы поговорим со шпиком, которого я отправил приглядывать за этим заведением.

— Шпик?

— Он тоже стражник, но не носит форму. Незаметно выслеживает на улицах, кого прикажут. Послушаем, что он скажет. Может, заметил что-то подозрительное, связанное с «Дрейкензером». И, наконец, трактир «Удача». Вор, которого там избili по вашей с братом милости, находится здесь, за решеткой. С ним мы можем поговорить сейчас, не откладывая.

***

Но все-таки разговор пришлось отложить. В кабинет постучал Дональд, следом за ним вошел низенький плотненький человечек с самой заурядной внешностью. Примерно одних лет с префектом, одет как горожанин среднего достатка. Только его взгляд Дженни сразу показался приметным — цепкий, внимательный. Человечек двигался вяло и расслабленно, но глаза так и стреляли по сторонам.

— Брем Борк, — представил коротышку префект, — наш тайный агент. Я тебе говорил. А это Дженни, моя родственница.

— Должно быть, дальняя родственница, — сонным голосом заметил шпик, — потому что фамильное сходство в глаза не бросается. Но я человек наблюдательный, я его заметил.

Дженни поняла, что в словах Брема Борка содержится намек. Конечно, никакого фамильного сходства нет. Она худенькая и загорелая, а префект — широкий в кости и по-городскому бледный. А шпик дал понять, что не верит начальству, однако принимает правила игры. Надо будет с ним поосторожнее, он хитрый.

— Она сирота и сейчас живет у меня, — ответил Квестин. — Ну и вообще... состоит при мне, пока не освоится в столице. Так что присаживайся к столу и рассказывай, что там с «Дрейкензером и компаньонами». Сержант, возьми стул и располагайся поближе.

Борк неторопливо поерзал на жестком казенном стуле, устроился поудобнее и заговорил:

— Ничего интересного о гномах я тебе не расскажу. Заведение работало, необычного я не заметил. Никаких странных посетителей, никакого подозрительного шума внутри здания. Ну, сам понимаешь, за исключением вчерашнего дня, когда десятка три граждан, озабоченных величием Эверона, подступили к ломбарду с лозунгами: очистить город от нелюдей. Но гномы встали у окон с арбалетами, что, говоря коротко, примирило с их присутствием наших добрых земляков.

— Брем, я тебя давно знаю, — перебил его префект. — Не тяни, выкладывай главное.

— Вот вечно с тобой так... не поговоришь толком, — пожаловался Брем. — Главное в этой истории вот что. Ты не единственный, кого интересуют «Дрейкензер и компаньоны». Я обнаружил слежку.

— За тобой? — насторожился Квестин.

— Нет, за заведением. Ребята эти очень толковые, я не мог оставаться незамеченным.

Вот поэтому и решил явиться к тебе с докладом уже сейчас. Перед ломбардом торчат двое стражников, ничего интересного они не увидят, но, по крайней мере, обратят внимание, если двери заведения начнет штурмовать армия с таранами и катапультами. Так что я могу и отлучиться.

Дженни слушала, затаив дыхание. Это был разговор двух старых приятелей — оба ветераны стражи, настоящие профессионалы, поэтому хитрюга Борк и позволяет себе шутливый тон. И еще он обращался к префекту на «ты», больше никому из стражников такого не разрешено.

— Толковые ребята, — повторил Квестин, раздумывая.

— Ага. Из конторы Герарда Томса.

— А, так ты их узнал!

— Ты же понимаешь, в нашем ремесле хорошие люди быстро становятся известны тем, кто тоже постоянно в деле. Это были агенты Томса, я их знаю, они меня знают, так что никакой секретности в моей работе не будет, а если в ломбарде кого-то зарежут, у тебя будет законное право обратиться за сведениями к старине Герарду. Тогда стража получит разрешение суда, и Герард не сможет отвертеться.

— Хорошо, Брем, — кивнул префект. — Ты прав, можешь немного отдохнуть... Да! а во время беспорядков ты ведь тоже был поблизости? Не заметил людей, которые науськивали горожан на нелюдей?

— Науськивали? — добродушное кругло лицо шпика расплылось в улыбке. — Ошивались там два скользких типчика... такие, знаешь, уверенные в себе, которым толпа охотно позволяет вертеть собой. Эта пара явно верховодила. Но они скорее звали людей убраться от ломбарда и поискать врагов в другом месте. Ну и потом, понимаешь ли, гномы, конечно, невелики ростом, да арбалеты-то у них вполне нормального размера. Тоже аргумент.

Когда шпик убрался, Дженни оглядела поочередно обоих стражников и жалобно сказала:

— Я ничего не поняла. Кто это такие — агенты Томса?

— Частное сыскное агентство, — объяснил Квестин. — Что-то вроде стражи, но работают не на городские власти, а на частных клиентов. У них есть право не делиться с нами сведениями, если нет постановления суда.

— Таких контор в Эвероне довольно много, — вставил Кубер, — но Томс — самый известный. Его агентство расположено выше других, практически на склоне Вулкана. Понимаешь, Дженни, у нас здесь чем выше, тем значительнее и почетнее.

— Точно, — кивнул префект, — Герард Томс умеет создать большой шум вокруг своей, якобы тайной, работы. Его знают все, и именно к нему обращаются господа с Вулкана, когда хотят что-то разнюхать здесь, внизу. Можно предположить, что и сейчас его нанял кто-то из лордов. Хотелось бы надеяться, что тот самый, который нам и нужен... не верю я в такие совпадения.

— К Томсу нам не подступиться, — напомнил сержант.

Дженни помалкивала и только вертела головой, когда собеседники обменивались репликами. Все происходящее было для нее загадочно, как сказка. Страшная сказка — если вспомнить, по какой причине она здесь сидит и все это слушает.

— Ну что ж, — префект положил ладони на стол и тяжело поднялся. — В медальоне, который заложил бедняга Бурмаль, определенно что-то есть. Хорошо бы послать к ломбарду кого-то, неизвестного ребятам Томса. Но такого ловкача у меня нет, старина Борк — лучшее, чем располагает префектура.

— Может, выпросить кого-то из восточных префектур? — предложил сержант. — Или из городского резерва?

— Нет, — Квестин потянулся за тростью, — агенты Томса их тоже знают. Только заставим их нанимателя насторожиться. Но что толку мечтать? Если вещица пропадет из ломбарда, гномы подадут жалобу, начнется официальное расследование, тогда я наяду на Томса.

— Как пропадет? — Дженни даже вздрогнула. Этот медальон был единственной вещью, оставшейся на память от семьи. — Почему?

— Услуги Томса стоят дорого. — ответил префект. — Если серебряная звезда настолько интересна убийце, что он пошел на такие расходы, значит можно ждать чего угодно.

— Тогда я выкуплю, — заявила Дженни, — я же имею право! И деньги редактор «Зоркого глашатая» вернул, у меня есть монеты!

— Я не могу пойти на такой риск, — вздохнул префект. — Тебя нет, вспомни. Никто не выжил на площади Тысячи Столбов.

— Верно, — поддержал начальство Кубер. — Если о тебе узнает убийца, то ты окажешься в огромной опасности.

— И то сказать, вообще непонятно, как тебе удалось пережить нападение Повелителя Огня, — продолжил префект. — Тебе будет тяжело это слышать, но все-таки скажу. Вчера я осматривал все, что вывезли с пепелища. Ни одной не обугленной вещицы, ни одного тела, которое можно опознать. Одиннадцать полностью обезображенных мертвецов, и единственное, что мы может установить: два тела — женские.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Сейша и Анна, — вздохнула Дженни. — Но почему одиннадцать? Сейша, Анна, Папаша и два брата...

— Повелитель сжег своих головорезов. Видимо, очень разозлился. Представь, что такой сделает с тобой, если узнает, что ты жива? Нет, серебряная звезда останется в ломбарде, а твое существование — в тайне.

— Шесть своих людей, — подсчитал Дональд Кубер. — Одним-единственным движением убил шесть человек, которые были преданны, которые по его слову пошли на тяжкое преступление!

И тут Дженни вспомнила. Бурное окончание вчерашнего дня совсем стерло из памяти самое главное. Она замялась, переводя взгляд с Кубера на «дядюшку» и мучительно трудно подбирая нужные слова.

— Не шесть. А семь! — выдавила из себя наконец. — Семь! Налетчиков! Семь!

Стражники удивленно воззрились на Дженни.

— Кто-то еще остался жив! — собравшись с мыслями, пояснила она. — Не только я. Кто-то еще уцелел! Вчера я зажгла поминальные свечи в храме, и одна свеча погасла. Кто-то еще...

— И только потом, что одна свеча из пяти не стала гореть... — начал Квестин.

Он говорил медленно, чтобы не расстроить Дженни, которая радостно сияла, сообщая

новость. Но видно было, что префект настроен скептически.

Дональд хлопнул себя по лбу:

— Точно! Господин префект, точно! Вчера Дженни упоминала, что во время драки люди в черном уволокли от фургона кого-то с мешком на голове!

— Она такое говорила? Да? — Эдуард Квестин распахнул глаза. Он был рад за Дженни, так как отлично понимал, что означает для нее надежда. Кто-то из семьи жив! Сам-то префект уже давным-давно не надеялся на подобное счастье. — Вот! Вот, молодые люди! Вот, Дженни! Как раз для этого я и велел тебе рассказывать всю историю сразу же, когда мы ехали домой! Дональд, мой мальчик, запомни эту историю! Теперь ты видишь, как важен первый допрос сразу же после преступления?

На щеках сержанта проступили симпатичные красные пятна. Он оглянулся на Джени и великодушно заметил:

— А ведь я бы сам мог не вспомнить! Только из-за этого разговора о поминальной свече сообразил.

— И благодаря первому допросу! Так-то! Эх, Дженни, это было бы здорово! Если только мы правы, это было бы здорово!

Квестин засиял. И Дженни была ему ужасно благодарна за сопереживание. Правда, к этому чувству префекта примешивалась капелька гордости за свое мудрое решение допросить потерпевшую по горячим следам. А следы тогда были ох, как горячи...

И вот тут-то Дженни ощутила, что впервые сама по-настоящему поверила, что, кроме нее, еще кому-то из семьи удалось пережить огненную ночь. Что бы она ни говорила о погасшей свече, но, если честно, не слишком доверяла словам преподобного Ингвара. Сама же забыла о человеке с мешком на голове... кто это мог быть? Нет, память молчала.

До сих пор она скорее хотела верить, чем действительно верила. Но радость Дональда и «дядюшки Эдуарда» помогли ей обрести настоящую надежду.

***

И как нарочно, чтобы испортить Дженни только-только появившееся настроение, ее повели к камерам задержанных — поговорить с воришкой из «Удачи». Содержали арестантов, как полагается, в подвале. Помещение представляло собой полутемный коридор, по которому прохаживался громадный стражник, он помахивал увесистой дубинкой, и его необъятное брюхо колыхалось в такт шагам. В этом мерном движении живота было что-то грозное и даже устрашающее.

По обе стороны коридора были решетки, за которыми виднелись охапки соломы. В подвале было тихо, и шаги толстяка отдавались гулким эхом.

— Доброе утро, Мервин, — приветствовал тюремщика префект, — где у тебя задержанный?

— Это у вас там наверху утро, а у нас всегда темно! — отвечивал страж подземелья и гулко хохотнул.

Камеры казались пустыми, и Дженни напрасно вглядывалась в полумрак.

— Так выпустили их, — развел руками тюремщик, — вот сержант Кубер самолично и выпроводил! Остался только один, да и тот совсем маленький, можно сказать — никакой! Хо-хо!

Надо же, подумала Дженни, на такой мрачной должности здесь весельчак. Шутками так и сыплет! Но ее спутники не удивлялись, они толстого стражника знали давно. Префект,

пропустив мимо ушей юмор старины Мервина, кивнул:

— Вот этого и показывай. Где он?

Толстяк повел вдоль коридора и остановился перед клеткой. Постучал дубинкой по решетке и велел:

— Эй, как тебя, выползи на свет! Покажись господину префекту.

Загремели цепи, и из груды соломы поднялось тощее нечто, в котором Дженни с трудом узнала своего знакомого. Карманник выглядел куда хуже, чем в «Удаче». Его наряд висел ключьями, а на узком личике болезненная бледность соседствовала с уже начавшими зеленеть синяками. Разбитая губа опухла, а тощие грязные руки бессильно поникли, отягощенные массивными кандалами.

Дженни ощутила укол жалости. Одно дело подставить преступника, который на твоих глазах совершил кражу, и совсем другое — видеть этого жалкого несчастного человечка.

— Дядюшка, зачем на нем цепи? — шепнула она на ухо Квестину. — Он такой... такой бедненький... даже жалко.

— Он здесь благодаря тебе, между прочим, — так же тихо ответил префект, — а у нас положено арестованных преступников содержать в цепях.

Потом, уже громко, заговорил с арестантом:

— Имя?

— Джек, — с готовностью ответил карманник.

— Фамилия?

— Джек! Ваша милость, не подумайте плохого, это и есть фамилия! Джек Джек, всегда к вашим услугам! Прошу, проявите милосердие! Меня избили, чуть насмерть не затоптали, да еще в цепи заковали, как преступника!

— Как преступника, укравшего кошелек, — строгим тоном напомнил сержант Кубер.

— Наговор, — с прежним энтузиазмом возразил Джек Джек, — подкинули кошелек, и виноватым выставили. Вон, глядите, и барышне меня жалко! Я по глазам вижу, что жалко! Оно конечно, когда честного человека тиранят!

— Да брось, у нас есть свидетели, — префект поднял руку, останавливая болтуна. — Скажи лучше, откуда ты? Я тебя вроде не помню.

— Неужто ваша милость помнит всех честных граждан нашего славного Эверона? — притворно изумился арестант. — И только одного бедного, всеми обижаемого Джека запомнить изволили?

Толстый Мервин стукнул дубинкой по решетке, и арестант, брякнув цепями, отшатнулся в темноту.

— Не груби господину префекту, — строго сказал тюремщик. — Отвечай коротко и ясно.

— Ты не из моей префектуры, — добавил Квестин. — Своих-то я худо-бедно знаю. Так откуда?

— С той стороны, — ответил преступник. — Мне скрывать нечего, я честный человек. Если у вас есть свидетель, признаю свою вину и прошу снисхождения. У порта я живу, Якорная улица.

— И чего ж ты вздумал промышлять к западу от Вулкана? — спросил префект,

А Дженни поняла, что означали слова Джека «с той стороны». Карманник жил по другую сторону горы.

— Да так, зашел пивка попить, — несколько менее уверенно ответил преступник. — А

тут смотрю, вроде ничего такой вариантик. Ну и не удержался.

— Из шайки, что ли, прогнали? — чуть улыбнулся префект. — Давай уж, рассказывай. Я же знаю, что бывает пришлым за такие вариантыки. Если бы ты попался не моим людям, а здешнему вору, то вряд ли сейчас имел бы возможность поговорить. До берега далеко, так что здесь тех, кто промышляет на чужой территории, топят не в море, а в навозе.

— Что же мне делать, господин? — вздохнул Джек. — Куда ни сунься, везде плохо.

— Значит, прогнали. Интересно, за что? И из какой шайки?

— Бод Камбала, слышала ваша милость о таком?

Квестин кивнул.

— У него бородавка на носу, и он не терпит, когда об этом кто-то поминает вслух. Даже грозился пристукнуть любого, кто скажет. А у меня язык слишком длинный.

— Заметно, — вставил Кубер. — Так ты сказал насчет бородавки, и за это тебя прогнали?

— Сказал... — злодей издал новый тяжкий вздох, — раз двадцать. Или тридцать. А может и сорок. Но наверняка меньше, чем пятьдесят. Я же всегда правду говорю, потому что у меня характер открытый, честный. А бородавка на носу — это такая правда, которая всегда на виду. О таком молчать — просто грех.

Дженни задумалась. При ближайшем рассмотрении Джен Джек больше не казался ей врагом. И такой же одинокий, как она сама. Ей жизнь дала новый шанс, сведя с Квестином и Морко, судьба которых напоминала ее собственную. Может, ради справедливости надо бы дать шанс и этому убогому человечку?

Но додумать ей помешал топот подкованных сапог на лестнице — в подземелье спускался стражник.

— Господин Квестин! — подал он голос, еще не добравшись к камерам. — Вы здесь, господин префект? Вам бы подняться! У нас посетитель! К вашей милости!

Квестин заторопился к выходу, бросив Джеку Джеку, что разговор еще не окончен. Если его зовут, значит, посетитель не простой. Дженни, торопясь за «дядюшкой», пару раз оглянулась на заключенного. А тот, обхватив грязными пальцами прутья решетки, с тоской глядел ей вслед. Видно, догадывался, что эта девица ему сочувствует. Виновницы своего ареста он в Дженни не узнал. Размышляя о его незавидной участи, она пропустила начало разговора Квестина с посыльным. Потом, когда поняла, что префект очень озабочен, прислушалась внимательнее.

— Точно, она сама! Собственной персоной! — с придыханием толковал стражник. — Леди Урсула!

— Хм... Дженни, тебе лучше не показываться на глаза этой даме, — оглянулся на «племянницу» префект. — Знаешь, что... идем! Сержант, бегом наверх, выстави почетный караул и смотри, чтобы у входа никто не околачивался с ленивым видом! Я сейчас буду.

И, прихватив Дженни под руку, он потащил ее вверх по лестнице. Рядом со спуском в арестантскую была еще одна лестница, префект подтолкнул девушку к ней и велел:

— Спускайся! Это наш архив, там только смотритель, весьма достойный молодой человек, посиди у него, пока я выясню, почему нам выпала такая честь — принимать леди начальника тайной стражи Повелителей Огня. Не показывайся наверху, пока я не приду сам или не пришлю за тобой!

Префект исчез с такой скоростью, что Дженни очень хорошо почувствовала, как он встревожен неожиданным визитом. Что ей оставалось делать? Она вздохнула, пожалала

плечами и отправилась в архив.

Помещения под префектурой выглядели гораздо более старыми, чем здание. На лестнице было темно, так что спускаться пришлось медленно и осторожно, тем более, что ступеньки были покатыми и скользкими. Ориентиром служил прямоугольник входа, скудно освещенный изнутри.

Оказавшись у входа в архив, Дженни осторожно заглянула. Старый сводчатый подвал был заполнен стеллажами. На них рядами стояли книги и громоздились пыльные пачки старых документов. В общем, ничего интересного, на взгляд Дженни. Она довольно много читала, Папаша таскал в фургон книги, откуда только удавалось, и твердил, что человек — это прочитанные им книги. Он же поэтому и гордился своими немудреными пьесами — думал когда-нибудь издать их в красивом оформлении. Но такого количества исписанной бумаги Дженни в жизни не видывала.

Свет шел откуда-то из глубины помещения. Дженни побрела между стеллажами, среди дышащих древностью нагромождений букв, как по волшебной пещере. Источником света была лампа, горящая на столе смотрителя архива. Весьма достойный молодой человек оказался рыхлым круглолицым увальнем.

Вид у него был очень добродушный и даже слишком безобидный для служащего префектуры. Он листал толстенную книгу и так погрузился в чтение, что не заметил появления Дженни. Тишина в этом подвале была полная, но она и шагала аккуратно, так что издавала шума даже меньше, чем страницы, которые переворачивал толстый юноша.

Тут Дженни, конечно, не смогла удержаться! Вытащив из-за спины подаренный Морко Гучихом нож, она обнажила тускло отсвечивающее лезвие. В полутьме оружие выглядело очень зловеще. Подкравшись к столу, Дженни выскочила из-за стеллажа, направила нож на опешившего смотрителя и прошипела самым страшным голосом, на какой была способна:

— Не двигаться! Это ограбление!

Юноша смешно всплеснул пухлыми ладошками, откинулся на спинку стула, будто хотел оказаться подальше от ножа, и уставился на Дженни широко распахнутыми глазами. Та, вполне довольная произведенным эффектом, сложила нож, вернула на прежнее место и медленно, чтобы не пугать слишком впечатлительного смотрителя архива, подошла к столу.

Заглянула в распахнутую книгу:

— Что читаешь?

Тот только открывал и закрывал рот, не в силах выдавить из себя ни слова. Наконец сообразил:

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

— Вообще-то, я первая спросила. С твоей стороны невежливо уходить от ответа. Я любимая родственница господина префекта, звать меня Дженнифер, Дженни. Сейчас в здание ворвалась леди Урсула со своими головорезами. Она собирается найти самого вкусного стражника, убить, зажарить и съесть. Или сперва зажарить, а потом все остальное? Не помню. Это же такие мелочи, с точки зрения великого и неподражаемого Хогорта.

— А зачем тебе нож? — проямлил, постепенно приходя в себя, смотритель.

— Говорю же, охранять тебя от леди Урсулы. Насчет ограбления — это была шутка. Просто ты сидел здесь с таким скучным видом, что нельзя было не устроить что-то веселенькое. Ты же служишь в страже и должен быть всегда готов к неожиданностям.

— Глупая шутка! — толстяк уже опомнился и теперь, медленно наливаясь румянцем, переживал свой позор.

— Конечно, глупая, — не стала спорить Дженни. — С дядюшкой я бы придумала что-то умное, а с тобой это. Какая мишень, такие и стрелы, знаешь ли. Итак, что ты читаешь?

— Справочник по криминалистке. А насчет леди Урсулы, это тоже была шутка?

— Нет, она в самом деле здесь. И дядя велел мне спрятаться в самом безопасном месте, куда она вряд ли заглянет. Надо полагать, она не любит читать, поэтому дядя выбрал архив. В общем, тебе придется еще некоторое время меня потерпеть. Ты же не сердишься, правда?

Смотритель посопел немного и кивнул:

— Конечно, не сержусь! Меня зовут Реми, и я здесь тоже благодаря родственнику. Мой дядя Мервин служит в страже, вот и устроил меня смотрителем архива.

Дженни вспомнила толстого тюремщика.

— А так это у вас фамильное — служить в подвале!

О фамильной склонности к полноте она решила не говорить.

— Подвалы здесь не при чем. Я собираюсь поступать в университет, — пояснил Реми, — изучать право! Поэтому мне полезно летом поработать в страже и изучить охрану закона на практике. А откуда у тебя гоблинский нож?

— Стяжала в бою. Хм, а ты сразу определил, что он гоблинский!

— Я хорошо изучил справочник по оружию. Так почему ты таскаешь с собой это оружие?

— Это, знаешь ли, старинный гоблинский обычай. Когда ты приходишь на помощь королю гоблинов, который бьется один против тысячи, он дарит тебе меч. Ну а если гоблин не король, и это не бой, а уличная драка, то, значит — получаешь ножик. Слушай, Реми, нам, похоже, здесь еще долго сидеть. У тебя найдется книга с картинками, чтобы не так скучно было?

Будущий правовед встал, почесал затылок, и поплелся между стеллажами. Остановился перед одним из них, полез на полку. Взлетело облачко пыли, Реми чихнул... потом затопал обратно, аккуратно неся перед собой на вытянутых руках толстенный том.

— Что это? — удивилась Дженни.

— «Большая Эверонская история»! Ты же просила с картинками.

— Вообще-то, я историю знаю...

Сперва Дженни подумала, что это какая-то скучища, а книжищу Реми подсунул ей из мести, чтобы злорадно смотреть, как она зеваёт, листая пыльные страницы. Но картинки оказались чудесными, Вулкан был вполне узнаваемым, а потом, начав читать, она втянулась, и стало интересно.

— А ничего так, познавательное, — пробурчала она, вглядываясь в иллюстрации.

Реми обрадовался. Вряд ли ему часто удавалось произвести впечатление на девушку. Чтобы закрепить успех, он торжественно объявил:

— Учти, перед тобой запрещенная книга! Она потому и хранится в архиве стражи, что ее нельзя читать. Это напечатано в Морвене!

Морвен лежал далеко на севере и, как полагало большинство эверонцев, был чем-то вроде столицы царства зла. Правили там Хозяева Льда, с которыми Повелители Огня в прежние времена враждовали очень долго и упорно. Официально считалось, что лорды Вулкана победили северян, но Морвен по-прежнему стоял несокрушимо, и Дженни догадывалась, что официальная пропаганда несколько преувеличивает успехи Повелителей Огня. Как бы там ни было, история Эверона, написанная и изданная в Морвене, в самом деле должна была являться жуткой редкостью.

***

Предки лордов Вулкана были племенем слабым, они не отличались ни мужеством, ни силой, их поселение часто становилось жертвой нападений гоблинов или других человеческих племен. Постоянно терпя поражения, они бежали к подножию горы, извергающей дым. На дне глубокой пещеры спала Огненная Саламандра, это ее выдохи черными клубами вырывались сквозь трещины в камне.

Здесь племя беглецов обрело покой. Вблизи Вулкана их никто не беспокоил — все, даже гномы, избегали приближаться к громаде, из которой валит дым. А предки Повелителей Огня отчаялись до такой степени, что решились укрыться там.

Но склоны Вулкана были бесплодны, еды постоянно не хватало. И тогда тощие черноволосые и вечно голодные люди стали обшаривать пещеры в поисках чего-нибудь съедобного. Голод сделал их неразборчивыми, они были готовы сожрать даже самых мерзких тварей, какие попадались в трещинах и промоинах. Постепенно они углублялись все дальше и дальше в пещеры — до тех пор, пока не наткнулись на лежбище Огненной Саламандры. И, мучимые нестерпимым голодом, съели ее.

Огненная Саламандра была богом горы, ее сила перешла к тем, кто насытился ее плотью. Обретя новую способность, племя черноволосых людей окрепло, выстроило укрепления на склонах Вулкана, который больше не дымил, и стало совершать набеги на прежних врагов. Теперь все трепетали перед ними, а слабые народы стекались к подножию горы, чтобы просить новоявленных лордов о защите. Первыми пришли ратлеры. Жалкий народец, но именно их следует считать основателями города в тени Вулкана.

Повелители Огня объявили землю у подножия каменной громады своей собственностью, и те, кто селился на их территории, обязались служить лордам. Так появился город Эверон. Чем дальше, тем больше слабых и гонимых собиралось под рукой Повелителей Огня, мощь их государства выросла, но со временем им стало нравиться считать себя милостивыми и добрыми правителями. Они наделили подданных разнообразными правами, а к правящему парламенту добавили еще одну палату — представителей народов, чьи предки не отведали мяса Саламандры...

Все это морвенский историк излагал с сухой беспристрастностью. И какие там были картинки! Сперва — жалкие дикари, бегущие от воинственных гоблинов. Потом — вечно голодные оборванцы, пожирающие все, что попадетсЯ. Потом — Огненная Саламандра, спящая под горой, и тожественный момент съедения. Дальше черноволосые беглецы преобразуются, вот они строят первые замки на склонах Вулкана, вот они, облаченные в доспехи, огненными ударами прогоняют гоблинов, вот первые улицы Эверона... и ратлеры, роющие подземные ходы под городом...

Дженни еще не добралась до того момента, как у эверонских берегов появились первые ледяные корабли, когда услышала, что в архив идут. Реми торопливо выхватил книгу из рук Дженни и поволок ее на прежнее место. Когда солдат стражи появился из-за стеллажей, она чинно восседала рядом с Реми и с фальшивым любопытством листала справочник по криминалистике. И в этой книжонке совсем не было картинок!

— Госпожа Дженнифер, вас дядя зовет! — провозгласил посланник. — Извольте пожаловать в его кабинет!

Дженни встала, одернула непривычно широкую юбку и бросила Реми:

— Ты этот справочник не убирай далеко. Я потом дочитаю. Надо же разобраться, как совершаются преступления в Эвероне. А то вдруг придется самой что-то стащить или кого-то обжудить, а я же совершенно не разбираюсь в преступлениях! Так и до беды недалеко.

***

Когда Дженни вошла в кабинет префекта, тот стоял у окна и, загородившись шторой, наблюдал за происходящим у входа. Дженни, привстав на носки, глянула поверх его плеча. Дама в черном — несомненно сама леди Урсула — стояла у кареты, а перед ней вытянулся сержант Кубер. Женщина говорила, стражник кивал. Охрана Повелительницы Огня, несколько солдат в черной униформе и доспехах из тусклой вороненой стали, держались поодаль. Они старательно пялились в сторону, поскольку, вероятно, им не полагалось знать, о чем говорит госпожа.

Знаменитая начальница тайной стражи Вулкана Дженни совсем не понравилась. Тощая и костлявая дамочка, типичная представительница своего народа. То есть черноволосая наследница вечно голодных дикарей. При этом она отличалась болезненной бледностью, и ее лицо казалось вырезанным из куска лежалого сыра — потемневшего и зачерствевшего.

Сержант, не смея отвести взгляд от собеседницы, но и не глядя ей в глаза, бессмысленно пялился поверх плеча леди. Его губы изредка шевелились — он что-то отвечал.

Наконец разговор окончился, Кубер щелкнул каблуками, а леди Урсула, подобрав юбки, полезла в карету.

— Убралась, — буркнул префект. — Наконец-то можно вернуться к делу.

— А что ей было нужно-то?

— Так и не сказала. Ходила, высматривала непонятно что. Говорила, что нужно быть бдительными, в городе могут объявиться шпионы Погонщиков Ветра. Откуда им здесь взяться? Потом велела Куберу ее проводить и удалилась.

— А вы не любите тайную стражу, — сделала вывод Дженни.

— Их никто не любит. Да и за что? — ответил Квестин. — А мне они мешают работать. Ты же знаешь, я надеюсь отыскать Повелителя Огня, виновного в смерти жены, но все преступления лордов находятся в ведении тайной стражи. Мне запрещено разнюхивать что-либо об их делах. А они только по названию тайные! На самом деле открыто лезут во все значительные дела!

Его речь прервал стук в дверь — явился Кубер.

— Чего она от тебя хотела, сержант? — обернулся к нему Квестин.

Дональд залился краской. Он очень мило краснеет, подумала Дженни.

— Не уверен, что понял правильно леди Урсулу, господин перфект, — с запинкой ответил Кубер. — Она говорила о бдительности.

— Ладно, вернемся к делу.

Все трое расселись у стола, и префект подвел итоги:

— Итак, по нашему списку. Смотритель Тысячи Столбов подозрений не вызывает. Воришка по имени Джек Джек — тоже. Я, конечно, обращусь в префектуру его округа за подтверждением, но даже если он лгал, не думаю, что это имеет значение. Может, где-то малость присочинил, но в целом его, вероятно в самом деле выгнали из шайки, и,

получается, мстить за него никто не станет. Самым интересным моментом остается медальон со звездой.

— Да, вмешательство Томса выглядит крайне подозрительно, — вставил сержант. — Но подступиться к ломбарду мы не можем. Если Брем Борк не берется вести слежку, то у нас нет подходящего агента для такого дела.

— Я бы кое-кого предложила, — осмелилась Дженни.

Оба стражника с удивлением обернулись к ней.

— У нас же есть один человек, которого сотрудники Томса не знают. Я имею в виду Джека.

— Джека?! — в один голос удивленно спросили перфект и Дональд. — Джека Джека? Преступника?

— А что такого? Его выгнали из шайки, податься ему некуда, он согласится поработать на нас. Наблюдать и замечать он умеет.

— Дело не в его согласии, — заметил Квестин. — А в том, насколько он может быть полезен.

— Он вор, и если люди этого самого Томса его заметят, то никак не свяжут с префектурой, — объяснила свою идею Дженни. — По крайней мере, он присмотрит за ними.

Сержант удивленно хлопал глазами, но префект уже принял решение:

— Кубер, приведи сюда этого заморыша.

Услышав предложение префекта, Джек Джек задумчиво почесался, гремя кандалами и удивился куда меньше, чем ожидала Дженни. Видно, положение его в самом деле было безвыходное.

Зато сержант сомневался.

— Не могу поверить, что мы это обсуждаем всерьез, — буркнул он. — Джек преступник, пойманный с поличным.

— А еще он жертва, его тоже обокрали, — напомнила Дженни. — Одно ограбление минус одно ограбление — в итоге ничего не осталось.

— Благослови тебя Трохомор, барышня, — вор с чувством прижал руки к впалой груди, от чего цепи загремели. — Все бы так считали!

Квестин поморщился:

— Закон считает немного по-другому. Все зависит от того, как ты сработаеть, Джек. Надеюсь, ты меня понял.

— А что, если меня прихватят местные ребятишки за этим самым делом? — осторожно поинтересовался вор. — Что ваша милость изволили говорить насчет утопления в навозе?

— Так ты же не будешь работать по своей специальности, — успокоил его префект. — нужно просто внимательно смотреть и запоминать. Наш мастер слежки объяснит тебе некоторые тонкости, дальше сам разберешься. Главное, оставайся в рамках закона.

— То есть вообще ничего не делать? Тогда я согласен!

— Кубер, отведи его... — префект замялся. — э... помыться и переодеться.

— Главное, не забыть бы снять с него цепи, — напомнила Дженни. — Хорош он будет в кандалах у ломбарда!

Глава 7. Первые итоги

Дома префект пересказал события дня Морко Гучиху. Разговор шел за ужином, и на этот раз гоблин тоже сидел за столом.

Судя по тому, что Квестин говорил в основном о визите леди Урсулы, именно это беспокоило его больше всего. Дворецкий не оценил озабоченности хозяина, Повелительница Огня его не заинтересовала, зато о Джеке Джеке расспросил подробно.

— Был такой человек по прозвищу Камбала... — наконец протянул он. — Ничего о нем не знаю. Но могу порасспрашивать при случае.

— Хорошо бы, — кивнул префект. — Этот тип вызывает у меня сомнения.

— Расспрошу, — заверил Морко. — При первой же возможности.

— А когда она будет, эта возможность? — оживилась Дженни.

Ей самой было интересно, чем закончится задумка сделать воришку своим агентом.

— Через два дня я собирался снова навеститься к Сотне Храмов. Тогда и поговорю с теми, кто знает о шайках припортовых районов.

— Эй! Ты же сказал, что ходишь туда подумать о вечном!

— Так и есть. Все наши туда ходят подумать о вечном. В священном месте нельзя драться, поэтому важные встречи обычно там и назначают. Через два дня, Дженни, там соберутся серьезные гоблины, я смогу задать им вопросы. Я надеюсь, моя просьба все еще что-то для них значит, и они подсуеются, чтобы помочь старому другу.

— Как минимум, каждый четвертый преступник Эверона — гоблин, — пояснил для Дженни префект. — А Морко все еще пользуется авторитетом.

— Через два дня, да потом еще ждать ответа, — огорчилась Дженни, — впрочем, сперва у Джека должны сойти синяки. А что вообще с нашим медальоном? Какова его судьба, если вовремя не выкупят?

— Выставят на продажу, когда истечет срок заклада, — объяснил Квестин. — Я этого не допущу, конечно. Предполагаю, что этот самый срок неизвестен нашему тайному противнику, поэтому и нанят Томс — чтобы не пропустить момент, когда можно будет завладеть этой вещицей. Ну и вообще, чтобы избежать досадной случайности. Мало ли, что может произойти, лучше держать вещь под присмотром.

Квестин с дворецким еще долго обсуждали какие-то мелочи, но Дженни уже не слушала. Ей захотелось побыть одной, она пожелала всем доброй ночи и поплелась к себе. Уже в постели пришла мысль: надо бы навестить преподобного Ингвара, он умеет заговорить так, что грустные мысли разлетаются сами собой. Тем более, его бог такой внимательный к мелочам, что наверняка может помочь в расследовании.

***

Следующие два дня промчались как единый миг — их переполняли мелкие хлопоты, и время летело незаметно. Конечно, Дженни хотелось, чтобы расследование поскорее двигалось вперед, но префект растолковал ей, что настоящий криминалист не спешит, а действует медленно и методично. Это и есть залог успеха. Ну и поскольку пришлось ждать, Дженни занялась изучением того места, куда ее занесла причудливая судьба.

Префектура представляла собой сложный и бурно действующий организм, у каждого стражника были свои обязанности, часто очень разные. Приводили преступников, вносили имена в толстенные книги, вели какой-то учет, отряды солдат уходили занимать караулы, возвращались, рассказывали новости, обсуждали, спорили... Несколько офицеров вели порученные им расследования, все это было незнакомо и поначалу непонятно.

Дженни охотно погрузилась в эту жизнь, новые впечатления помогали забыть о потере, к тому же хотелось быть полезной, и она охотно совала свой нос во все дела. Как правило над ее советами смеялись, что тоже было неплохо. Это же славно, когда люди вокруг тебя веселятся.

Джека Джека отмыли и нарядили в костюм с чужого плеча, на складе префектуры было полно одежды — что-то, конфискованное у преступников, что-то — находки, на которые никто не предъявил права. В приличном костюме вор преобразился, изменились даже его манеры. Теперь Дженни не была уверена, что сумеет определить его профессию так же легко, как в «Удаче». Оставалось только дожидаться, пока сойдут синяки, и отправлять новобранца в бой.

В ожидании этого веселенького момента Брем Борк в свободное от своих обычных обязанностей время инструктировал Джека, растолковывал тонкости шпионского ремесла. Дженни обратила внимание: прежде чем уединиться с учеником, старина Брем тщательно выгружал все из карманов.

— Не хочу дать ему ни малейшего шанса, — объяснил он в ответ на расспросы.

— Джек такой ловкач?

— Пока не знаю, но малый он шустрый, ловит все на лету, а нахальства у него столько, что он обязательно попробует. Да я предполагаю, что он уже прошелся по моим карманам во время занятий. Но там было пусто.

— Вот он, наверное, расстроился... — подумала вслух Дженни.

— Скорее возгордился, что я отношусь к нему настолько серьезно, — без улыбки ответил шпик. — Говорю же, его нахальство — размером с Вулкан. Но при этом он способный ученик и уже сейчас готов отправляться на улицы. Правда, я не уверен в его порядочности, но это уже не мое дело.

К большому сожалению Дженни, сержанта Кубера она почти не видела, тот занялся наблюдением за лошадиником Томасом Биром, у которого трудился тролль Бордоймогоркимбах.

Среди всех этих интересных занятий Дженни находила время забегать в архив, чтобы немного растормошить вечно сонного Реми. Флегматичный юноша только хлопал глазами, когда Дженни врывалась в его спокойное подземелье, словно ураган. Но, похоже, ему это знакомство уже начало нравиться. Он не видел в жизни и сотой доли того, что выпало поглядеть Дженни, зато прочел в сто раз больше книг, и иногда мог рассказать что-то интересное.

Квестин не мешал Дженни совать нос, куда ей заблагорассудится, во всяком случае ему она не мешала, а дел у «дядюшки» всегда было слишком много.

Так пролетели два дня. Пришло время посещения долины Сотни Храмов, и Морко согласился взять Дженни с собой. То ли смирился с неизбежным, то ли впрямь считал Дженни достойной своего общества. Кто их разберет, гоблинов с их старинными обычаями дарить дамам оружие...

Утро началось с звонкого голоса мальчишки-газетчика за окном:

— «Зоркий глашатай»! Покупайте экстренный выпуск! Наши доблестные войска высаживаются на побережье Гранделина! Они соединяются с местными гарнизонами и продвигаются вглубь материка! Специальный корреспондент сообщает! Свежие новости из первых рук! Репортаж доставлен голубиной почтой!

День был воскресный, соседи Квестина сидели дома, с десятков газет тут же расхватили, начали читать вслух и орать, споря понадобится ли армии Эверона месяц, чтобы разделаться с грязными варварами, или хватит пары недель.

Квестин отправился на службу, и его карете пришлось медленно пробиваться сквозь толпу, которая не прервала споров даже по такому поводу, как стальная повозка префекта. Дженни с Морко вышли немного позже, когда народ уже разошелся.

Гоблин остановил извозчика. На козлах сидел грузный бородач, из кармана его камзола торчал сложенный «Зоркий глашатай». Бородач всю дорогу болтал о начавшейся войне. Похоже, весь город только об этом и судачил. Что же, неудивительно. О чем еще говорить, как не о славных победах? Пока ехали по городу, Дженни вертела головой, разглядывая кипящую жизнь Эверона. Толкались, прокладывая себе путь, прохожие, сустились ратлеры, тут и там мелькали желтые газетные листки. Теперь понятно, почему Папаша хотел дать заметку о постановке. Газету здесь читают все, и вряд ли есть лучший способ известить город о себе.

За околицей людей тоже хватало — многие шли к Сотне Храмов. Сплошной поток богомольцев, совсем не та пустая дорога, на которой они с Морко оказались в будний день! У перекрестка с лавками извозчик остановился, дальше богомольцам полагалось шагать пешком. Что и понятно, ведь дорога дальше шла по болоту. Они и шагали — нескончаемой вереницей. Многие на ходу нагибались, чтобы подобрать камень для своего храма.

Дженни соскочила на дорогу, а Морко немного задержался по причине хромоты. Пока он возился, бородач возница склонился к Дженни и тихо шепнул:

— Зря ты, барышня, с зеленым ходишь. Вот попомни мое слово, покончим с Погонщиками Ветра, возьмемся за этих, за нелюдей. Эверон — город людей!

Дженни не успела ответить, Морко уже шагал к ней, и возница, со значением покачав головой, тронул лошадей. Дженни с гоблином выбрали по булыжнику и пошли вместе с остальными паломниками.

Преподобного Ингвара на лавочке перед храмом не было, а мимо его небольшого святилища без конца шли и шли к золоченной громаде поклонники Трохомора. Когда Дженни уже почти поравнялась с входом в храм Хогорта, оттуда вышли две женщины в темных накидках с капюшонами. Следом за ними появился и Ингвар, он провожал прихожанок. Заметив Дженни, он приветственно махнул рукой.

— Кто это? — спросила она, провожая взглядом уходящих паломниц.

— Мои белошвейки, — улыбнулся священник, — вечно досаждают блаженному Хогорту своими закатившимися под стол наперстками. А что беспокоит тебя?

— Знаешь... — Дженни замялась. В прошлый раз Ингвар показался ей свойским и приятным, он и сейчас выглядел славным собеседником, но «белошвейки» ей почему-то не понравились. Странно, но это было так. — А! Я хотела сказать, что Хогорт, похоже, оказался прав. Я имею в виду, с этой поминальной свечой. У меня появились доказательства, что

человек, которого я считала погибшим, может быть жив. Пока что не очень убедительные доказательства.

— Не теряй надежды, — очень серьезно сказал Ингвар. — Потеря надежды ведет к отчаянию, а это великий грех в глазах Хогорта.

— Ну вот, — Дженни не знала, что сказать, ее путанные мысли никак не складывались в слова.

Она бросила камень к порогу храма и поглядела на священника, вернее, заглянула в темноту под капюшоном. Интересно, он все-таки альбинос? Какого цвета его глаза? Тут она заметила, что из широкого рукава жреческой накидки торчит сложенный «Зоркий глашатай». Почему-то настроение стало еще хуже.

— Ты читаешь газету? — она кивком указала на желтые листки.

— Почему бы и нет? Это же такие мелочи! — Ингвар снова улыбался. — Газеты всегда врут, но между строк можно вычитать немало забавной ерунды.

— Как это — вычитать между строк?

— То, о чем умолчал репортер, почти всегда интереснее того, что он написал. Вот я и смотрю, чего в статье нет, чтобы узнать правду.

Дженни попыталась представить себе такой акт — чтение того, чего нет. Конечно, ничего не получилось, и она уставилась на священника, ожидая еще каких-нибудь пояснений. Ох и преподобный Ингвар, он оказался не так прост! За его беззаботностью что-то скрывалось. Но что? Тайна, окутывающая беловолосого, притягивала Дженни и одновременно немного пугала.

— Ну, вот смотри, — понял ее беззвучный намек Ингвар. — Репортер пишет, что он идет в колоннах пехоты, в самой середине войска, он расспрашивает офицеров штаба. К нему стекаются все слухи. Он много рассказывает о том, какой высокий боевой дух у солдат Эверона, как они уверены в победе. А где же слова о трусливом противнике, который бежит перед нашими доблестными войсками? Их нет.

— Ну и что? Это, наверное, не настолько интересно, вот он и не пишет.

— Может и так, — покивал капюшон ингварова плаща, — а может, дело в том, что в штабе ничего не знают о противнике? Что они там пренебрегают разведкой, что Погонщики собирают силы для удара по беспечно марширующей колонне? Между строк написано, что никто не знает о враге. И знать не хочет!

Дженни стало немного обидно.

— Можно подумать, ты большой знаток стратегии, преподобный Ингвар, — заметила она.

— Может и так, — все так же беспечно повторил священник, — а может совсем наоборот. Это же такие мелочи! Но оставим войну? И оставим газету, ибо газеты — грязное дело. Тот, кому нравятся газеты, не должен видеть, как делаются новости и как делается бумага.

— А как она делается? — Дженни поразились, до чего быстро мысли Ингвара перепрыгивают с одной темы на другую. — Такая желтенькая?

— Достаточно сказать, что дешевую желтую бумагу делают ратлеры на своей подземной фабрике. Представляешь, из чего, а?

— Ох, — Дженни содрогнулась, вспомнив, что ратлеры утаскивают под землю все, что не могут сожрать, — какая гадость!

— Вот именно. Примерно так же и тексты для статей готовят. Для идущего путем

Хогорта это не имеет никакого значения, для него это мелочи. А кто любит газеты, тем лучше не видеть. В общем, оставим газеты тем, кто не думает о написанном между строк. Насколько я понял, ты оценила проницательность Хогорта, который дал тебе подсказку в прошлый раз и хочешь попробовать снова? Ты надеешься получить новый намек в ответ на свои вопросы?

Дженни с облегчением закивала — именно за этим она и пришла! Просто не сумела объяснить. Ингвар провел ее в храм, и Дженни снова удивилась холоду, царящему внутри. Она наощупь пробралась сквозь темноту к жаровне, теплящейся перед статуей беспечно улыбающегося Хогорта.

— У твоих ног скамья, — подсказал священник, — можешь присесть и поразмыслить о том, что тебя беспокоит. Мелочи, мелочи, мелочи — думай о них.

Дженни нащупала скамью и села. Холод — так же холодна была лужа в ту ночь. Огонь в жаровне — так же тлели уголья на месте уничтоженного фургона. Мало-помалу Дженни забыла, где она, и сколько времени прошло. Она снова лежала в луже посередине раскаленного пепелища. Как она спаслась от пламени? Откуда вообще взялась лужа, ведь ее не было во время спектакля? И что было до того, как Дженни пришла в себя?

Она напрасно пыталась припомнить, как оказалась в ледяной воде, память застылала черная пелена, подсвеченная яркими сполохами. Дальше, дальше в прошлое — что было до этой пелены? Перед глазами проступила картина: Папаша, шагающий среди поверженных людей с закрытыми лицами, он бьет их сапогом и... зовет Эрика!

Дженни вздрогнула, возвращаясь в реальность. Если Хогорт в самом деле имеет хоть малую силу, то он дал ответ. Теперь Дженни знала, почему на них напали неизвестные злодеи. Она прочла между строк! Повелитель Огня пришел за Эриком! Это его уволокли в самом начале схватки, и его звал бедный Бурмаль. Но по-прежнему было неясно, зачем лорду понадобился ее беспечный братик...

***

Всю дорогу Дженни еле сдерживалась, чтобы не рассказать Морко о своей догадке. Но извозчик попался хмурый и настороженный. Так что при нем говорить о серьезных делах совсем не хотелось. Зато, едва переступив порог дома, она вывалила свое сообщение. Гоблин задумался, а потом очень осторожно ответил:

— В делах людей я ничего не понимаю. Зачем мальчик из бродячей труппы понадобился лорду? Нет. Не понимаю. Сирота, чужак, только-только явившийся в Эверон. Такая большая нужда, что его милость лично возглавил разбойничий рейд, словно вожак шайки гоблинов... подождем господина Квестина.

Но и префект ничего не смог придумать. Странное преступление, слишком странное, чтобы делать поспешные выводы, вот и все, что он мог сказать.

Но запас сюрпризов этого дня вовсе не был исчерпан. Когда стемнело, в дверь постучали. Морко отправился открывать, прихватив, как обычно, взведенный арбалет. Любопытная Дженни встала у двери своей комнаты и ждала. К ее удивлению, гоблин, впустив пришельца, не стал звать хозяина, а завел разговор сам. Дженни осторожно-осторожно приоткрыла дверь и выглянула. Морко стоял к ней спиной, а его собеседник прятал лицо под темной накидкой. Однако Дженни разглядела его руку — кожа была зеленой, а ладонь широкой и корявой.

Распроставшись с гостем, дворецкий отправился с докладом к Квестину, а Дженни увязалась за ним. Морко не возражал. Он сказал, что его сородичи прислали ответ: Бод Камбала уже три дня как мертв. Он не смог вовремя расплатиться по долгам и теперь отправился покормить рыб. А чтобы сподручнее было изображать камбалу, чье имя он носил при жизни, ему к ногам привязали камешек порядочного веса. Долги нужно возвращать в срок.

Кто именно был таким серьезным кредитором, Морко не сказал. Вероятно, этого и ему не сообщили. Но, поскольку Бод являлся главарем шайки, значит, и убийцы действовали по приказу крупного авторитета. Вряд ли это был Джек Джек, он для подобных подвигов мелковат, да и какой смысл прятаться, если ты одолел противника? Нет, с ним что-то другое.

Подумав, Квестин предположил, что сейчас вся шайка Бода разбежалась после его смерти. Испугались, что и за них возьмутся кредиторы Камбалы.

— Как бы не так, — встряла Дженни. — Джек уже околачивался в «Удаче», когда Бод был еще жив. Сами пересчитайте дни!

— Я уже говорил, что у барышни замечательные способности к арифметике, — заметил Морко.

Квестин и сам понимал, что Дженни права, но ему было неприятно признавать свой промах. Он только и сказал:

— Неважно. Джек Джек теперь работает на нас. Если не сбежит, конечно. Но, полагаю теперь мы имеем достаточно намеков, что он не в том положении, чтобы бежать. Попробуем напустить его на людей Томса, и посмотрим, что получится.

— Не терпится узнать, — буркнула Дженни.

Еще одна ее идея, к которой многие отнеслись скептически. Завтра, завтра... скорей бы завтра! И тогда, между прочим, она, наверное, встретится с застенчивым и мужественным сержантом Кубером. Интересно, он скучал по ней? Ну, хоть немножечко?

Глава 8. Человек со шрамом

Сердечно поговорить с Дональдом Дженни не удалось, даже когда префект, покончив с утренними докладами, уединился с сержантом и «племянницей» в кабинете. Сержант был очень раздражен — оказывается, он попытался получить свидетельские показания у тролля Бордоймогоркимбаха.

— До этого он морочил мне голову тем, что очень занят своей работой, — рассказывал Кубер, — он едва не бегом носился с бочонками, он вертел ворот насоса так, что даже хозяин слегка пугался... И вот воскресный день, ему положено отдыхать, я наконец приступаю к расспросам. А он!

— Что он? — тут же спросила Дженни. Она пыталась привлечь к себе внимание.

— Он твердит: моя есть глупый тролль, моя слишком большой, чтобы различать маленькая человека... моя ничего не понимать!

— Притворяется, — заметил префект. — А ведь он не только был на представлении, но и сопровождал фургон при въезде в город. Мог заметить нечто, упущенное нами после рассказа Дженнифер. А его хозяин, Томас Бир? Он что?

— То же самое. Разве только не называет себя глупым троллем. А так — можно подумать, что эти двое разучивали одну и ту же роль, специально для меня!

Его жалобы прервал стук в дверь — явился мастер шпик Брем Борк, за его спиной топтался Джек Джек, чисто вымытый, одетый в костюм с чужого плеча, бледненький и невзрачненький.

Борк, засунул руки глубоко в карманы и не сводил взгляда с ладоней подопечного. С Джека уже сняли цепи, он был опасен для содержимого карманов наставника.

— Мой ученик готов, — без малейшего энтузиазма доложил шпик. — Можно отправлять его в город. Если, конечно, ты не передумал, Эдуард.

Префект издал тяжелый вздох:

— Нет. Если бы у меня появились хоть малейшие зацепки, я бы сомневался. Но мы топчемся на месте, так что придется играть теми картами, что есть на руках. Спасибо, старина, можешь идти. А ты, Джек, давай сюда и закрой дверь.

Вор... или, как надеялся префект, бывший вор, переступил порог и аккуратно затворил дверь. Затем обвел всех невинным взглядом и замер в ожидании.

— Джек, тебе известно, что Бод Камбала мертв?

Префект взгляделся в лицо Джека, надеясь увидеть реакцию. Воришка мигнул и, скорбно поджав губы, осторожно ответил:

— Да примет Трохомор его в своем тихом приюте. Нет, в мою клетку новости из города не доходят. Я не знал.

— А за что его убили, ты не можешь предположить? — продолжил Квестин.

— Никто не любит человека с бородавкой на носу. Я добряк, просто насмеялся над этим уродством. А другие не так благодушны. Увы, мир слишком суров, ваша милость...

— М-да, оставим это, — решил префект. Он уже понял, что сейчас не дождется никаких намеков на причастность Джека к смерти главаря шайки. — Итак, что касается тебя... Сегодня у тебя начнется новая жизнь, Джек Джек. Честная жизнь и труд на благо города.

— Я готов, ваша милость, — кивнул новообращенный страж порядка. — Но, если

позволите... мастер Борк говорил, что людям его специальности дают немного денег на карманные расходы.

— А не рано ты заговорил о деньгах? — сердито спросил Кубер. — Еще ничего не сделал, так за что тебе платить?

— С вашего милостивого разрешения, я говорю не об оплате, — возразил Джек, — хотя доводилось мне слышать, что честный труд должен щедро оплачиваться, в отличие от труда нечестного. Но сейчас-то я думал получить несколько монет на всякие мелочи, которые я мог бы купить, чтобы выглядеть естественно среди олухов. Вернее, среди честных граждан Эверона, я хотел сказать.

Кубер с префектом переглянулись. Джек сказал сущую правду — секретным агентам полагалось небольшая сумма на деловые расходы. Но Джек не был агентом, его статус оставался сомнительным, и в бухгалтерских книгах он не значился.

Дженни не стала дожидаться, чем закончатся эти переглядывания, она подошла к Джеку и сунула ему несколько медяков:

— Держи. Когда закончишь, купишь мне пару закусок Повелителя Огня, хорошо?

***

Джека Джека отправили принимать боевое крещение на службе закону... После этого префекту пришлось разобрать несколько неотложных дел, затем он снова позвал Кубера с Дженни к себе. Она исподтишка наблюдала за сержантом — не подаст ли тот какого-то знака? Не покажет ли, что он рад ее обществу? Но тот все еще был не в духе.

— Я не уверен в этом преступнике, — заявил он, когда речь снова зашла о деле.

— Никто не уверен, — буркнул префект. — Не хочу больше о нем говорить. Дождемся вечера. А сейчас вернемся к допросу тролля. Опыт подсказывает, что для того, чтобы этот нелюдь разговорился, его нужно чем-то поразить. Чем-то настолько удивительным, что потрясение выбьет его из колеи. Понимаете? Что-то настолько значительное, что он забудет о своей маске тупого тролля.

— Арестовать его? Посадить в камеру, чтобы получил кучу свежих впечатлений? — не без раздражения предложил сержант. — Это на многих действует, да только тролля в наш подвал никак не втиснуть.

— Я сама с ним поговорю, — заявила Дженни со всей твердостью, какую только смогла наскрести в себе. — Он будет поражен, обещаю!

— Э-э-э... — неуверенно протянул Квестин. — Я думал оставить тебя под видом племянницы так долго, как получится.

Но он был раздосадован тем, что следствие в тупике, и сопротивлялся недолго.

— Дональд проводит меня к этому, как его... к лошадику. Под защитой сержанта Кубера я буду в полной безопасности.

Дженни с надеждой поглядела на Кубера — он должен обрадоваться такой возможности, прогуляться с Дженни по городу. Увы, особой радости ее герой не проявил. Он отвел взгляд и пробормотал:

— Конечно. Я приложу все силы. И возьму пару солдат для охраны.

— Зачем? Солдаты не помогут разговорить Борда!

Дженни вздохнула. Романтической прогулки, похоже, не выйдет. Что за томные вздохи могут быть во время марша под конвоем? А она уже размечталась, как они пройдут рядом по

улицам, протискиваясь сквозь толпу и спотыкаясь о ратлеров. Сплошная романтика, ничего не скажешь.

Кубер ее не слушал, он уже встал из-за стола, чтобы вызвать конвой. И вскоре они уже шагали по улице. Все оказалось не так уж плохо. Дональд не взял ее под руку, чтобы помочь в толчее, но им и так уступали дорогу — наряд сержанта стражи все-таки внушал встречным немного почтения. Зато солдаты конвоя держались позади и не помешали бы разговору, если бы таковой возник. Увы, сержант помалкивал, а Дженни так и не решилась заговорить первой.

Разве что разок поинтересовалась, что там в переулке за заведение с красивыми вывесками. Дженни надеялась, что сержант ответит, и разговор все-таки завяжется. Но Дональд смолчал, да еще залился краской. Подойдя ближе, Дженни разглядела крикливо одетых дам, прогуливающих перед заинтересовавшим ее зданием. Дамы улыбались ярко накрашенными губами, виляли бедрами и хватали за рукава прохожих, предлагая им посетить чертог Вилены всего-то за пригоршню медяков. Вилена — богиня любви, а веселые дамочки, конечно, считали себя жрицами.

Поскольку лорды Вулкана позволяли строить храмы лишь в болотистой долине, несложно было догадаться что перед Дженни дом терпимости. Понятно, что ее вопрос вогнал Дональда в краску!

Больше Дженни не решалась заговорить, сержант тоже. Так в молчании они и добрались к заведению лошадика Бира. Дженни даже вздохнула с облегчением, когда увидела забор, за которым ржали лошади и перекликались конюхи. От этой прогулки она ждала куда большего! И что хуже всего, такое же облегчение, похоже, испытывал и Дональд.

Дженни, сержант и сопровождавшие их солдаты вошли в широченные ворота, в которых могли бы разъехаться две повозки, и оказались на подворье, заполненном людьми и лошадьми. Вокруг торговались, орали на плохо обученных животных, все было шумно и суетливо.

Откуда-то из толчеи возник Томас Бир. Он сразу принялся кричать — иначе в таком шуме его бы не услышали:

— Господин стражник! Снова вы! Ради скотских милостей Мегриса, я уже ответил на все ваши вопросы! Ну, что вы все ходите и ходите, покупателей моих распугиваете! Еще подумают, что я каким-то боком закон нарушил. Ну, что, в самом деле...

— Моя служба, мастер Бир, требует... — усталым тоном заговорил с ним Дональд.

Дженни поняла, что обмен любезностями продлится долго, и не стала ждать, пока эти двое покончат со своим своеобразным ритуалом приветствия. Она уже разглядела тролля — тот маячил в стороне, но при его росте даже суета, царящая во дворе, не могла ему помочь укрыться. Да и не только суета, Борд был выше кровель конюшен, его можно было бы разглядеть, даже зайдя он за строения.

Дженни, увертываясь от мелькающих рук и копыт, пересекла двор и схватила великана за мизинец:

— Борд! Идем со мной!

Троль, конечно, не узнал ее в широкополой шляпе. С высоты его роста он только шляпу и мог видеть. Но Дженни тянула его так целеустремленно, что он подчинился и зашагал за ней, аккуратно переставляя ножищи и глядя вниз, чтобы ни на кого ненароком не наступить.

Стена конюшни отделила их от суеты, там было тише и сильнее воняло навозом. Дженни смахнула с головы шляпу и обеими руками собрала волосы в пучки над ушами —

так, как она выступала перед публикой. Тролль согнулся, чтобы лучше рассмотреть. Несколько мгновений он моргал, вглядываясь в Дженни, потом вдруг грохнулся на колени, так что земля под башмаками Дженни ощутимо вздрогнула, а с кровли конюшни посыпалась солома:

— Маленькая госпожа! Хвала всем богам! Живая!

Тролль скривился, на его огромных глазах выступили слезы — каждой хватило бы, чтобы утопить цыпленка. Он прижал ладони к груди и задышал с такой силой, что пучки волос в горстях Дженни стали развеиваться и трепетать.

— Живая! Живая! Гродофур, хранитель троллей и великий строитель мостов, услышал мою молитву! Они говорили, что не осталось никого, но я не верил, я не верил! Маленькая госпожа! Здесь, живая!

— Тише, тише! Это секрет, — ахнула Дженни, слегка напуганная порывом великана.

Тот послушно понизил голос, но говорить меньше не стал:

— Живая, живая! А я так горевал, так жалел вас! Хорошие люди, добрые люди, все померли, так мне сказали. Моему хозяину сказали, он нарочно ходил разузнать. Я его просил. Он сказал, злодеи убили всех. Какие злодеи? Кто они? Эх, если бы я знал!

Борд сжал чудовищные кулаки и грозно нахмурился. При его размерах это выглядело страшно.

— Вот я как раз и пытаюсь найти тех, кто виновен, — пискнула Дженни, слегка напуганная порывом тролля. — А ты страже ничего не говоришь!

— Почему же я мог знать, что от этого вреда не получится! — расстроился тролль. — Стража, не стража, я же здесь ничего не знаю. Лучше помалкивать. У маленьких людей так сложно устроена жизнь! Нет, лучше ничего не говорить.

— А если я попрошу, расскажешь? Ты во время выступления заметил что-то необычное или, может, кто-то среди публики вел себя необычно?

Тролль кивнул. Тут из-за угла конюшни показались Томас Бир и сержант Кубер, они разыскивали Дженни и вот наконец нашли. Вид тролля, стоящего перед девушкой на коленях, слегка ошаршил обоих.

Дженни отвесила сержанту легкий поклон, как перед публикой:

— Вот, господин Кубер! Можете приступать к опросу свидетеля!

Потом Дженни снова нахлобучила шляпу и отступила в сторону, а Кубер, вооружившись пером и листом бумаги, начал задавать вопросы. Сперва было довольно скучно — Борд пересказал, как познакомился с трупной Бурмаля, как Папаша помог ему найти работу. Затем Дональд стал расспрашивать о том, что происходила на представлении. И тут тролль заговорил! Он давно хотел поделиться хотя бы с кем-нибудь, спросить, что делать... но не нашлось подходящего советчика. Вот разве что с хозяином обсуждали.

Трудно сказать, узнал ли Томас Бир Дженни. Но раз уж тролль заговорил откровенно, то и он иногда вставлял слово-другое. Пару раз его пытались позвать для каких-то дел по хозяйству, но он гнал работников прочь, используя такие выражения, что стражники, которых привел Кубер, изумленно таращились, а Дженни заливалась краской. Оказывается, те, кто имеет дело с рабочей скотиной, приписывают Мегрису и обязанности бога плодородия... в животноводческом смысле. То есть Томас Бир непрерывно славил способности Мегриси в деле производства потомства.

А тролль тем временем давал показания. Среди публики, поведал почтенный Бордоймогоркимбах, было два человека, которые не глядели на представление, а только

обсуждали между собой одного из актеров — самого молоденького. Тролля их не очень-то разглядел, потому что ему были видны разве что макушки. К тому же один из незнакомцев кутался в накидку. Дорогая накидка, черная с подкладкой из алого шелка. И вообще выглядел этот человек как богач. Зато сбежал до конца представления, и монетки, стало быть, актерам не пожертвовал.

— А второй? — спросил Кубер. — Как он выглядел, что можно о нем сказать?

— Я сверху не очень-то видел, — потупился Борд. — Вот если мастер Бир изволит рассказать... он лучше рассмотрел. Рядом с ними стоял в толпе.

— Они постоянно шептались, — вступил в разговор лошадник. — И точно, тот, что был у них главным, прятал лицо. Второй тоже не очень-то рожей светил, но я увидел на его щеке шрам, вот такой.

Пока лошадник показывал, вода грязным пальцем по щеке, Кубер торопливо выхватил второй лист — для записи допроса нового свидетеля. И рассказ Бира оказался куда интереснее — он даже расслышал несколько слов, которыми обменивались между собой странные зрители.

— Один, который главный, говорил, другой соглашался. А первый, значит, толковал: смотри, это точно он. Это, говорит, кровь видна, происхождение. Запомни, чтобы после не перепутать. А тот, другой, который с меткой на роже, отвечает: не сомневайтесь, господин, ошибки не допущу. Это, говорит, верно, в нем порода чувствуется. Уж я, говорит, не спутаю... Не знаю, господин офицер, что они имели в виду, да я и не прислушивался, я больше представление смотрел... однако же подозрительно. А что за порода-то? Они явно не о лошадях толковали, насчет лошадей я бы сразу понял. Да мегрисов посох им в глотки! Я потому в их сторону и глянул, что они брякнули насчет породы. Я подумал, что-то по моей части. Но не понял ничего, да и стал дальше смотреть представление. Ох, и забористое оно было! Красота! Эх, как ловко актеры все это сделали!

Кубер не отвечал, только пером скрипел, записывая слова лошадника. Дженни судорожно обдумывала все, что услышала нового. В сущности, она получила лишнее подтверждение своей догадке: налетчиков интересовал Эрик. По-прежнему оставалось загадкой, что именно привлекло в брате этих негодяев? Какая кровь и порода? Что этот загадочный господин имел в виду?

Занеся на бумагу все, что посчитал важным, сержант перечитал и попросил Томаса Бира приложить к документу палец, дабы заверить подлинность своих слов отпечатком. Дженни подумала, как это сможет сделать Бордоймогоркимбах, палец которого больше, чем лист с записью... но от тролля отпечатка не потребовалось. Нелюдь не имел права свидетельствовать в суде, давать показания страже, да и вообще никаких прав он не имел. За него отвечал хозяин, он и заверил показания подопечного.

***

Тролля проводил Дженни до самых ворот и, прощаясь, склонился в три погибели, чтобы прошептать:

— Маленькая госпожа, как только найдешь злодеев, дай мне знать. Этого нельзя оставлять!

Он снова сжал громадные кулаки. При этом скорчил такую гримасу, о которой применительно к людям говорят: «его лицо окаменело». Но лицо тролля и без того

каменное, куда же больше!

На обратном пути Дженни вспоминала. Последнее выступление, пляшущие огни в темноте, сперва это Пьер, жонглирующий факелами, потом фонарики в ее руках и наконец окутанный алым сиянием Эрик в роли Повелителя Огня. Эх, как он играл! Стройный и легкий, в красных лучах... А среди рукоплещущей ревущей публики двое в плащах прячут лица и шепчутся о крови и породе. Откуда они взялись? И что же это должно означать? Непонятно!

Префект очень внимательно прочел записи, сделанные Дональдом, и долго молчал. Дженни глядела на него с надеждой — вот кто должен ей все объяснить! Но и Квестин не сумел сообразить, на что им посчастливилось наткнуться. Конечно, пара незнакомцев не могла не вызвать подозрений... но даже если удастся их найти — что тогда? Господа, о чем вы шептались, глядя на «Торжествующее пламя»?

Кубер неуверенно сказал:

— Я кое-что вспомнил. Помните, я отпустил арестованных за нападения на нелюдей? Мы тогда выяснили, что были некие зачинщики, которые и устроили всю эту суматоху.

— М-да? — обернулся к нему префект. — И что?

— У одного был шрам на щеке. Похоже, он был среди них главным.

— Завтра снова опросишь всех, кого тогда задерживали. Уточни форму шрама. И наверняка хоть кто-нибудь разглядел этого типа. Все-таки лошажник видел его в темноте, а бесчинства произошли днем.

— Да, завтра с утра займусь. — вздохнул Кубер. — Ох и работы будет...

Молчание прервал удар в дверь, она распахнулась, и показался башмак. Ногой отворил дверь не кто иной, как Джек Джек. Сияя щербатой ухмылочкой, он ввалился внутрь и пинком захлопнул многострадальную дверь.

— А! Наш верный агент, — поднял голову префект. — Ну как, Джек, чем порадуешь?

— Прежде всего, главное! — заявил Джек.

Он протопал к Дженни и вручил ей кулек с угощением. Затем обернулся к стражникам.

— Ну вот что. Я посмотрел на хваленных ловкачей этого вашего Томса. Ребятки в самом деле тертые, их трое, сменяют друг друга, чтобы не примелькаться.

— Надеюсь, ты не пытался подобраться к ним поближе? — забеспокоился Квестин.

— Зачем же? Я придумал кое-что получше. Несколько раз их навещал некий тип. Я так думаю, заказчик. Приходил, обменивался со шпиками парой слов и тут же исчезал. Беспокоится, значит, проверяет.

— Заказчик? Может, просто их старший?

— Я только что спросил старину Борка, описал ему этого человека. В конторе Томса такой прежде не светился. А он довольно приметный, с вот таким шрамом на щеке. Эй, чего вы так на меня смотрите?

— Продолжай, продолжай, — просипел перехваченным голосом Квестин. Он едва сдерживался.

Человек со шрамом! Снова человек со шрамом! Сегодня на него натыкаешься повсюду!

Дженни отлично понимала префекта, ей самой хотелось подскочить к Джеку схватить за грудки и трясти, трясти! Пока не вывалится из него хоть что-то значительное, хоть какие-то слова, которые приоткроют завесу тайны.

Джек с тревогой оглядел слушателей. Он видел, что его слова вызвали сильные чувства у всех троих, но не понимал, почему.

— Вот я и подумал, — медленно, следя за лицами собеседников, заговорил он, — может, этот человек будет не так осторожен. Ну и провел обыск. Я же теперь в страже, так? А страже полагается обыскивать подозрительных типов. Нет, но почему вы на меня так смотрите? А, ладно. Вот что было у него в кармане.

И Джек торжественно выложил на стол сложенный вчетверо листок бумаги. Дженни и Кубер тут же придвинулись ближе и пожирали глазами руки префекта, пока тот разворачивал. Это была плотная бумага, белая, хорошего качества. Три стороны ровно обрезаны, четвертая — рваный край. На листе был рисунок, изображающий медальон с восьмиконечной звездой. Точно такой же, как тот, что заложил Папаша Бурмаль за полдня до гибели. А еще вернее — не точно такой же, а тот самый.

Глава 9. Странные происшествия

Предъявив свою добычу, Джек не умолк.

— Я подумал: чего это я, сыщик префектуры, буду подбираться ко всякой мелочи, вроде мальчигов на побегушках из конторы какого-то Томса! Вот передо мной заказчик, птица как раз моего полета. Ну и прошелся по его карманам, причем очень аккуратно. Но не думайте, что это было просто! Тонкая работа! И, смею вас уверить, эта тонкая работа была выполнена отлично! Правда, я едва не порезался. Он носит под одеждой столько ножей, что можно вооружить полк головорезов.

Джек видел, что бумага с рисунком вызвала огромный интерес. Причины он не знал, да и не заботился об этом. Знай, набивал себе цену:

— Вам, господа, просто повезло, что пригласили меня. Хороший специалист нынче не вес золота. Второе ваше везение, что я такой легкий, меньшим количеством золота обойдетесь.

Префект поднял голову от рисунка. Он был взволнован, но уже взял себя в руки.

— Больше ничего интересного не увидел? Куда этот человек со шрамом заходил, с кем встречался?

— Ну нет, мне не поручали его пасти, — отмахнулся Джек. — Я прошел за ним ровно столько, сколько было необходимо, чтобы добыть эту бумажонку. И это было непросто, потому что человечек не простой, очень непростой! Опасный человек. Так что я сразу отвалил, покуда этот меченый не спохватился. Говорю же, тонкая работа! Отвалил я с добычей и вернулся к ломбарду. Моя же задача была ломбард, а не всякие вооруженные типы, верно?

— По-моему, Джек заработал прощение, а, дядюшка? — спросила Дженни. — Он больше не обвиняется в краже?

— Ладно, — буркнул префект. — Джек, ты отработал свою вину. Можешь проваливать, если хочешь.

— А я думал, что получил работу в страже, — состроил печальную гримасу воришка. — Так старался, чтобы вам угодить. Мне и платить-то совсем немного нужно, а польза огромная! И пожить я могу здесь, хотя бы в своей старой камере, только велите Мервину не запирать дверь и петь потише, а то спать мешает.

— Он еще и поет? — удивилась Дженни.

Префект не слушал, он вглядывался в лист бумаги, который приволок Джек Джек, но как ни гляди, ничего там не прибавлялось. Только рисунок, изображающий знакомый медальон. Ни подписей, ни каких-либо знаков.

В конце концов Квестин кивнул в ответ на болтовню Джека.

— Сержант, отведи его вниз и напомни Мервину, чтобы был осторожен, не то наш новый сотрудник сопрет его дубинку. Вроде бы, больше ничего ценного у нас в подземелье нет?

Кубер с Джеком ушли, а префект снова взялся за рисунок.

— Что нам это дает? Можно проследить человека со шрамом, куда-нибудь он нас приведет. Но вот эта бумага? Что она может нам поведать? Хорошо бы вычитать здесь имя владельца... Но уже вечер, сегодня мы ничего не решим. Поедем домой, Дженни, а завтра

вернемся к этой бумажке.

— Я знаю, кто лучше всех разбирается в бумажках, — заявила Дженни. — Завтра покажу его Реми.

А сама подумала, что толстячок может быть каким угодно великим книгочеем, но он вряд ли способен отыскать правду между строк, тогда как здесь нужен кто-то, владеющий этим умением... А уж она знает такого человека! Преподобный Ингвар служит богу, который знает толк в мелочах. Если ничего крупного в сети не попадается, значит, нужно попытаться отыскать мелочь.

***

За ужином Квестин пересказал новости дворецкому. Тот покивал и обратился к Дженни:

— В тот день, когда фургон приехал в Эверон, и Бурмаль повел вас с братом обделявать всякие делишки, ты не заметила слежки? После «Дрейкензера и компаньонов»? Нет? Конечно, я так и думал...

Дженни помотала головой. Какое там «заметила»... она была переполнена впечатлениями, она таяла и растворялась в шумных городских улицах. Она и себя-то едва помнит, где же тут запомнить кого-то идущего следом.

— А ведь все началось именно там, — продолжал гоблин. — Кто-то из посетителей, вынужденных ждать своей очереди, обратил внимание на медальон. Серебряная звезда что-то означает. Что-то важное.

— Или гномы дали знать нашему тайному врагу, — предположил было Квестин, но тут же сам отверг эту версию, — нет! Нет, нет, нет! Если так, то не было бы нужды следить за ломбардом! А ведь Томс подрядился именно на это. Нет, звезду заметил кто-то чужой, не из служащих «Дрейкензера и компаньонов».

Дженни попыталась вспомнить, кто тогда стоял у стены из грубо обработанного камня, ожидая, когда Бурмаль позволит бородатому коротышке уломать себя... но вместо четких образов перед мысленным взглядом вставали бледные тени. Она следила за ужимками Папаши и совсем не запомнила чужих.

— Тогда вас проследили до Тысячи Столбов, понаблюдали за Эриком, — вернулся к своей реконструкции событий Морко, — а потом Повелитель Огня удалился до конца представления, чтобы собрать головорезов... здесь не вяжется только одно.

— Что? — встрепенулся префект. — Мне кажется, ты изложил верно.

— Вот что. Кто заметил медальон в ломбарде? Неужели Повелитель Огня терпелив подпирал стену и ждал своей очереди поговорить с гномом? Да и вообще, стал бы такой важный господин ходить по второсортным ломбардам, тем более — без многочисленной свиты. Я такого не припомню, чтобы лорд шатался по городу в одиночку.

— Это верно, — признал Квестин.

Дженни не смела вставить и слова, она только слушала, пытаясь не потерять нить повествования.

— Так вот, — гнул свое Морко, — этот некто, увидевший серебряную звезду, конечно, приближенный лорда. Ему было нужно время, чтобы подняться на Вулкан, доложить хозяину, а тому — нужно время, чтобы переодеться, закутаться в плащ и отправиться на Тысячу Столбов, причем последний отрезок пути проделать пешком. Карету,

остановившуюся вблизи Тысячи Столбов, непременно бы заметили. Время, господин префект, время! Либо этот некто, приближенный лорда, некстати оказавшийся в ломбарде, умеет носиться с бешеной скоростью и не привлекая при этом внимания... либо он не следил за Бурмалем от «Дрейкензера и компаньонов» до Тысячи Столбов, а узнал другим путем, где искать владельцев медальона со звездой.

— Ну, положим, приезжие труппы обычно выступают на площади Тысячи Столбов, — заметил префект.

— Мы не кричали на всех углах, что мы актеры, — тихо заметила Дженни. — Конечно, мой наряд был необычным, но разве этого достаточно?

— Значит, о выступлении на Тысяче Столбов он узнал как-то иначе.

Дженни подумала немного и произнесла.

— Папаша все рассказал о нашем спектакле редактору «Зоркого курьера». В газету мы пошли сразу после «Дрейкензера и компаньонов». После этого мы еще заходили в «Удачу», а у того человека было время донести Повелителю Огня.

— «Зоркому глашатаю» покровительствует лорд Мариан, — подвел итог Квестин. — Но к нему я не могу подступиться без неопровержимых доказательств. Он важная персона и депутат парламента.

— Да, господин префект, — покачал головой гоблин, — вы не можете.

Он заметно выделил голосом «вы», явно намекая, что гоблинам на подобные тонкости плевать. Квестину это не понравилось. Дженни тоже. Не хватало еще, чтобы зеленый отправился мстить в одиночку!

***

Утром, когда стальная карета подкатила к префектуре, Дженни первым делом отправилась разыскивать Дональда, чтобы поделиться с ним тем, что она уяснила из разговора Квестина с префектом. Интересно, что он на это скажет. Но сержант словно нарочно ее избегал — у него была тысяча дел, которыми он бросался заниматься, едва видел Дженни.

Тогда она, забрав у префекта лист с рисунком, спустилась в архив. Реми, как обычно, замер, уткнувшись в какую-то толстенную книгу. Как все, что он читал до сих пор, этот томище был обделен судьбой — в нем не было картинок. Дженни бесцеремонно положила свой трофей поверх страницы, в которую впился взглядом Реми.

— Вот! Что ты можешь об этом сказать?

Реми вздрогнул, но он уже привык подчиняться новой знакомой. И послушно взял в руки листок. Потом с ним начались странные перемены — он тяжело задышал, наливаясь краской.

— Ты! — разразился он чуть ли не визгом. — Как ты посмела! Ты что творишь! Это... это... это варварство! Это преступление!

Дженни даже опешила от такого напора. Реми никогда прежде не кричал и вообще не выходил из себя. Она отступила на шаг — мало ли, что этот ненормальный выкинет? И уже с безопасного расстояния крикнула в ответ:

— Спокойно! Какое преступление? Вот я пожалуюсь дяде, что ты невежлив с дамами! Объяснись немедленно!

Реми посопел, приходя в себя. Наконец изрек:

— Рвать книги — просто мерзко! Если тебе понравилась иллюстрация, это еще не повод калечить книгу. Тем более из-за какой-то ерундовой брошки.

— Да с чего ты взял, что это я? — перешла в контрнаступление Дженни. — Ты что? Это улика, изъятая у преступника! Не смей мять, я должна вернуть дяде.

Реми торопливо разгладил листок с рисунком.

— Извини, пожалуйста, — пробурчал он.

— Я просто хотела спросить твое мнение. Мне нужно узнать происхождение этого листка. Значит, он вырван из книги? Ты уверен? Отлично. Спасибо за помощь. Я восхищена твоей проникательностью. И вежливостью.

Она снова завладела злополучным листком и демонстративно медленно развернулась к выходу, бросив через плечо:

— Вежливостью я восхищена особенно!

— Постой, погоди! — вскричал Реми, неловко выбираясь из-за стола. — Ну, погоди, пожалуйста. Что же ты сразу не сказала, что это улика? Что это у преступника было?

— Ты не дал мне шанса, — убийственно холодным тоном отрезала она.

При этом мысленно себя поздравила: отлично сыграно. Теперь Реми, забросив все дела, основательно изучит улику и расскажет все, что только можно определить. И Реми не подвел — он в самом деле долго и тщательно изучал рисунок, прежде чем начать говорить.

Стало быть, это варварски выдрано из книги, поведал Реми. Номера страницы нет, потому что такие листы с иллюстрациями на плотной бумаге не нумеруются. И подписи нет, потому что весь сопровождающий текст на соседних, пронумерованных как положено, страницах. Такие вставки повышают цену, значит книга дорогая.

— Тогда я хочу увидеть всю книгу целиком и прочесть соседние страницы, — решила Дженни. — Как ее найти? Ты знаешь, что это за книга?

— Ну, я же не разбираюсь в книгах по ювелирному делу или дамским украшениям, — объяснил Реми, но потом задумался. — Хотя...

— Хотя что? Я не вижу здесь ничего ювелирного, да и для дамского обихода эта вещь слишком крупная. Вот такая, — Дженни показала пальцами.

Медальон со звездой был в самом деле великоват, чтобы служить исключительно деталью туалета. Нет, в нем был некий смысл.

— А откуда ты знаешь, какого оно размера? — удивился Реми.

— Неважно. Мне было откровение свыше. Однако ты сказал «хотя». Хотя — что?

— Ну, если... Если звезда — герб знатного дома, то это мог быть справочник по геральдике или что-то похожее. Да, в дорогих справочниках для специалистов именно так вставляют иллюстрации — на листах из плотной бумаги и без номеров. Но эти книги, как правило, не попадают в руки идиотам, способным вырвать страничку. Их выпускают ограниченным тиражом. Ты можешь найти такой том в библиотеке лорда или в клубе, где собирается знать... или...

— Ну? — насторожилась Дженни, — говори, говори! Или где?

Она отлично понимала, что в библиотеку Повелителя Огня или в клуб для надутых аристократов ее вряд ли пустят.

— Или в главной библиотеке Эверона. Туда может попасть кто угодно, но вынести книгу дадут не всякому. Зато можно читать на месте.

— Читать или вырвать страницу, — подхватила Дженни.

— Можно и вырвать, если мозгов нет, — сурово отрезал библиофил. —

Цивилизованный человек такого не сделает! Это поступок, достойный ратлера или гоблина!

— Да уж, — согласилась Дженни, забирая листок, — у ратлеров и гоблинов другая святыня. И, между прочим, ты тоже обходишься с ней без всякого уважения. Ногами топчешь, плюешь в нее и так далее.

— Я?! — возмутился Реми. — Топчу ногами святыню гоблинов? Этого не может быть.

— Как знаешь, — кротко согласилась Дженни. — Я говорю о грязи, которая вызывает у гоблинов религиозный восторг. Если не топчешь ее, то даже не знаю, какое применение ты ей еще находишь...

Оставив озадаченного Реми обдумывать этот парадокс, она отправилась разыскивать Квестина, чтобы попросить его посетить с ней библиотеку. А еще лучше — откомандировать для этого дела сержанта Кубера. Но «дядя Эдуард», конечно же, отмахнулся от этих просьб. Все, что она смогла выпросить, это разрешение отправиться в библиотеку в сопровождении Реми.

***

Когда Реми узнал, что ему придется оторваться от своих справочников, сперва расстроился. Но услышав, что его задача — посещение библиотеки, воспрянул духом.

— Где это заведение? — спросила Дженни, когда они вышли из префектуры. — Наверное, в самом центре? У подножия Вулкана?

— Бери выше, — покровительственно улыбнулся Реми. Дженни вечно ставила его в неловкое положение, начиная с их первой встречи. Наконец-то им придется заняться таким делом, где он уж точно разбирается получше. — Городская библиотека не просто в центре, она, считай, уже на самом склоне. Внутри второго круга стен. Эвенор рос постепенно, и первая стена, построенная вокруг города, прикрывала их виллы на склонах. Вторая проходит по самой подошве горы. Потом городу стало тесно в этих стенах, и лорды повелели выстроить третий круг. От него сейчас ничего не осталось.

— В общем, это далеко, — подытожила Дженни, пытаясь не показать, как ее взволновала предстоящая близость к резиденции Повелителей Огня. — Найми извозчика, а то мы до ночи провозимся, бегая туда и сюда по спинам ратлеров.

— Извозчика... э... — Реми не был уверен, что ему хватит денег на дорогу в оба конца. Всю наличность он тратил на книги, и Дженни это знала.

— Я плачу, — объявила она. — А ты pomoжешь мне с поисками книги.

Реми повздыхал, но отказываться не пытался. Когда показалась повозка, он закричал, размахивая руками, чтобы привлечь внимание кучера. По дороге он помалкивал, но Дженни хватило и того, что она видела. По мере того, как их коляска приближалась к центру, Вулкан рос и рос, пока наконец не заслони́л полнеба. У подножия горы улицы были прямее, а здания — выше и богаче. Людей поменьше, а оранжевые жилеты ратлеров заметно чище, чем на окраине. Потом они проехали в ворота.

— Вторая стена, — объявил Реми. — Ее построили триста лет назад, но с тех пор Эверон вырос.

Коляска прогрохотала в полутемный портал, а с другой стороны... Дженни ждала, что здесь будет что-то совершенно роскошное, но снова потянулись приземистые домики, полускрытые кронами раскидистых деревьев. Реми объяснил: триста лет назад, когда это место было окраиной, здесь жили менее обеспеченные эверонцы. Повсюду были огороды,

скотные дворики и курятники. Сейчас тех построек уже нет, лишь кое-где остались старые фруктовые деревья.

— Пусть тебя не обманывает вид этих маленьких домиков, — добавил он. — Здесь живут богатые и родовитые люди. Потомки старых городских семейств. И многие служат наверху, в виллах Повелителей Огня. Мы уже почти на месте, вон там библиотека.

Дженни отвлеклась от созерцания горящих над головой алых окон дворцов и поглядела в указанную сторону. Там среди кудрявых зеленых крон деревьев высился округлый купол, а над ним торчали острые скальные пики. Здание библиотеки примыкало к склону Вулкана, а книгохранилища, закрытые для посетителей, уходят глубоко в тело горы. Их вырубил специально для этой цели приглашенные гномы. Все это успел рассказать Реми, пока извозчик маневрировал на узких улочках старого города. Наконец они остановились у беломраморного фасада с высоченными колоннами. Вулкан был над головой Дженни, и она, расплатившись с извозчиком, постояла немного, разглядывая гору. При этом пришлось держать шляпу, чтобы не свалилась. А еще пришлось делать вид, что не слышит, как Реми канючит и просит пройти скорее внутрь.

Ему-то что, он Вулкан вблизи видел тысячу раз... Пока она любовалась, мимо успело пройти человек тридцать, не меньше. Оказывается, библиотека — очень популярное место! У двери даже толпа собралась, пропуская тех, кто выходит.

— А я думала, ты, Реми, один такой... книголюб, — заметила Дженни. — Оказывается, вас много! Боюсь, это не самый страшный секрет, который мне сегодня предстоит узнать. Хотя и он пугает.

***

В зале было, по меньшей мере, человек триста. Они бродили парами по залитому солнечными лучами пространству, беседовали, сталкивались, церемонно извинялись. Вдоль стен за столами расположились чтецы, листающие книги. Повсюду раздавался шорох страниц, негромкий говор... никто не шумел в этом храме букв, никто не повышал голоса, но сотни слабых звуков сплетались в равномерный гул, от которого у Дженни зазвенело в ушах.

Купол, который ей показывал Реми издалека, был как раз над головой, венчал именно этот большой зал, сквозь многочисленные круглые прорези проникал свет. Высоко-высоко над головой в сферическом пространстве танцевали пылинки. Служащие библиотеки расположились у дальней стены за высокой стойкой. Позади них стены были покрыты рядами полок, там сверкали корешки и застежки тысяч томов. Реми уверенно двинулся сквозь толпу, оробевшая Дженни семенила за ним, прижимая к груди кожаный футляр с драгоценным изображением серебряной звезды.

Бормочущие парочки кружились в своем диковинном нескончаемом танце, пару раз Дженни едва избежала столкновения с разглагольствующими книгочеями... и наконец Реми указал ей худую длинноносую девушку в строгом темном платье, застегнутом до самого подбородка. Она подслеповато щурилась, грозно озирая толпу посетителей, а перед ней была табличка с надписью: «Консультант».

Дженни, совсем растерявшая уверенность под сердитым взглядом костлявой служащей библиотеки, вытащила листок:

— Почтеннейшая, помогите узнать, в какой книге мог быть такой лист? Это очень важно...

— Я этим не занимаюсь, — сурово ответила библиотечная дамочка. — Вы у нас в списках состоите? Нет? Тогда прошу зарегистрироваться, после чего можете исследовать весь свободный доступ в поисках этого... этого...

Дженни умоляюще оглянулась на Реми. Она ничего не поняла, ни единого словечка! Реми принял покровительственный вид и сказал:

— Дженни, может, ты подождешь где-нибудь у окна?

Подтолкнув ее в сторону, он прошипел страшным голосом:

— Ты что? Разве так можно говорить? Здесь это не принято! Иди и не мешай мне исправить положение.

Потрясенная Дженни отступила, а Реми, навалившись жирной грудью на стойку, умильно улыбнулся и заворковал с девицей-консультантом. Отдельные слова удалось расслышать:

— ...Ну совсем темная, три дня как из деревни... племянница моего начальника... я бы не стал с ней возиться, если бы не распоряжение его милости...

Ладно, подумала Дженни, я тебе припомню каждое из этих слов, а заодно — в трехкратном размере каждое из тех, что не расслышала. Если только ты не найдешь мне нужную книгу! И еще: жалко, что библиотека находится не в Северо-Западном округе. Иначе неприятности были бы ей обеспечены!

Ждать пришлось долго, и Дженни заскучала. Тем более, что здесь и посмотреть-то было не на что. Скучные люди, разглагольствующие о скучных вещах. Разве что прошли мимо двое вихрастых юнцов, которые, горячась и перебивая друг друга делились новостями из Гранделина. Оба слышали что-то невразумительное, оба пытались подать свои слухи как нечто потрясающее. Но суть была в том, что авангард армии Эверона уже встретился с передовыми разъездами Погонщиков Ветра и в ближайшее время можно было ждать значительных событий.

— «Зоркий глашатай», ха! — вещал один. — Можно ли верить этим сплетникам!

— Нет, конечно, — едко бурчал второй. — Верить можно исключительно «Вечернему Эверону», который читает твой папаша. Пораженческая газетенка!

Воинственные юноши удалились, Дженни с тоской поглядела на стойку консультанта. О, чудо! Суровая барышня, улыбалась, слушая Реми, и кивала. Оба были довольны, обоим нравилось беседовать, так что это грозило продлиться до пробуждения Вулкана... И Дженни, вздыхая, ждала и ждала. Порывшись в футляре, который позаимствовала на столе «дяди», чтобы транспортировать улику, Дженни вытащила мудро прихваченный с собой красный леденец. Сладкий вкус закуски Повелителя Огня отчасти примирил ее с унылой реальностью.

Реми так и не пришлось узнать о грозящей ему опасности — ответить за каждое слово в адрес «темной» спутницы. Он отыскал Дженни в ее ссылке у окна и гордо объявил:

— Нам повезло, что сегодня консультирует именно Эльсбетинора! Она согласилась помочь, это так любезно!

— Эльсбетинора, — потрясенно повторила Дженни. — Помилуй меня, Крохомор, это имя, достойное тролля. Надо будет показать ей мой гоблинский нож, это несколько уравнивает шансы.

Реми не слушал, он сиял.

— Согласилась помочь, — с восторгом в голосе повторил он. — Сказала, что у нее на примете несколько книг с иллюстрациями на такой бумаге, она сегодня же их просмотрит.

Если нет, поищет дальше. В конце концов бумага выглядит довольно новой, нужно просто проверять все, продвигаясь от свежих изданий к более старым. Вряд ли их намного больше сотни.

— Сотни? Ох... Спокойно, спокойно. Это мелочи, это мелочи, это мелочи.

— Конечно, Бетти занята по работе и не сможет уделять поискам весь день, но...

— Это мелочи.

— Что ты все бормочешь?

— Не обращай внимания, я иду путем Хогорта.

— Ну, неважно, — продолжал Реми. — Я буду наведываться сюда ежедневно, и как только Бетти найдет нужную книгу, тут же сообщу тебе. Только договорись с дядей, чтобы мне позволили отлучаться.

Он считал себя ужасно ловким — вместо скучного сидения в подвале, ежедневные встречи с культурной и воспитанной Эльсбетинорой, длина имени которой легко соперничает с длиной ее носа... Но Дженни было все равно.

— Я даже дам тебе денег на извозчика и на закуску Повелителя Огня для Бетти. Только книгу найди, — буркнула она. — И желательнее скорее.

***

В префектуре было шумно, стражники надели кирасы и шлемы, причем на этот раз вооружились не дубинками, а боевым оружием. В ответ на расспросы Квестин только устало вздохнул:

— Получен приказ снарядиться и ночью быть в боевой готовности, ожидая приказа. Сегодня я дома не ночую.

— Но почему? Что случилось?

— Ходят слухи о сражении между нашей армией и Погонщиками Ветра, о том, что их флот покинул гавани и был замечен у наших берегов... но толком ничего не сообщается. Зато велено не верить слухам. Собирайся, Дженни, я отвезу тебя на Горшечную улицу. Поужинаем, и я вернусь в префектуру.

Морко тоже слышал, как соседки кричали разную ерунду, но он не верил слухам, даже без приказа. Гоблин невозмутимо подал ужин. Поев, Квестин отправился на службу, и Дженни так и не стала рассказывать ему о посещении библиотеки. Сейчас явно был неподходящий момент.

Дженни отправилась к себе и завалилась спать, однако сон не шел. В голове теснились тревоги и воспоминания. За окном перекликались соседки, обычно они занимались этим делом поутру, но сегодня никто не спешил в постель. Из их визга Дженни поняла, что в городе ожидают нападения Погонщиков Ветра на гавань.

Потом под окнами, бряцая латами, протопала стража, и соседки наконец заткнулись. Дженни ворочалась в постели без сна не меньше часа, когда раздался стук в дверь. Тихий, осторожный, но очень отчетливый в ночной тишине. Стуча протезом, по коридору протопал Морко, скрипнула дверь... Дженни пошла глянуть — к дворецкому снова явился закутанный в тяжелый темный плащ посланник. Гоблины переговорили, Морко буркнул: «Буду обязательно!» — и захлопнул дверь за гостем.

— Морко, — позвала Дженни, — я нечаянно услышала, что к тебе приходили. Ты собираешься в долину Сотни Храмов? Я с тобой!

— Спи, Дженни. Ночью я точно никуда не пойду. А завтра... ну что ж, я бы взял тебя, если господин Квестин не будет против.

Префект появился утром, злой и раздраженный. Слухи так и остались слухами, чужие суда не появились у эверонских берегов, но стража всю ночь обходила улицы, и префект ругал начальство, которое само не знает, чего хочет. Вскоре под окнами завопил мальчишка-газетчик:

— «Зоркий глашатай»! Покупайте экстренный выпуск! Великая битва! Наши доблестные войска не отступили ни на шаг! Ни пяди земли свирепым варварам! Враг понес потери! Читайте о подвигах защитников Отечества!

Дженни прикинула, как статья о гибели Бурмаля соотносилась с истиной. Значит, если и здесь автор заметки точно так же обходился с фактами, то... ее передернуло от нехороших предчувствий. На Гранделине произошло нечто ужасное. Но, хвала Трохомору, это так далеко!

— А мы не будем покупать газету? — поинтересовалась Дженни. — Ну, чтобы вычитать истину между строк?

Префект, погруженный в свои мысли, не обратил внимания на вопрос. Зато соседки снова принялись орать. Ночные бдения ничуть не повлияли на их голосовые способности. Из визга соседок Дженни поняла, что они расхватали номера «Зоркого глашатая», и обсуждают передовицу о победах. О да, теперь Дженни знала, что такое передовица. Она же образованная столичная девушка, не деревенщина какая-нибудь. Вон как долго живет на Горшечной улице!

Тем временем Морко рассказал Квестину о ночном визите и попросил разрешения отлучиться.

— Я думаю, что в этот раз разузнаю о Джеке Джеке. Мне обещали подробности происшествия с Бодом Камбалой.

Префект кивнул:

— Хотя что-то будет ясно. Хотя вряд ли это поможет расследованию. А с расследованием, прямо скажем, беда. Против лорда Мариана очень шаткие улики. С ними я не могу обратиться в суд. Да никуда не могу обратиться!

— А куда можно? Если улики будут получше? — спросила Дженни.

Она вообще слабо представляла, что можно сделать с доказательствами. Что касается ее собственных желаний, то Дженни бы сама занялась мстостью, да и Морко, похоже, придерживался того же мнения.

— В тайную стражу, конечно, — ответил префект. — Против Повелителя Огня только они могут что-то предпринять. Но исключительно в том случае, если доказательства будут надежные.

— К этой противной тетке идти, — Дженни сморщила нос. — К Урсуре?

— Если виновен Мариан, то да. Дядя Урсулы — один из лидеров партии мира в палате лордов. Он будет рад разделаться с Марианом, а племянница будет рада ему помочь.

Это Дженни не понравилось. А если они получают доказательства вины не Мариана, а кого-то из партии мира? Тогда что, вообще отступить? Квестин без труда угадал, о чем она думает.

— Нет, мы в любом случае не откажемся от мести, — пояснил он. — Тогда придется искать другие пути. Например, обратиться к газетам. Не в «Зоркий глашатай», конечно. А к кому-то попримичнее. Привыкай, Дженни ниоткуда, это политика. Вот так делаются дела

здесь, в Эвероне.

— Ах, да! — вспомнила Дженни. — у меня ведь тоже могут появиться новости! Для этого Реми должен посещать библиотеку. Вы позволите?

Префект рассеянно кивнул:

— Ладно. Если только он будет в состоянии. Ночью он нес службу наравне с другими. Сидел в префектуре и клевал носом. Я думаю, сегодня он захочет поспать. Так что твои новости, Дженни, мы узнаем завтра.

***

Преподобный Ингвар, как обычно, торчал на лавочке и благодушно любовался болотным пейзажем из-под капюшона. Сейчас он как никогда напоминал фигуру божка над входом в храм. Не внешностью, конечно, а общим настроением, которое излучала его спокойная поза. Дженни без приглашения плюхнулась на лавку рядом.

— А, моя прихожанка! — обрадовался священник. — Да благословит тебя великий Хогорт, друг всех, кто идет верным путем!

— А откуда ты знаешь, что я иду верным путем? — осведомилась Дженни.

Было просто здорово ненадолго забыть обо всех неурядицах и просто поболтать с кем-то, не знающим подробностей, из-за которых Дженни уже просто извелась.

— Верные пути приводят к храму Хогорта, — назидательно произнес преподобный, — и ты здесь. Твой путь был верен.

— Приятно слышать. А газет ты больше не читаешь? В сегодняшнем экстренном выпуске было много новостей.

— Это мелочи. Я все узнал из разговоров паломников, они лишь об этом и толковали между собой. Ну да, армия Эверона разбита. Такова участь всякого воина, который пренебрежительно относится к врагу. Погонщики Ветра — очень опасный противник. Нельзя было их недооценивать.

— Значит, все-таки, армия разбита... — протянула Дженни. — А ты точно знаешь? Или так, между строк вычитал?

— Почему то, что вычитано между строк, не может быть правдой? — удивился Ингвар. — Впрочем, и это тоже мелочи. Не хочу об этом думать.

— Мне нужен совет, — перешла к делу Дженни. — Хогорт может мне помочь разобраться с кое-какой ерундой. И умение читать между строк тоже было бы очень кстати. Можешь ли ты вычитать в вырванной странице название книги?

Ингвар наконец повернул скрытое капюшоном лицо к девушке. До сих пор он не менял позы.

— А, уже книга! Воистину ты на правильном пути, если мы движемся от газет к книгам! Могу я взглянуть на эту страницу?

Дженни протянула ему листок. И тут Ингвар впервые проявил какие-то чувства. Да еще как! Его степенное спокойствие исчезло. Он коротко взглянул на Дженни, при этом в тени, скрывающей верхнюю часть лица, сверкнули два кусочка синего льда.

— Откуда это у тебя? Что это означает?

Дженни с удивлением заметила, что Ингвар держит бумагу левой рукой, а правая

скользнула под полу широкого плаща. Ингвар тряхнул головой, сбрасывая капюшон, и огляделся. Болото вокруг было спокойно, несколько прихожан брели мимо принадлежащего Хогорту островка к храму Трохомора. Они на храм Хогорта даже не глядели. Дженни на всякий случай отодвинулась на самый краешек лавки и уставилась на Ингвара. Он был очень белокожий, а глаза — пронзительно-синего цвета. Не красные. Лицо обрамляли ослепительно-белые локоны, и вообще он был сейчас похож на кого угодно, только не на священника. Если бы Дженни понадобилось описать принца из сказочной страны, то именно таким бы он и получился.

— Откуда это у тебя? — Ингвар требовательно поднял листок с рисунком.

И Дженни, сама не понимая, зачем это делает, рассказал ему всю историю. Коротко рассказала, без подробностей. И что листок украден, тоже не стала говорить, просто назвала его уликой.

По мере того, как она говорила, Ингвар успокаивался. Наконец вытащил правую руку из-под полы и перестал хвататься за нож или что он там прятал. Снова двигаясь медленно и расслабленно, он натянул капюшон.

— Вот и все, — закончила Дженни.

— Да, занятная история, — Ингвар попытался улыбнуться, но без особого успеха. — Значит, свеча, что не стала гореть, это Эрик, младший из твоих братьев? Так ты считаешь? Что ж, по милости Хогорта я попробую дать тебе совет.

Дженни уже не знала, что и сказать. Чего-чего, а такого странного поведения она меньше всего ожидала от священника, представляющего в Эвероне толстого ленивого Хогорта...

— Не нужно рыскать по всем книгам. История, которая может дать тебе подсказку, произошла меньше двадцати лет назад. Попробуй поискать рассказ о леди Аметильде. О том, как она вышла замуж.

На языке Дженни вертелась тысяча вопросов. Кто такая леди Аметильда? Что такого в замужестве? И какая связь между этим событием и медальоном? И почему, во имя Трохомора, Хогорта и остальных девяноста восьми богов, эта картинка так взволновала Ингвара?

Дженни очень осторожно вытянула бумагу из пальцев Ингвара и заявила:

— Мне пора. Спасибо за помощь.

— Во имя Хогорта, — пробормотал Ингвар. Он снова был прежним и улыбался. — Тебя не смутил мой интерес к этой штуковине? Все это мелочи, просто некоторые мелочи волнуют сильнее других. Запомни: леди Аметильда из семьи Истригсов. Приходи еще, Дженни. Я всегда буду рад ответить на твои вопросы. Если можно, расскажи мне, чем закончилась твоя история. Я имею в виду, когда она все-таки закончится.

Дженни в задумчивости перекатила туфлей несколько камешков, брошенных прихожанами у входа в храм Хогорта, встала и одернули свою слишком широкую юбку. Почему-то в памяти всплыли ярко-синие глаза Ингвара. Сейчас они снова скрывались в тени капюшона, и Дженни была даже довольна — меньше волнения! Она уже чувствовала, что этот взгляд будет теперь ее преследовать повсюду.

— До встречи, преподобный Ингвар. Когда история закончится... хорошо, расскажу. Только никому не выдавай. Это секрет!

— И он в надежных руках, — мгновенно перестав улыбаться, заверил Ингвар. — Если я смогу тебе помочь, дай знать. Я говорю не только о вопросах. Поддержка могущественного

Хогорта кое-что значит, поверь. А мне захотелось, чтобы эта история закончилась хорошо.

***

В этот раз Дженни возвратилась на перекресток первой, Морко задерживался. Впрочем, ожидание длилось не слишком долго.

— Можем успокоить господина префекта, ничего особенного в Джеке нет. Просто удачливый пройдоха.

— Ну, ладно, — только и ответила Дженни. Она думала о синих глазах.

— Мне казалось, это тебя интересует, — заметил гоблин.

— Хогорт учит, что это мелочи. Их нужно знать, но относиться к ним спокойно. Я теперь хожу в другой храм, не к Трохомору. Там мне объясняют разные интересные штуки. Боюсь, лопну от мудрости. Нужно будет почаще давать советы Квестину, чтобы мудрость, не задерживаясь, изливалась наружу. К тому же я кое-что разузнала, только это еще придется проверить. Сейчас отправлюсь в префектуру. Так что валяй, что там с Джеком? Расскажи мне, а я заодно все новости передам Квестину.

Свободных извозчиков, которые поджидали бы пассажиров, у края дороги не оказалось, Дженни с дворецким пошли пешком. По пути Морко рассказал историю агента Джека Джека. Вернее, его покойного главаря, Бода Камбалы.

Бод, по всеобщему мнению, был дураком. Так рассказывал гоблин. В мелких бандах так часто бывает — предводителем оказывается тот, у кого самые увесистые кулаки, а не тот, что лучше соображает.

— У нас было иначе, — задумчиво добавил Морко.

Дженни помалкивала, ожидая продолжения — вдруг раскроется еще одна страничка прошлого? Но дворецкий возвратился к рассказу о свежих событиях.

— Так вот, Бод был глуп и азартен. Все, что добывала банда, он поигрывал. Его партнерами были серьезные люди. Ну и гоблины тоже. В портовом районе кое-кто устроился грузчиком, потом привел другого... так мало-помалу наши стали перебираться туда, в трущобы около гавани.

Дженни кивнула. Это здесь гоблинов мало, она лишь пару раз видела других. Морко, конечно, был исключением — тем более, с его чистой белой рубашкой! Другого такого гоблина, наверное, на всем свете не найти. Честно говоря, она слушала вполуха, мысли то и дело возвращались к загадочному поведению Ингвара. Ну, и еще немного к его синим глазам. Да, и что там у него припрятано под священническим одеянием? За что он хватался, когда увидел нарисованную звезду?

— Однажды Бод проиграл слишком много, и ему пришлось нелегко. Он пообещал, что расплатится в срок, но что-то случилось с казной его шайки. Понимаешь, в любой приличной компании есть некоторая сумма, отложенная на крайний случай. Скажем, нанять адвоката или еще как-то помочь, если кто-нибудь влип. Ну а Бод, чтобы расплатиться с игровым долгом, решил наложить лапу на это добро.

— И тут с воровской копилкой что-то случилось?

— Проще говоря, ее украли. Вожака банды обокрали на его же территории. В том месте, которое он сам выбрал в качестве самого надежного укрытия.

— И это, конечно, был Джек Джек.

— Доказательств нет ни у кого. Но факты достаточно красноречивы. Джек сбежал, скрывался, сейчас согласен поработать для стражи и ночует в тюремной камере. Хорошее укрытие от мести поделщиков. Надо отдать ему должное, ловко придумано. И смело.

— Да, эта история с украденным достоянием шайки хорошо увязывается со всеми странностями Джека, — согласилась Дженни. — Жалко, что все объясняется настолько просто. Никакой великой тайны. А Бод?

— Он не смог расплатиться в срок, — гоблин пожал плечами. Для него исход был слишком очевиден, чтобы объяснять подробнее.

— И его за это убили? — удивилась Дженни. — Хотя знали, что с ним случилось? Я имею в виду кражу?

— М-да, — задумчиво пробурчал гоблин. — Он никому не нравился. Другому бы дали пару дней, чтобы добыть монет... И там еще была замешана какая-то женщина...

— Ну-ну, говори! — оживилась Дженни.

— Это тоже оказалось важным обстоятельством. Ссора из-за женщины, позор атамана, которого могут обнести на его же собственной территории, короче говоря, сложилось несколько причин, и привет — Бод Камбала лег на дно.

О женщине Морко ничего не мог рассказать, он интересовался только основными фактами, а мелкими подробностями пренебрег. Это расстроило его спутницу — ну, вот... самое занятное она и не узнает. Только-только в этой истории наметился некоторый действительно стоящий моментик...

Но это мелочи, как учит великий Хогорт! Гораздо интереснее, что же прячет под накидкой преподобный Ингвар? Коня и доспехи, достойные принца?

Глава 10. Представители властей

В префектуре царила обычная суета. Ночная тревога уже забылась. Удивительно, как слух о военных неудачах вызвал панику в столице, но в этом был и важный урок — все почувствовали, насколько уязвим Эверон, еще днем раньше казавшийся непоколебимо могущественным. А стражники почувствовали даже сильнее, чем прочий люд, потому что им не пришлось спать ночью.

Но, как бы то ни было, тревога улеглась, и служба вошла в привычную колею. Дженни направилась в кабинет «дядюшки Эдуарда», чтобы пересказать историю незадачливого Бода Камбалы и ловкого Джека Джека. Но приступить к повествованию ей не пришлось — у Квестина обнаружился Джек собственной персоной. И что-то долго и обстоятельно рассказывал, Дженни еще в коридоре услышала его голос.

Еще в кабинете молча сидел Дональд Кубер. Когда она вошла, сержант опустил глаза, а префект только коротким кивком указал ей стул и снова обернулся к Джеку.

— Ну так вот, — вернулся тот к прерванному докладу. — Каждый день ужинает в одно и то же время в одном и том же месте. Я не стал соваться ближе, чтобы не спугнуть птичку, однако в окно его видел. Сидит за столом в углу, одинокий, как Вулкан. Его в заведении, похоже, знают. В общем, я уверен, что он и сегодня там появится.

— Хорошо, — кивнул Квестин. — Молодец, Джек, теперь можешь отдыхать. Только никуда не исчезай. Видимо, у тебя сегодня вечером будет работенка.

— Всегда готов услужить вашей милости! — затараторил Джек, исчезая. — Верный и честный, вот я каков, и неизменно рад выполнить любой приказ! Даже самое трудное дело, только скажите, что нужно, и сами убедитесь!

Последние слова он произнес уже снаружи. Закрывая дверь.

— Образцовый служащий, — буркнул Квестин. — Даже хочется поставить его в пример остальным. Дженни, сегодня очень важный день. Я надеюсь, уже нынче вечером ты узнаешь, кто виновен в гибели твоей семьи.

— Правда? Но как же так, мы ничего интересного не узнавали, только ходили вокруг да около... я что-то пропустила?

— Почти ничего, — заверил префект. — Сегодня в нашу копилку фактов добавилась совершеннейшая мелочь. Так, ерунда. Крошечное обстоятельство, едва ли заслуживающее внимания.

— Великий Хогорт учит, что все дела одинаково мелки, поэтому к любому нужно относиться с равным вниманием. Или с равным невниманием, смотря насколько далеко ты продвинулся путем Хогорта, — отчеканила Дженни.

Эти слова ей говорил Ингвар.

— Хогорт? Это такой мелкий северный божок? — поднял брови Квестин.

— Не знаю, откуда он родом, но это мелочи, — так же уверенно произнесла Дженни. — Ну, давайте, рассказывайте мне свой новый факт. Я готова.

— Дональд приступил к опросу наших задержанных. Я имею в виду, людей, занимавшихся бесчинствами в день, когда парламент вынес решение о войне. Ты должна помнить, вам с Морко тоже досталось.

— Конечно, помню. И что, они рассказали что-то интересное?

— Я пока опросил лишь нескольких, — по-прежнему глядя в пол, тихо заговорил сержант. — Но двое помнят человека со шрамом.

Дженни замерла, ожидая продолжения, но мужчины молчали. Наконец она не выдержала:

— Это все?

— А ты ждала головокружительных открытий? — невесело улыбнулся префект. — Это все, Дженни. Но это важно. Теперь мы можем арестовать человека со шрамом. Наши подозрения насчет медальона из «Дрейкензера и компаньонов» никак не отразятся в протоколе, этого человека арестуют за разжигание бунта, беспорядки, сопротивление страже и так далее. И это будет абсолютно законно. И вот когда этого субъекта водворят за решетку, то...

— То явятся адвокаты его хозяина, и он в два счета выйдет на свободу! — взволнованно перебила Дженни. Проводя целые дни в префектуре, она уже наслышалась подобных историй.

— Не сразу, Дженни, не сразу, — заверил Квестин. — У нас будет довольно много времени, прежде чем его хозяин узнает и начнет суетиться. Заодно узнаем имя того, кто хлопчет за арестованного. В общем, перспективы самые богатые, поверь моему опыту. Когда человек оказывается в нашем подвале, у него совершенно внезапно может возникнуть склонность к сотрудничеству со следствием. Совершенно внезапно!

— С вашего позволения, господин префект, я продолжу мои опросы, — заговорил Дональд. — Нам понадобится как можно больше свидетелей.

Когда он ушел, Квестин долго молчал. Потом глянул на Дженни:

— Тебе не кажется, что сержант странно изменился в последние дни? Он совсем не похож на себя.

— Устал, наверное, — не задумываясь, ответила Дженни. Она думала о другом.

Дональд, конечно, был мужественным и обходительным... но глаза его были не синего цвета, а карие, как у большинства жителей Эверона.

***

Пока префект занимался приготовлениями, Дженни спустилась в архив, чтобы дать новые указания Реми. Однако того уже не было. Он спешил воспользоваться разрешением и умчался в библиотеку.

Тем временем Квестин собрал два десятка стражников. Дженни казалось, что это слишком много, чтобы задержать одного-единственного человека, но она помалкивала, просто наблюдала. В группе оказался и Мервин, жирный тюремщик. Почему-то Квестин особо распорядился о его участии.

Люди разделились на несколько групп и отправились в город. По плану они должны были пройти разными улицами, вроде патрулей, обходивших город недавней ночью, когда ожидался набег флота Погонщиков. В конце концов все должны были сойтись у таверны «Радостный обжора», в которой, как сулил Джек Джек, подозреваемый появляется в одно и то же время. Дональд ушел сразу после разговора, и с тех пор его никто не видел. Но Дженни и не думала о нем, она предвкушала, что вот-вот узнает имя Повелителя Огня, расправившегося с трупой. Чем ближе вечер, тем сильнее становилось охватившее ее возбуждение. Она сидела в углу кабинета префекта, сжимала кулаки, шупала рукоять

гоблинского ножа, припрятанного под одеждой, и с трудом сдерживалась, чтобы не спросить Квестина еще раз, скоро ли они отправляются.

Спрашивала уже раз десять, после чего префект осведомился, с чего Дженни взяла, что он возьмет ее собой. Намек был ясен. Дженни пробурчала: «Потому что со мной гораздо веселее!» — и умолкла. Ждать молча оказалось еще труднее, но чего не сделаешь, чтобы увидеть все своими глазами и узнать новости пораньше...

Под вечер явился Реми и, вызвав Дженни из кабинета Квестина, стал объяснять, что поиски затягиваются, придется сходить к Эльсбетиноре еще разок, или два или больше.

— Ладно, сходишь, — пообещала Дженни. — Тебе знакома история леди Аметильды из семьи Истригсов? Нет?

— Имя, вроде, знакомое, — замялся Реми. — Не помню. Как будто, что-то я об этой особе слышал, но... нет, не помню.

— Вот и освежишь в памяти ее историю. Хорошо, если ты сможешь притащить какую-нибудь книгу о ней. С картинками!

Реми удивился, но пообещал поискать такую книгу. Разговор с ним немного скрасил ожидание. Но, как бы медленно ни тянулся день, настал момент, когда Дженни с префектом отправились к выходу. Железная карета уже ждала.

Квестин объяснил кучеру, куда ехать, и они покатили. Улицы выглядели обычными, самый заурядный вечер Эверона... но Дженни все казалось наполненным предзнаменованиями и странными намеками. Вон тот человек слишком внимательно посмотрел вслед карете, а кучка ратлеров стрекочет слишком оживленно. Чтобы отвлечься, она пересказала префекту историю Бода Камбалы. Но Квестин слушал невнимательно, он думал о чем-то своем, и только теперь Дженни сообразила, что Квестин тоже невероятно взволнован. Просто он лучше скрывает свои чувства.

Конечно, столько лет он ждал встречи с убийцей... жаждал узнать имя. И вот сегодня, вполне возможно, имя будет названо! Дженни невольно положила руку на лиф платья, потому что сердце вдруг стало биться чаще.

Кучер натянул поводья, и карета стала замедлять ход. Префект выглянул в окно и удивился:

— Что такое? Мы еще не на месте.

— Вон наши, на другой стороне улицы! — объявила Дженни, которая выглядывала сквозь решетку своего бока кареты.

Она заметила стражников, стоящих тесной группой на тротуаре. Над ними возвышались двое всадников на рослых вороных конях и в доспехах из черной стали. Прохожие с любопытством косились на эту сценку, нечасто подобное зрелище можно видеть в Эвероне.

Квестин уже выбирался на мостовую. К нему тут же поспешил сержант, возглавляющий этот отряд стражи.

— Не пропускают, ваша милость! — пожаловался он, указывая на людей из тайной стражи лордов. — Вот эти двое! Говорят, приказ леди Урсулы.

Квестин кивнул и велел кучеру ехать в обход. Карета стала тяжело поворачивать, трогаясь с места. Прогрохотала по переулку, где стук окованных колес по бульжнику звучал особенно громко, в тесноте, и вывернула на другую улицу. И Дженни снова увидела группу знакомых солдат, рядом с которыми высокими мрачными силуэтами замерли всадники в черном. Среди солдат выделялся габаритами Мервин. Толстяк хмуро пялился на людей лордов и похлопывал по широкой ладони своей любимой дубинкой. Иначе проявить свое

недовольство он не мог — городской страже приходилось подчиняться людям в черном, словно своему начальству.

— Во имя всех богов, — пробурчал Квестин. — Это не случайность! Проклятая стерва что-то разнюхала...

Дженни не стала спрашивать, о ком он. Стервой конечно была леди Урсула. Неожиданно за решеткой окна с ее стороны возникло лицо. Дженни ахнула и отшатнулась, слишком уж внезапно появился этот человек. Но мгновением позже она узнала Джека Джека — стоя на подножке с той стороны кареты, которая была укрыта от взглядов воинов в черном, он зашептал:

— Ваша милость, ваша милость, дело нечисто. Тайным велено не пропускать никого в форме вашей братии. А у самого заведения от них черным-черно. Столько солдатишек тайной стражи в одном месте я еще сроду не видел. А клиент там, внутри. Откатите в сторонку и выбирайтесь из своей стальной перечницы. Ваша милость без мундира, авось дадут пройти. Хотя бы глянете, что такое заварили черные плащи.

Квестин кивнул, и лицо Джека за решеткой исчезло. Префект приоткрыл свою дверь, высунулся и велел немому кучеру отъехать в переулок. Карета снова тяжело развернулась. Когда ее закрыл от всадников угол дома, префект выбрался наружу, Дженни последовала за ним. Они неторопливой походкой прошли до перекрестка и снова свернули к таверне. Джек, конечно, оказался прав — вход в заведение оградил строй спешенных воинов тайной стражи. И карета их начальницы стояла в сторонке. Вокруг черной линии, образованной стражниками, не было никого. Ратлеров как ветром сдуло, а прохожие огибали черных, сохраняя приличное расстояние.

Префект остановился и оперся на тяжелую трость, вглядываясь в окна таверны. Заведение называлось «Радостный обжора», и толстый человек с куриной ножкой в руке, красующийся на вывеске над входом, слегка напоминал великого Хогорта. Разве что сосредоточенное выражение на щекастой намалеванной роже свидетельствовало о том, что радостный обжора еще не прошел путь Хогорта до конца и не отрешился от всего земного. Он еще не постиг, что жареные куриные ножки — мелочь, заслуживающая не большего внимания, чем любая другая ерунда.

Дверь таверны распахнулась. Квестин подался вперед, с силой вдавливая конец трости в мостовую. Дженни затаила дыхание. Дверца кареты леди Урсулы отворилась, и дама высунулась из темноты по пояс.

Показался солдат в черном. Остановился, придерживая дверь. За ним на свет вышел худощавый мужчина в темной одежде, следом за ним, не отставая, следовали еще двое стражников. Их мечи были обнажены, и острия упирались в спину арестованного. К этому человеку тайная стража относилась очень серьезно. Его вывели на мостовую, навстречу шагнул стражник с тяжелой цепью. Незнакомец протянул правую руку, и на ней защелкнулся стальной браслет. Дженни вгляделась в лицо арестованного. Он был ей незнаком, а на левой щеке внизу она заметила длинный шрам, доходящий до подбородка. Пытаясь вспомнить, не встречалась ли она все-таки с этим человеком прежде, Дженни упустила момент, когда он начал действовать. Движения незнакомцы были молниеносными и мощными.

Стражник, надевавший кандалы, согнулся и рухнул к ногам человека со шрамом. Видимо, двое с мечами, стоящие за спиной незнакомцы, немного ослабили бдительность, солдат обманула его покорность. Почувствовав, что острия больше не упираются под

лопатки, он ударил того солдата, что был перед ним. Резко развернувшись, он взмахнул рукой, и стальная змея, заканчивающаяся не застегнутым браслетом кандалов, хлестнула по шлемам солдат. Обоих словно ураганом снесло, один ударился спиной в дверь «Радостного обжоры» и упал внутрь. Второй еще сползал по стене, а человек со шрамом уже мчался по улице. Цепь с лязганьем вращалась над его головой.

Навстречу беглецу устремились несколько стражников, а еще с десятков, сломав строй, гнались сзади. Леди Урсула визгливо верещала:

— Поймать! Схватить!

Беглец взмахнул цепью и выбил оружие из руки солдата, оказавшегося на пути, нырнул под устремившийся навстречу клинок, врезался плечом в черную кирасу и опрокинул противника на мостовую. Дальше он бежал уже с чужим мечом в левой руке, а погоню немного задержал упавший солдат. Вдоль улицы наперерез мужчине со шрамом пытались пробиться двое конных, но их сдерживала толпа.

— Схватить! — снова пронзительно заорала Урсула.

И всадники пустили коней сквозь толчею. Несколько горожан они сбили с ног, а следом за ними бежали солдаты префекта в красном. Впереди оказался Мервин, уже заранее поднявший дубинку над головой. Однако ни конным, ни пешим не пришлось встретиться с беглецом, тот нырнул в переулок. Всадники устремились следом...

Ругались и стонали помятые лошадьми зеваки, азартно орали те, кто оказался в стороне от основных событий...

Дженни вдруг поняла, что раскрыла рот от удивления. Да что там, все, кто оказался здесь поблизости, замерли и пялились, не отводя глаз, на это невероятное представление.

— Барышня, а ведь я тебя узнал, — раздался шепот над ухом Дженни.

На этот раз ей удалось не вздрогнуть, когда Джек Джек незаметно подкрался сзади.

— Узнал, — повторил он, — это ты была тогда в «Удаче». Не зря я заскочил именно в эту пивнуху, с таким названием — в самом деле удачно получилось. Так что ты не тревожься, я на тебя не в обиде. Если бы не этот случай, разве попал бы я в стражу на службу? Да никогда! Только больше так не делай. Второй раз будет лишним.

Дженни собралась с мыслями, чтобы дать подходящий ответ, но... Джек исчез еще стремительней, чем возник, а к ней и Квестину через опустевшую улицу широкими шагами приближалась леди Урсула. Узкая черная юбка натягивалась и громко шуршала при каждом ее движении.

Начальница тайной стражи остановилась перед ними и процедила сквозь зубы:

— Префект Квестин.

Но глядела она прямо на Дженни. Глядела в упор, внимательно, так что та едва подавила в себе желание укрыться за спиной «дяди».

— Леди, — слегка поклонился префект. — Для меня великая честь и удовольствие понаблюдать за одной из блестящих операций вашей службы. Есть, чему поучиться.

— Это дело еще не окончено, — Урсула наконец перестала пялиться на Дженни и взглянула на него. — Можете возвращаться к своим обязанностям, представление для публики окончено.

Потом она опять перевела взгляд на Дженни, и той показалось, что в глубине черных зрачков сверкнуло алым. От маленькой тщедушной тетки в черном исходила волна жаркого испепеляющего страха.

— И помните, тайной страже все известно, — процедила сквозь зубы леди Урсула.

Часть 3. Склоны Вулкана. Глава 11. Тайны семейства Истригсов

На обратном пути Квестин молчал. Он по-прежнему тискал набалдашник трости и мрачно вглядывался в стену кареты напротив себя, словно рассчитывал прочесть тайные письма на проклепанной стали.

— О чем вы сейчас думаете? — спросила Дженни.

Сама она досадовала на себя — так испугаться! Леди Урсула нагнала на нее страху. Вообще-то простым смертным положено бояться Повелителей Огня, но, наверное, зловредная тетка именно этого и добивалась — застрашать Дженни. И ей это удалось, вот что было обидно! И еще было до слез жаль, что исчезла возможность узнать имя врага. Исчезла, растворилась, испарилась, просочилась сквозь пальцы.

— Думаю, нам крупно повезло, — ответил префект. И пояснил, прежде чем Дженни высказала свое непонимание вслух, — вмешательство леди Урсулы избавило нас от позорного поражения. Этот мерзавец со шрамом сбежал бы и от моих людей. А так весь позор достался тайной страже.

Дженни стала обдумывать это непростое заключение, а префект продолжал:

— Очень сильный, очень ловкий, решительный и хладнокровный... таких бойцов мало.

— А много вы таких встречали?

— Одного. Сегодня, только что.

— Не может быть!

— Ну, наверное, Мервин смог бы продержаться против него минуту или две, — подумав, неуверенно произнес префект, — или Морко в его лучшие дни.

— Хм-м...

Дженни подумала, что Эрик был очень ловким. Будь у него побольше силы, он смог бы проделать те же самые вещи. Она не раз видела, как брат умудрялся сбежать от толпы преследователей — ловкость, проявленная Эриком в «Удаче», пришла не сразу, а лишь после множества попыток, не всегда удачных. Да, Эрик был ловок. Но его скрутили очень быстро, значит, и противник оказался под стать. Это, конечно, ничего не доказывает, но все же...

— Если бы это был человек из банды, я бы знал о таком, — рассуждал тем временем вслух префект. — Но мне ничего не известно о подобных людях на моей территории. Он не разбойник, он служит какому-нибудь лорду. Я, конечно, спрошу Морко, но вряд ли он сможет сказать мне что-то новое о преступном мире Северо-Западного округа.

Но и Морко ничего не подсказал. Он подал ужин, внимательно выслушал подробный рассказ префекта о происшествии у входа в «Веселого обжору». Потом Квестин спросил, не возникло ли у дворецкого гениальных догадок относительно личности беглеца.

Гоблин вместо ответа извлек из кухонного шкафа маленький запечатанный кувшин и два бокала. Со всем этим он вернулся к столу.

— А мне? — тут же спросила Дженни. Она молчала, пока длился рассказ и считала, что заслуживает поощрения. — Я должна успокоиться, иначе не усну.

Всю картину испортил долгий зевок, которого она не смогла сдержать. На самом деле она устала и отчаянно хотела спать. И эти долгие разговоры за бокалом бренди никак не могли помочь в поисках Эрика. Хотя теперь, после встречи с леди Урсулой она лучше

понимала, почему страже приходится ходить вокруг да около, вместо того, чтобы хватать подозреваемых и добиваться истины. Повелительница Огня одним взглядом умела нагнать страх. Против такой не пойдешь в открытую!

Ну а в поисках крошечных зацепочек, в расспросах представителей эверонского воря Дженни никак не могла помочь. Она и бренди-то просила исключительно из упрямства, и чтобы не оставаться в одиночестве. Вот ляжешь в постель, закроешь глаза — а перед тобой всплывет противная рожа Урсулы...

В общем, попытка остаться с треском провалилась. Префект бросил на нее долгий печальный взгляд, и Дженни поднялась из-за стола. Поплелась в свою комнату, полную чужих вещей. А префект с дворецким остались обсуждать возможности вызнать что-то о человеке со шрамом, используя старые связи Морко.

С другой стороны, подумала Дженни, зевая и поправляя подушку, это значит, Морко снова отправится смотреть на грязь. И возьмет с собой. И будет новая встреча с преподобным Ингваром. Как бы заставить его стянуть капюшон, а?

***

Поутру, собираясь с Квестином на службу, Дженни рассеянно слушала, как заходится криком на улице мальчишка:

— «Зоркий глашатай»! «Зоркий глашатай»! Читайте правду о сражении в Гранделине! Подлое предательство! Изменники продали Погонщикам Ветра планы кампании!

Уже никто не сомневался, что сражение на юге с треском поиграно. Теперь споры шли о причинах, и «Зоркий глашатай», как обычно, спешил выдвинуть свою версию. Квестин и слушать не стал. Значит, решила Дженни, измена — это неправда. А истина скрыта между строк.

В префектуре только и разговоров было, что о вчерашней суматохе. Бегство незнакомца видели многие, они охотно рассказывали об этом остальным, причем рассказы все оказывались непохожими. Но так было даже интереснее.

Второй важной темой, конечно, стала передовица в «Зорком глашатае». Несколько человек успели купить свежий выпуск, и теперь газеты ходили по рукам. Обычное начало дня — пока солдаты не получили сегодняшних назначений на посты, они топились у входа и обменивались новостями.

Дженни огляделась в поисках Кубера, но к ней уже несся Реми с толстенной книгой под мышкой.

— Дженни! — закричал он. — Как ты могла знать? Откуда?

Больше всего ей не хотелось, чтобы о ее поисках в библиотеке узнали все солдаты, поэтому она схватила удивленного толстяка за рукав и потащила в сторонку.

— Ты что? — прошипела она, когда толпа солдат осталась позади. — Тебе поручено секретное задание особой важности, а ты орешь при всех!

— Я не знал, — опешил Реми. — Ты же не сказал, что это особой важности...

— Если этим делом занимаюсь я, значит важность первостатейная, — с достоинством пояснила Дженни. — Ну, что ты нашел?

— Вот! — Реми выставил перед собой книгу. — Здесь все.

— А коротко? Своими словами?

— Этот медальон... ну, или очень похожий... принадлежал принцу Гренвею, это

эмблема его дома, ледяная звезда. Принц был послем Хозяев Льда в Эвероне. Слушай, просто скажи, откуда ты знала? Я не догадался, Эльсбетинора тоже, а ты сразу угадала!

— Так, — неуверенно промолвила Дженни. — А что именно я знала? Что я угадала?

— Этот самый Гренвей соблазнил и выкрал леди Аметильду! Она сбежала с ним после того, как семья запретила встречаться с принцем! Он хотел жениться, она была согласна, но семья воспротивилась. Тогда они сбежали. Громкая была история, но с тех пор миновало почти двадцать лет, сейчас уже никто не помнит. Так откуда ты узнала?

— Я молилась правильным богам, — медленно ответила Дженни, лихорадочно обдумывая открывшиеся факты. — Значит, леди Аметильда из семьи Истригсов и ледяной принц Гренвей... Давай сюда книгу.

— Истригсы — влиятельная семья. Они давали тысячу золотых тому, кто приведет их к беглецам, — тараторил Реми. — Но долго не могли напасть на след. Говорят, леди Урсула для того и возглавила стражу, чтобы искать пропавшую сестру!

Дженни словно кипятком окатили. Разом смолкли и веселые крики солдат, и бормотание толстого смотрителя архива. В уши хлынула ватная тишина, а в голове закрутились мысли: значит, Урсула — из Истригсов, из семьи девушки, сбежавшей с чужаком, с послем давних врагов Эверона. Медальон принца. Урсула узнала о нем, как-то пронюхала. Вот поэтому ей и понадобилось схватить человека, причастного к делу прежде, чем он попадет в руки городской стражи... Ох, как круто все замешалось!

— Дженни! Вот ты где! — прорвался сквозь забившую уши вату голос сержанта Кубера.

Он стоял рядом, улыбающийся, подтянутый, в красивой форме городской стражи. Просто картинка. Дженни медленно возвращалась к реальности, и эта реальность, хвала Крохомуру и неподражаемому Хогорту, была сегодня очень и очень неплоха!

— Дональд...

Дженни не знала, что и сказать. Она давно хотела бы увидеть сержанта именно таким — веселым и дружелюбным. И надо же такому случиться, что он возник рядом именно сейчас, когда срочно-пресрочно нужно потолковать с префектом...

— Дональд, я...

— Что, этот толстяк пристает к тебе? — Кубер строго уставился на Реми. — Смотритель, тебе сейчас полагается сидеть в архиве и приводить в порядок каталог! Живо за работу! Бегом, бегом!

Реми опешил, так с ним обычно не разговаривали. Ему едва хватило самообладания с достоинством поклониться Дженни и удалиться не бегом.

— Зря ты так, — с укоризной промолвила Дженни. — Он мне очень помог, нашел кое-что интересное.

— Ничего, пусть знает свое место, — бодро брякнул сержант. — Он всего лишь стажер, а ты племянница самого префекта. Иногда не лишне дать таким, как он, почувствовать разницу. А что он для тебя нашел? Это по нашему делу? О сбежавшем от тайной стражи преступнике? Расскажи, мне тоже интересно!

При других обстоятельствах Дженни бы растаяла и бросилась бы захлеб делиться с Кубером своими открытиями... но... именно в этот миг ей почему-то показалось, что улыбка великолепного Дональда и его интерес не совсем естественны. Раньше он таким не был.

Кубер сделал еще шаг, и Дженни поняла, что он собирается взять ее под руку или обнять, или еще что-то подобное. Она не узнавала себя, ведь именно о таком поведении

сержанта она мечтала еще вчера! Пусть даже у него не голубые глаза...

Она выставила перед собой книгу, как щит, и пролепетала:

— Здесь очень красивые картинки. Много дам в роскошных платьях, и я собиралась посмотреть, что носят в столице.

— Отлично! — Дональд расплылся в улыбке. — Если хочешь, я как-нибудь провожу тебя в ателье, где шьют модные наряды. Сам я, конечно, лучше знаю мужских портных, но для тебя спрошу адреса мастериц по дамским туалетам.

Он придвинулся еще чуть ближе, почти коснувшись затянутой в мундир грудью книги, которую стискивала Дженни. Она отступила на шаг, бормоча:

— Портнихи и белошвейки, у них пальцы исколоты иголкой, и они молятся великому Хогорту о закатившихся под стол наперстках. Да, конечно. Спасибо, Дональд. Но давай не сейчас. Сейчас... ну, понимаешь... у меня дела. Мне нужно спросить Квестина... об одной важной вещи. И у тебя служба. Потом, хорошо?

— Конечно! Когда пожелаешь!

К своему стыду, Дженни скрылась от Кубера куда быстрее, чем это сделал Реми. Что-то ее смущало в том, как держался сержант. И она сама не могла понять, что именно. И кстати! Ей в самом деле нужно было потолковать с префектом!

***

Квестин как раз закончил раздавать утренние распоряжения, отправил офицеров на задания и сидел у себя один, перебирая бумаги. Порядка на столе не становилось больше, скорее наоборот, но префект перекладывал листы из одних стопок у в другие с уверенностью человека, отлично знающего, чем он занимается.

Когда Дженни, постучавшись, вошла в кабинет, он, не поднимая головы, сказал:

— Не сейчас. Дай мне разобраться с этими документами. Потом поговорим.

Дженни присела у края стола. Поискала, куда бы пристроить книгу, но напрасно — вся территория была оккупирована бумагами Квестина. Стол являлся его безраздельной вотчиной. Пришлось листать книгу, держа ее на коленях. Некоторое время оба шуршали бумагами — Квестин разбирался с докладами, Дженни листала страницы. Потом она громко и отчетливо произнесла:

— Ого!

Префект не отреагировал.

— Вот это да! — еще громче сказала Дженни.

Новая попытка тоже оказалась безуспешной.

— Кто бы мог подумать! Теперь понятно, почему леди Урсула устроила такой переполох! — выложила Дженни свой главный козырь.

И это сработало. Квестин оторвался от своего занятия и поднял глаза на Дженни. Она тут же сунула ему под нос книгу, раскрытую на нужной странице. С минуту префект разглядывал иллюстрацию, потом его взгляд сместился к подписи.

— Леди Аметильда и принц Гренвей... да, я припоминаю эту историю.

— А на груди у принца знакомый медальон, — подхватила Дженни. — С красивой звездой.

— А старшая сестра Аметильды, наша добрая знакомая, — бормотал тем временем префект. — Она пыталась схватить человека, который охотится за медальоном, заложенным

в «Дрейкензере и компаньонах».

Квестин не слушал, что говорит Дженни, в его голове складывались все те же несложные заключения, которые она проделала накануне.

— Медальон со звездой, так-так. Он был у Гренвея, это знак его принадлежности к дому. Что случилось потом с беглецами? Гренвей не вернулся домой, во всяком случае об этом ничего не известно. Так где он? И где Аметильда?

— Хороший вопрос, дядюшка, — вставила Дженни. — Насколько я понимаю, их не смогли настичь, и сестра Аметильды возглавила тайную стражу, чтобы продолжать поиски.

— Но какая здесь связь с трупной Бурмаля?

Дженни испустила тяжелый вздох. Сразу видно, что Квестин не любит читать о любовных историях! Ну, как можно быть таким недогадливым!

— Медальон был у кого-то из нас, из сирот, которых Папаша подобрал на дороге! — стала объяснять она. Мы заложили его в ломбарде, некто с Вулкана прознал об этом и явился на представление. «Кровь видна, происхождение... в нем порода чувствуется...» Ну? Теперь ясно?

— Не совсем, — без уверенности протянул Квестин.

Дженни закатила глаза. Непонятливый! Недогадливый!

— Один из нас — ребенок Аметильды и Гренвея! И это Эрик! Его похитили! Сын северного принца и леди из семьи Истригсов понадобился кому-то из Повелителей Огня. Теперь понимаете?

— Да, да, теперь да, — закивал Квестин. — Логично было бы предположить, что это леди Урсула, но мы видим, что Эрик не у нее. Она сама пытается его разыскать.

— И считает, что мы стоим у нее на пути!

— Нет, нет, не нужно сгущать краски. Она сама не может напасть на след, поэтому идет за нами, чтобы выхватить добычу. Так будет правильнее.

— Вчера добыча попалась не по зубам, — напомнила Дженни. — Эта злобная старуха будет и дальше следить за нами. Интересно, как она пронюхала о том, что мы хотим схватить человека со шрамом? Она же знала все заранее! И где он обедает, и когда мы придем его брать. Как? Откуда ей было это знать?

Квестин пожал плечами и отодвинул раскрытую книгу. Дженни снова уставилась на иллюстрацию. Леди Аметильда была небольшой и худощавой. Такие не привлекают особого внимания... хотя она, конечно, была леди из знатной семьи Повелителей Огня. Северянин рядом с ней выглядел статным и стройным. Белокурые локоны обрамляют лицо с правильными чертами. Что называется, видный мужчина. Похож ли Эрик на кого-то из них? Какая порода в нем чувствуется? У Эрика были темные волосы, и сложением он, пожалуй, больше напоминает Аметильду, чем Гренвея. Хотя не исключено, что через пару лет он вытянется и раздастся в плечах. Да, вполне возможно, что Эрик — их сын!

— Кто-то в префектуре служит тайной страже? — гнул свое Квестин. — Хм, как его отыскать? Может, наш верный Джек нашел нового хозяина? Такого, который более надежно прикроет от старых дружков?

— Джек знает достаточно много, — согласилась Дженни. — Но мы же сами его втянули в нашу историю! Тогда. В «Удаче»! Не могло это быть подстроено, никак не могло!

— Он мог предложить свои услуги леди Урсуле и после того, как оказался у нас. Ведь он первым увидел листок, вырванный из книги. На котором изображен медальон со звездой.

— Не похоже на него, — вздохнула Дженни.

Воришка, будь он таким двуличным предателем, не стал бы признаваться ей, что помнит встречу в «Удаче». Нет, Джек хотел быть с ней по возможности честным и внести ясность в их отношения. Не похоже на предателя.

— А на кого похоже? — ответил вздохом Квестин.

Префекту было очень тяжело принять мысль, о шпионе тайной стражи в рядах его подчиненных. Но ведь откуда-то леди Урсула прознала, где и когда искать подозреваемого!

— Знаешь, что? — после паузы подвел итог Квестин. — Мы больше не будем никого посвящать в наши дела. Никого из служащих префектуры. Я вот подумал... Реми не было весь день, он тоже может попасть под подозрение, хотя у меня до сих не было ни единого повода усомниться в этом молодом человеке. Или сержант Кубер. Он с нами с самого начала, и тоже до сих пор казался мне образцовым стражником. Или Брем Борк, которому я не говорил лишнего, но старина Борк достаточно опытен, чтобы выяснить многие детали самостоятельно. Я уже не говорю о том, что любой из моих людей мог узнать случайно, просто подслушав чужой разговор.

— Так что же, подозревать всех?

— Это входит в мои обязанности, — ответил префект. — И не думай, что мне нравится. Просто решим на будущее: больше никому ни слова.

А Дженни подумала о преподобном Ингваре. О нем не знает и Квестин. Да и зачем ему знать? Еще станет ругать Дженни за то, что разболтала. Вслух она сказала:

— А что же нам теперь делать? Мы потеряли все нити, за которые вы собирались распутать клубок загадок!

— Так уж и все! — попытался утешить ее префект. — Только одну, хотя и самую толстую. Что правда, то правда, я очень надеялся выяснить правду у этого человека со шрамом.

И Дженни вдруг отчетливо поняла: ничего им не найти! На самом деле ниточка все-таки была единственной. Больше ухватиться не за что. Значит, она останется с Квестином и Морко, они будут втроем изнывать от безысходности, вынашивать бесплодные планы мести и медленно стареть? Вернее, Квестину и стареть уже не нужно... Разве это жизнь?

— Я должна срочно что-нибудь сделать! — решительно заявила она. — Иначе лопну от досады.

Квестин понимающе улыбнулся. И Дженни стало еще хуже от его понимания. Он-то уже давно познал и эту досаду, и разочарование, и тоску, вот почему отлично чувствует все, что переживает Дженни.

— Тебе нужно посмотреть на Эверон поближе, — заявил префект. — Ты уже давно в городе, а не видела ничего, кроме префектуры. Это скучно для моей племянницы из деревни. Сходи в порт, полюбуйся кораблями. Надо бы попросить кого-нибудь, чтобы составил тебе компанию.

— Дональд собирался познакомить меня с портными, — задумалась Дженни. В самом деле, подумала она, сколько можно щеголять в платьях с чужого плеча. — Но это я как-нибудь сама устрою. Нет, правда! Мне нужно готовить гардероб, чтобы достойно встретить надвигающуюся старость.

Брови Квестина полезли вверх.

— Старость? Не рано ли ты об этом задумалась?

— Ну, как же, представь себе мое будущее, — принялась Дженни описывать свои опасения, — я останусь с вами, как это случилось с Морко. Буду экономкой, прислугой... да

хоть бы племянницей! Буду терпеливо ждать, не появится ли каких-то новых зацепок, каких-то улик, указывающих на лорда-убийцу. Стану ждать вас со службы, сперва надеясь на новости, потом просто по привычке. Но улик не появится, а я буду ждать, и ждать, и ждать... И стареть, стареть, стареть... Надо будет заранее пошить побольше чепчиков. Судя по старушкам, которых я видела в городе, чепчики никогда не выйдут из моды.

— Ну вот что! — строго сказал префект. — У нас всегда есть возможность предложить газетчикам то, что уже успели узнать. Они ухватятся за эти сведения! Как же, потомок Хозяина Льда и Повелительницы Огня. Будь уверена, они сумеют сдуть пыль с этой истории, она засверкает снова. Этот потомок здесь, в Эвероне! Похищен! Мы взбаламутим весь город, все будут говорить только об Эрике. Очень вероятно, этот шаг заставит убийцу выдать себя.

— Ну так давай! — загорелась Дженни. — Давай! Чего мы ждем?

— Это очень опасный путь. Я приберегаю его на крайний случай. Сколько ты согласна подождать, прежде чем начнешь стареть?

— Ну, недельку-то я вытерплю, — неуверенно пообещала Дженни, — может, даже две.

— Значит, подождем. Но завтра ты отправишься к портнихе, а не в префектуру. А в субботу Дональд Кубер проводит тебя на набережную, смотреть на корабли.

— А вы тем временем... — Дженни выжидающе уставилась на префекта.

— А я перетряхну материалы по исчезновению леди Аметильды. Может, удастся найти что-то существенное. Вряд ли это займет много времени, сведений мало, ведь всем занималась тайная стража... И больше — никому ни слова! Если у нас завелся шпион Урсулы, то отныне все расследование будет вестись без помощников.

***

На следующий день Дженни в самом деле не поехала в префектуру в грохочущей железной карете, а отправилась искать портниху. Дональд был неестественно любезен, но в таком деле, как новое платье, Дженни решила справиться без его помощи. Она даже решила отправиться по Эверону без сопровождающих. При этом Дженни чувствовала себя рыцарем, входящим в пещеру дракона. А Морко не хотел ее отпускать, еле упростила!

На Горшечной улице подходящих мастерских не сыскалось. Но Дженни прошла улицу до конца! И с ней ничего не случилось. Она не попала под лошадь извозчика, не наступила на ратлера, и не оглохла от криков прохожих. Ха! Не так уж страшен ваш большой город, господа столичные жители. К счастью, мастерская дамской портнихи нашлась на соседней улице, и подвиг Дженни был завершён без потерь.

Пожилая тетка в мастерской обмерила ее и долго ахала, что Дженни нужно больше кушать. Пришлось стерпеть и это. Отсчитывая задаток, Дженни поинтересовалась, к какому богу обращается почтенная мастерица, если наперсток закатится под стол.

— Я больше Веспера поминаю, — призналась женщина.

Веспером именовался злобный мелкий божок, ответственный за всевозможные пакости, обман и лжесвидетельство. Он был весьма популярен среди тех, кто любит браниться.

— А Хогорт? — не отступила Дженни.

Она все не могла забыть белошвеек, бегавших в храм преподобного Ингвара. Поэтому было интересно, так ли популярен Хогорт среди портних.

— Хогорт... — задумала тетка. — Да, есть такой. Да ну его, это не наш бог. Не местный.

Вот так. Поневоле пришлось предположить, что бог синеглазого Ингвара популярен среди более молодых мастериц. Обсудили фасон, Дженни выбрала самый простенький. Портниха предлагала более изощренный вариант и намекнула, что пышный, собранный из складочек, лиф сделает внешность заказчицы более «авантажной». Так она выразилась: авантажной. И низ пошире, чтобы от талии сразу расходилось в стороны. Потому что талия у заказчицы есть, а больше практически ничего нет. Но Дженни настояла на своем, и попросила сделать скорее.

— Да хоть завтра забирай, — вздохнула портниха. — Это я быстро закончу. Но только вида ж не будет! Ну, никакого!

Но Дженни настояла на своем и предпочла простое платье, пусть даже оно и не скрывает горькой правды. Зато в таком наряде она будет чувствовать себя привычно и легко двигаться. Хотя вряд ли ей в ближайшем будущем выпадет плясать на канате, но мало ли в какие приключения она еще угодит?

На обратном пути Дженни размышляла, как половчее напроситься в компанию к Морко Гучиху, когда он снова отправится смотреть на грязь. И тут заметила на противоположной стороне улицы сутулую фигуру, укутанную в темный плащ. Что-то в ней было знакомое... Дженни сдержала шаг, незнакомец тоже пошел медленнее. Его походка! Вот что было знакомо! Она развернулась и решительно направилась к этому субъекту.

— Морко! Ты чего за мной идешь? Следишь?

— Я просто прогуливался, — невозмутимо ответил гоблин. — Но ты можешь думать об этом все, что хочешь. Мне все равно.

— Я не нуждаюсь в охране! — возмущенная Дженни топнула башмаком. — Тем более, что ты подарил мне нож.

— Нож — это лучшая часть меня. Хорошо, что он с тобой. Значит, ты не будешь возражать и против худших частей.

— Ну... ладно, — смилостивилась Дженни. — Но за это тебе придется заплатить, учти! Таким образом вопрос о походе в долину Сотни Храмов был решен.

***

Вечером за ужином Квестин рассказал:

— Пришел ответ на один из моих запросов. Помимо того, что Дженни помогла нам выяснить относительно медальона, я вел обычное расследование. Долгие скучные шаги... можно сказать, служебная рутина.

Дженни старательно покивала. Она понимала, что префект рассказывает так подробно именно для нее. Морко и так понимает в работе стражи.

Убедившись, что его слушают с вниманием, префект продолжил:

— Запросы были вот какого характера. Повелитель Огня перебил на Тысяче Столбов половину своих головорезов. Не слишком церемонился — из чего я заключил, что это не его люди. Как бы он ни был безумен, вряд ли стал бы так жестоко обходиться со своими домашними слугами.

— Вряд ли после этого у него осталось бы много прислуги, — вставил Морко. — Разбежались бы. Нет, конечно, это были наемники, продажные ножи.

— Так я и рассудил, — кивнул Квестин, — И еще: вряд ли это были бы местные. В этом случае по Эверону поползли бы слухи. Семь убитых! Ты бы точно об этом услышал, Морко.

Дворецкий согласился.

— Значит, прикинул я, этих людей привези в город. Откуда? Вот и разослал запросы в префектуры близлежащих городков. Не было ли потерь в преступном мире той или иной общины? Пара часов езды от Эверона, не дальше. Повелитель Огня вызвал парней, которые уже не впервые на него работают или которые давно на примете... В общем, вы меня понимаете.

— Итак, ответ пришел, — напомнил дворецкий. — Что-то обнаружилось?

— Город Вексет, там пару недель как не могут найти пропавших. Вексетский префект просто счастлив, эти люди были на плохом счету. Двенадцать человек.

— Воры из Вексета — сброд, — авторитетно заявил Морко. — Там только люди работают, наших нет. Слабая шайка.

— А теперь и такой не осталось, — веско произнес Квестин. — Двенадцать человек. Мы похоронили семерых. Где еще пятеро? В Вексет они не вернулись.

— Я спрошу, — кивнул гоблин. — Но вряд ли вексетские парни вступили в одно из братств Эверона. Кому они здесь нужны?

— Мне сложно представить, что они до сих пор гостят у Повелителя Огня на Вулкане, — продолжил Квестин. — Поэтому я попросил Крысиного Короля об аудиенции. Он скажет, находили ли ратлеры пять трупов.

Дженни поежилась. Квестин так спокойно подсчитывал убитых разбойников. Они, конечно, мерзавцы и злодеи. Они напали на трупку Бурмаля, и виновны... но...

— А кто такой Крысиный Король? — спросила она, чтобы не думать больше о мертвых злодеях.

— Глава ратлеров. Фактически он и есть король в их подземном мирке, — ответил префект. — Иногда я прошу его о помощи. Он понимает, что с префектом стражи лучше поддерживать добрые отношения. До определенного предела его словам можно доверять. Если лично ему это ничем не грозит, и если вранье не сулит выгоды, он скажет правду.

— И что теперь?

— Крысиный Король даст знать, готов ли он меня принять. Это произойдет в течение нескольких дней.

— Так долго!

— Аудиенции у короля можно и подождать.

Дженни так и не поняла, шутит Квестин или в самом деле относится к титулу верховного ратлера с уважением.

— А что это нам даст? Ну, если он расскажет о покойниках?

— Возможно, ничего не даст. Возможно, существенно поможет. Не будем гадать, Дженни. А тебе лучше всего немного отвлекься. Завтра у Кубера выходной, я попросил его проводить тебя в порт. Посмотришь на гавань, развлечешься. Да и Дональду полезно отдохнуть. В последнее время он стал немного... странным. Думаю, это от усталости и переживаний. Я без спросу втянул его в дело, взвалил большую ответственность... Пусть отдохнет.

Квестин подмигнул. Он, конечно, чувствовал себя ужасно проницательным. Ни дать, ни взять, заботливый дядюшка, который устраивает племяннице свидание с молодым человеком, который ей нравится. А Дженни подумала: как он мог догадаться, что ей недавно нравился Дональд? Ведь она ничем себя не выдала, правда?

***

Дональд появился около полудня. Утром, вскоре после того, как префект отбыл на службу в своей железной карете, Дженни наведлась к портнихе и забрала свой заказ. Доброй женщине, вероятно, нужны были деньги, поэтому она, отложив прочие дела, быстро управилась с простеньким платьем. Дженни успела повертеться в обновке перед всеми зеркалами, какие обнаружила в доме префекта... и наконец прибыл кавалер.

Морко, проводив Дженни, не запер тут же дверь, как он делал обычно, а встал в проеме, внимательно глядя на сержанта и не отводил взгляда, пока пара не заняла места в коляске извозчика.

— Твой гоблин как-то странно на меня уставился, — заметил Дональд.

Сегодня он был без формы и смотрелся не так эффектно, но по-прежнему был мужествен и привлекателен. Дженни даже пожалела, что у него не голубые глаза, а то был бы и вовсе хорош!

— Он верный слуга и внимательно следит за хозяйским имуществом, — ответила Куберу Дженни. — Все, что покинуло дом, должно быть в целости возвращено на место!

— Да, но смотрел-то он на меня! Ты знаешь, кем он был до того, как занял место дворецкого в доме Квестина?

— Знаю, знаю, — заверила Дженни, — он заколдованный принц. Если будет себя хорошо вести, я его поцелую, и он примет свой прежний облик. Ну, знаешь, там, белокурые локоны, голубые глаза, конь, доспехи и прочее. Он ждет поцелуя, и мне ничего не грозит. Так что не волнуйся. Пока я не пожаловалась на твое поведение, тебе тоже ничего не грозит. И хватит о гоблине!

— Да, действительно, — спохватился Дональд. — Хватит о гоблине! Квестин говорил, что ты хочешь посмотреть на порт?

— Это он хочет, чтобы я посмотрела на порт. А я пока не знаю, насколько там интересно.

— Увидишь, — заверил сержант и наконец улыбнулся.

Сегодня он держался более скромно, и Дженни это понравилось.

Извозчик катил по улице вокруг Вулкана, и серая громада горы постоянно нависала справа, мрачная и угрожающая. Дженни то и дело ловила себя на безотчетном желании поглядеть в ту сторону, но Кубер не обращал на гору никакого внимания. Наверное, здешние жители привыкли к этой непременно детали пейзажа, ведь Вулкан виден отовсюду, из любой точки города.

Ну а Дженни было интересно. Если постараться не замечать ощущения опасности, исходящего от Вулкана, то любопытно проследить, как история народа Повелителей Огня написана на склоне горы. Та сторона, что обращена в сторону суши, была обрывистой и крутой, а вот со стороны моря Вулкан оказался более пологим, и Дженни без труда различила линии поперек склона, в которые складывались постройки на горе. Город ширился, обрастая концентрическими слоями, как дерево — годовыми кольцами. Самые древние строения были у вершины, над которой висел клубок желтоватых испарений.

Всякий раз, когда Повелители Огня отхватывали у окружающего мира новый кусок территории, использовался камень несколько другого оттенка, и дома отличались цветом от построенных ранее. У подножия горы, там, где она полого спускалась к морю, склон был

нарезан террасами и переходил в городские кварталы так плавно, что границы между Вулканом и городом не было заметно. Среди красных черепичных крыш, зеленых крон деревьев и белых колоннад пестрели яркие одежды горожан.

Заметив, куда она смотрит, Дональд пояснил:

— Это место между Вулканом и нижним Эвероном — обычное место отдыха горожан. В сады, открытые для общего посещения, ходят погулять и развлечься. Ближе к Повелителям Огня, и панорама оттуда открывается чудесная. В эти сады мы как раз и направляемся. В порту воняет рыбой, а пристань с кораблями и с террас хорошо просматривается. Ты увидишь все, что захочешь!

И тут коляска свернула, и Дженни увидела море! Конечно, фургон Папаши Бурмаля посещал поселки на побережье, Дженни не раз глядела на бескрайний синий простор и мочила ноги в соленом прибое, но одно дело рыбацкий поселок, где повсюду только бочки с соленой треской и корзины с кальмарами, а совсем другое — великий Эверон, куда спешат торговые корабли со всего мира!

Коляска уже некоторое время поднималась, выписывая петли на кривых улицах восточной стороны города, и теперь перед Дженни с высоты открылась широкая панорама. У берега черепичные крыши уступали место дощатым навесам и длинным складам, там сушили сотни людей. Еще дальше была пристань: молы, уходящие далеко в зеленоватые воды залива, у них пришвартовались длинные галеры, на сходнях снуют грузчики, десятки телег принимают товары... а дальше, дальше! Покрытое солнечными бликами пенными барашками, расчерченное волнами пространство акватории, по нему ползут, расправив крылья парусов, корабли. Большие и малые, всевозможных расцветок, с золочеными статуями, поддерживающими бушприт, или ошестинившиеся рядами весел, или увлекаемые буксирными баркасами... Дженни только ахнула, окидывая взглядом эту невероятную картину.

В лицо дохнул ветерок, наполненный соленой свежестью, и сердце забило совсем по-другому. Дональд что-то бормотал, стучали подковы, скрипели колеса, но Дженни не слышала ничего. И не видела ничего вокруг, любясь картиной морского простора. Так и пялилась, привстав с сидения извозчика, пока поворот не скрыл это волшебство от глаз.

Коляска свернула еще несколько раз, грохоча колесами по неровной брусчатке, и наконец остановилась у беломраморного портика, утопающего в зарослях раскидистых зеленых деревьев. Дженни с удовольствием выбралась на дорожку, посыпанную розовым песком. Пока Дональд рассчитывался с извозчиком, она осматривалась. За портиком был виден парк — аккуратные ряды подстриженных кустов, прогуливающиеся пары, статуи у дорожек... и ни одного ратлера!

— Ну, вот мы и на месте, — заявил Кубер, подходя к Дженни, — здесь традиционное место отдыха. Идем!

Он предложил спутнице руку и провел в портик, за которым оказался веер расходящихся дорожек, посыпанных розовым песком. Когда белый мрамор колонн остался позади, Дональд огляделся — как показалось Дженни, с тревогой.

— Тебе неловко показаться на людях со мной? — спросила она. — Боишься попасться на глаза кому-то из знакомых?

Дональд покраснел. Раньше Дженни нравилось смотреть, как он заливается краской, но сейчас почему-то это не доставило ни малейшего удовольствия.

— Нет-нет, — торопливо сказал сержант. — Это... привычка. Осмотреться на месте,

нет ли какой опасности.

— Ну, да! Кругом опасности. Ты же сейчас выполняешь особо важное задание префекта! Кстати, как тебе мое платье?

Кубер задумался, комплимент новому наряду Дженни дался ему не без труда.

— Очень мило, — изрек он. — Но обычно в садах носят что-то более... эlegantное.

Потом быстро добавил:

— Более тонко продуманный фасон подчеркнул бы твою изящную фигуру! Но и это очень мило. Очень!

— Ладно, — смилостивилась Дженни. — Я и сама знаю, что мой наряд не образец эlegantности. Я буду постепенно привыкать к городской моде. После костюма танцовщицы на канате и это платье дается мне с трудом. Проводи меня туда, где можно видеть море, а?

Они неторопливо зашагали по дорожке, хрустящей под подошвами невероятно ровным слоем песка. Идеально подстриженные кусты чередовались с белыми мраморными статуями, изображающими знаменитых исторических деятелей. Почти все были в доспехах, это означало, что здесь представлены Повелители Огня прошлых лет, раздвинувшие границы государства или знаменитые политики, совершившие реформы. Это тоже не обходилось без кровопролития, поэтому военное снаряжение было вполне уместно.

Кубер то и дело просил идти помедленнее, потому что в садах не принято торопиться. По аллеям прогуливались пары праздных горожан и горожанок. Иногда останавливались, встретив знакомых, заговаривали. Пожилые благообразные господа обсуждали новости, размахивая свернутыми газетами. Здесь не читали «Зоркий глашатай», бумага в руках стариков сверкала белизной.

А потом Дженни расслышала крик газетчика. Это был другой мальчишка, не тот, что по утрам навещал Горшечную улицу. Но визжал он точно так же, со знакомыми интонациями:

— «Вечерний Эверон»! Читайте речь лорда Сертиаса Истригса! Нас втянули в опасную авантюру, но Эверон выйдет из нее победителем! Бывшая партия мира берет военные действия в свои руки! Лорд Сертиас отправляет старшего сына с подкреплениями в Гранделин! Обзорная статья главного редактора с анализом причин военных неудач!.. Но нация сплотится перед лицом войны, так сказал лорд Сертиас!

Тут в круговерти пестрых нарядов и чужих лиц промелькнуло нечто знакомое. Среди прогуливающихся парочек показались Реми с его начитанной и невероятно культурной Эльсбетинорой.

— Смотри, там Реми, — Дженни потянула спутника за руку, — эй, Реми! Бетти!

Но Дональд, похоже, не был рад повстречать знакомых.

— Ты что здесь делаешь? В служебное время? — ни с того, ни с сего напустился он на толстяка.

Реми вздрогнул — вполне профессионально, как полагается служащему при начальственном окрике. Однако он пришел с дамой, и пасовать для него было невозможно! Поэтому он взял себя в руки и нудным голосом перечислил несколько параграфов Устава Стражи, из которых явствовало, что он не обязан отчитываться перед сержантом, который не в форме и не на службе. И вообще, он сегодня свободен согласно распоряжению его милости префекта Квестина.

Дженни стало неловко и захотелось сгладить напряженность сцены.

— Дональд неудачно пошутил, — заявила она. — Я вижу, сегодня дядя разогнал полпрефектуры. Я хочу посмотреть порт и корабли. Не хотите с нами?

Реми с Эльсбетинорой переглянулись.

— Мы направляемся к балюстраде, — добавил Кубер мягче. — Если желаете, присоединяйтесь.

— Подойдем чуть позже, — ответил Реми.

Когда они остались позади и Бетти сочла, что их не услышат, она шепнула кавалеру:

— Неприятная же у тебя служба. Но ты такой мужественный! Как ты зачитал эти параграфы, просто класс!

— Кто-то должен выполнять и неприятную службу на благо Эверона, — важно пробубнил в ответ Реми.

Он был скромным героем. А у Дженни был хороший слух.

Немного погодя. Дональд заговорил:

— Ты должна быть осторожней, Дженни. ты просто не осознаешь, насколько опасно сейчас твое положение. Префект Квестин был бы хорошей защитой, если твой враг — обычный бандит, каких, увы, немало в Эвероне. Но тебе грозит нечто более страшное. И Квестин вряд ли поможет, если лорд... ты понимаешь, о ком я говорю? Так вот, если о тебе узнает этот лорд, Квестин ничего не сможет ему противопоставить. Просто чудо, что ты пережила ту ночь, но чудеса не повторяются.

— И... что это значит? К чему ты клонишь?

Они шагали по дорожке, с обеих сторон шелестела листва ровно подстриженных кустов, а когда навстречу появлялись прохожие — как правило, тоже пары молодых людей — Кубер замолкал и ждал, пока встречные отойдут подальше. Вот и сейчас он умолк, прежде чем ответить:

— Ты слишком легко сходишься с людьми. Этот Джек Джек, например. Или Реми. Тебе никого нельзя подпускать слишком близко. Если тебя что-то беспокоит, если ты что-то обнаружила, лучше скажи мне.

— Но тебя может не оказаться рядом! Иногда мне казалось, что ты меня избегаешь, — пожаловалась Дженни.

— Это я нарочно. Никто не должен считать, что мы в чем-то вместе, что у нас есть общие тайны. Это не потому что я боюсь оказаться рядом в миг опасности. Если случится что-то серьезное, ты можешь на меня положиться! Но для этого я должен быть незаметен для твоих врагов, понимаешь? И должен знать все, что происходит — чтобы оказаться готовым к новой опасности.

— Понимаю, вроде бы, — растерялась Дженни. — Но это так сложно. И Джек Джек оказался славным малым, а уж Реми — вообще душа и мягкий тюфяк. Какая опасность может от него исходить?

Но Кубер был неумолим:

— Любая. Он слишком глуп, может что-то сболтнуть, а рядом всегда чужие уши. Доверься мне, и я буду рядом, если случится беда. А остальных не нужно посвящать в свои дела.

Тут впереди показалась беломраморная балюстрада из точеных языков пламени, а за ним — небо с реющими чайками. Это был край террасы, и с него открывался вид на море и порт. И свежий ветер дохнул в лицо Дженни!

Она сорвалась с места и, подобрав юбку, побежала к концу аллеи. Кубер настиг ее у балюстрады, где Дженни, вцепившись в ограду, перегнулась через край и уставилась на необъятную панораму, словно хотела впитать в себя громадную массу впечатлений.

Отсюда открывался куда лучший обзор, чем из коляски, катящей по улице, и Дженни замерла, наслаждаясь видом. Небо перед ней было голубым, а не желтоватым, каким оно видится, если глядеть из города.

Море сверкало в солнечных лучах, пенные гребни волн разбивались о молы, о борта пришвартованных судов. Сновали грузчики, реяли флаги на мачтах, сверкала позолота на баках боевых и торговых кораблей. Это было неопишимо, это было великолепно, это было сказочно!

***

Дональд что-то говорил вполголоса, косясь на других гуляющих, которые собрались поглядеть на море... но Дженни не слушала. Из восторженного созерцания ее вывел крик, прозвучавший неподалеку:

— Смотрите! Боевые корабли! Это наши герои!

Кричала девушка в темно-зеленом платье, она тыкала пальцем в морской простор, и люди, стоящие у балюстрады, оборачивались, чтобы посмотреть. Дженни насчитала пять кораблей, идущих к порту правильным строем. Над ними уже можно было различить алые стяги с белыми и синими краями, цвета эверонского флота.

У края площадки стали собираться любопытные, привлеченные криком девушки в зеленом.

И вскоре несколько десятков человек толпилось у мраморных перил, наблюдая за приближением боевых судов. Длилось это довольно долго, но никому не надоело смотреть, никто не ушел. Дженни, конечно, тоже наблюдала. А еще она заметила, как у края горизонта, там, откуда возникли корабли, наливаются темная полоса. Вдоль всей линии, где море сливалось с небом, небо теряло праздничную голубизну. Но, кажется, никто, кроме Дженни, не видел этой мрачной приметы.

Пока суда подходили к молу и швартовались, зрители оживленно переговаривались, наблюдая за маневрами моряков:

— Наши храбрые солдаты!

— Защитники отечества!

Ветер за это время стал крепче, но палубные команды уже убирали паруса. Они бросили тросы подоспевшим буксирным баркасам, и те повлекли корабли к причалу.

Наконец с флагмана скинули сходни, вниз сбегало несколько матросов... и показались пассажиры. Кого несли на носилках, кто ковылял на костылях, осторожно переставляя их на наклонных досках трапа, кто бережно баюкал на ходу перебинтованную руку. Пришвартовался второй корабль, картина повторилась — суда доставили с Гранделина тех, кто больше не может сражаться. Зрители смолкли.

Дженни вскинула голову, подставляя лицо окрепшему ветру, и увидела, что темная полоса уже заслоняет четверть неба.

— Дональд, что это? Посмотри, что с небом? Что это такое?

Ответил ей Реми. Они с Эльсбетиной тоже подошли поглядеть на военный флот.

— Это Погонщики Ветра, их работа. Так они ведут войну. Теперь в Эвероне часто будет идти дождь. Бетти, нам лучше уйти.

Парочка книголюбов удалилась, и толпа у балюстрады стала таять.

— Нам тоже лучше уйти? — спросила Дженни Кубера.

Тот пожал плечами:

— Еще половина дня впереди. Но если тебе надоело...

— Нет-нет! Я очень рада, что мы здесь.

Однако ветер делался все холоднее и порывы его все резче, а небо темнело с пугающей быстротой. Увы, день был безнадежно испорчен...

Дженни с Кубером пошли по дорожке, чем дальше — тем быстрее. Небо темнело, казалось, с каждым шагом, и ветер налетал холодными резкими порывами, надувая непривычно длинную юбку Дженни. Под конец над головой нависло свинцово-серое месиво, в котором возникали и тут же распадались причудливые фантастические облачные фигуры. Кроны деревьев раскачивались, ветер трепал и мял их, и даже мраморные статуи правителей Эверона уже не выглядели величественными, улыбки на каменных лицах казались истеричными и нервными.

Только Вулкан грозно и твердо противостоял тучам. Они клубились у вершины, обтекали ее, поглощали желтый пар, струящийся из горы, но ничего не могли поделать с каменной громадой. А красные окна вилл казались во мгле глазами чудовищ, которые с ленивым любопытством глядят на потуги Погонщиков Ветра испортить сегодняшний день.

Дождь хлынул, когда беглецы достигли мраморной колоннады на краю парка. В портике собралась толпа, дамы повизгивали, мужчины хмуро задирали головы, разглядывая небо, затянутое тучами. Крыша портика плохо укрывала от дождя, ветер швырял пригоршни холодных капель в толпу. Когда подкатывала коляска извозчика, к ней бросалось сразу несколько человек, спорили, переругивались, договаривались ехать вместе... Наконец и Дональд отвоевал два места под пологом кибитки, и они поехали. Кучер сторбился, нахохлился, подняв воротник, его-то полог не прикрывал, дождь хлестал согнутую спину, кучер ругался и подгонял лошадь. Лошадь была старая, усталая, она с флегматичной покорностью плелась под струями дождя и ударами хозяйского кнута. И дождь, и кнут были ей одинаково безразличны.

Книги на сайте — Книголюб. нет

Повозка долго тащилась по улице, шорох и плеск дождя заполнили все пространство между небом и кровлями домов. По мостовым, обгоняя медлительную клячу, неслись потоки мутной воды. А над всем этим возносился к небу, сверкая десятками красных глаз, гигант Вулкан. Промокшая Дженни прижималась к плечу промокшего Дональда. Он накинул ей на плечи свой камзол еще когда стояли в портике, но тонкая ткань модной одежды мгновенно пропиталась влагой и никак не спасала от холода и сырости.

Вулкан остался позади, извозчик катил по опустевшим улицам... так в молчании они добрались к Горшечной. Не было ни прохожих, ни ратлеров, ни газетчиков, кое-где размокшие страницы «Зоркого глашатая» желтели на камнях мостовой, медленно раскисая, пропитываясь грязью, превращаясь в грязь.

У дома восемьдесят четыре извозчик натянул поводья, и понурая лошадь, еще раз переступив копытами, встала. Она качнула тяжелой головой, и дождевая вода плеснула в обвисшей гривы в лужу у ног клячи. Дождь уже не рушился с прежней силой, он тихо и мерно изливался на Эверон, но в небе не было видно ни малейшего просвета — все та же плоская серость, подпертая, словно потолок чудовищной колонной, громадой горы.

Дженни выбралась из кареты и побрела по мокрым камням к двери. Дональд расплатился с возницей и догнал ее на крыльце. Дженни вернула ему камзол, их пальцы встретились, и Кубер сделал попытку задержать ее руку в своей. Его пожатие было мокрым и

скользким. Дженни заглянула в глаза Дональду. Не было там ни злобного жара, как у леди Урсулы, ни холодного веселья, как у преподобного Ингвара. Там не было наивного любопытства, как в глазах Реми, не было горечи понимания, как в глазах Эдуарда Квестина. Там не было ничего. Вообще ничего.

— Я пойду, — тихо сказала Дженни. — Спасибо за этот день. Не твоя вина, что он испорчен.

— Если тебе понадобится помощь или совет... ты только...

Дональд не закончил фразу. Дженни постучала, за дверью раздался грохот деревянной ноги гоблина. Вот и все.

— Увидимся завтра, если Квестин меня возьмет на службу, — бросила Дженни, проскальзывая в приоткрывшуюся дверь.

За ужином Квестин, заметив, что Дженни шмыгает носом, велел ей выпить капельку бренди, чтобы не простудиться. Спиртное огнем скатилось из горла в желудок, оставляя в груди горячую дорожку, стало тепло и печально. Дженни безнадежно вздохнула и спросила:

— Ну, почему это должно было произойти именно сегодня? Этот дождь, который наслали Погонщики Ветра?

— Вероятно, они хотели, чтобы непогода застигла флотский конвой во время перехода, — ответил Квестин. — Наверное, долго готовят эту полосу дождя, а, обнаружив корабли, пустили ветры в ход.

Но Дженни не слушала.

— Ну, почему именно сегодня? Как раз, когда я собралась в парк на склоне Вулкана? С кавалером!

У нее было горько на душе, и бренди помог горечи вырваться на волю. Но причиной была не испорченная прогулка с Дональдом. Нет, причина была в том, что она заглянула в его глаза и обнаружила там пустоту. Но префект истолковал ее слова по-своему.

— Не печалься, Дженни ниоткуда, — заявил он с неестественным энтузиазмом. — Будут еще прогулки в парке, все будет! Тебе еще надоест! А от кавалеров бы начнешь прятаться! Вот только найдем этого Повелителя Огня...

— Если будет дождь, в долину Сотни Храмов идти бесполезно, — напомнил Морко, — встреч не будет, некому задать вопросы.

Дженни снова шмыгнула носом, и ее отправили в постель. А префект с гоблином и остатками бренди остались строить планы. Дженни хотела верить в удачу, но не очень-то рассчитывала на традиционные методы расследования, которые сулил Квестин. Он уже столько лет ищет убийцу жены! И что? Все без толку!

На следующий день ее оставили дома. Было скучно, дождь то и дело принимался барабанить в окно, коричневые ржавые капли стекали по решетке, на улице в лужах вспухали пузыри, и Дженни казалось, что вся жизнь так и пройдет — в ожидании. Даже газетчик не появился. Она прошлась по дому, помогла Морко навести порядок, даже чердак обследовала, чихая от вездесущей пыли. Потом еще пришлось объясняться с гоблином, который ее чихание счел признаком ужасных болезней и вздумал изображать лекаря.

Мало того, Квестин не приехал обедать, что сделало день еще более долгим и занудным. Но зато вечером! Префект явился к ужину и по его сияющим глазам Дженни сразу поняла: что-то произошло. Что-то хорошее!

— Ну?! — тут же накинулась она на префекта. — Ну? Что случилось? Я же вижу: есть хорошие новости!

— Есть, Дженни, — не стал отпираться Квестин, он и сам был рад поделиться, — Крысиный Король согласен на встречу. О времени аудиенции меня известят дополнительно.

Радость Дженни несколько угасла, она надеялась на большее. Но Морко был доволен.

— И, конечно, это состоится ночью, — проворчал он. — Король обожает эффекты, ночью проще обставить встречу так, как ему нравится. Вот что, я отправлюсь с вами.

— Ратлеру это может не понравиться, — поморщился Квестин.

Дженни была удивлена:

— Это касается лично Морко? Или ратлеры не любят гоблинов?

Морко раздвинул губы в недоброй ухмылке:

— И то, и другое! Одной грязи известно, сколько его племени пришлось претерпеть от моего народа за то время, пока их не взяли под свою руку лорды Вулкана.

— Да и ты, друг мой, им хорошо известен, — добавил префект. — Но я согласен, пойдем вместе. Твое присутствие лишь подчеркнет специальные эффекты Короля, придаст им дополнительный блеск. А мне ты поможешь задать правильные вопросы, поскольку лучше знаешь, о чем пойдет речь.

— Ну, раз все идут, то и я с вами, — заявила Дженни. — Иначе помру от любопытства. Пока вы будете наслаждаться этими самыми... специальными эффектами. Уж в театральных представлениях я смыслю не меньше любого другого!

Глава 12. Крысиный Король

Но все-таки на следующий день Дженни осталась дома. Погода несколько улучшилась, дождь шел реже, и на улицы вышли ратлеры. Мокрые и взъерошенные, они снова копошились на мостовых, и теперь Дженни глядела на них иначе, ведь кое-то из серых тружеников может знать кусочек страшной тайны! Потом ее внимание привлек шум над головой, и звуки были явно не от дождевых капель — кто-то расхаживал по крыше.

Она разыскала Морко и поинтересовалась, что он думает по поводу этой новости. К ее разочарованию, гоблин остался равнодушен:

— Это трубочист. Лодырь и известный болван, я не помню случая, чтобы он хоть раз прочистил трубу как следует.

Дженни совсем извелась от скуки, поэтому переделалась в свой старый сценический наряд и полезла на чердак. Все-таки какое-никакое развлечение, тем более, что дождь прекратился. Чердачные окошки были совсем крошечные, да и перегороженные неизменными решетками, но Дженни уже примеривалась и была уверена, что сможет протиснуться между прутьями. Не без труда, конечно, но этот трюк ей удался. В конце концов, оконца на втором этаже в фургоне Бурмаля были совсем ненамного шире, а они с Эриком пользовались или для того, чтобы выбраться на крышу. В фургоне не было таких решеток, однако артист должен совершенствовать свои трюки, верно? На этот раз пусть будут решетки.

Крыша оказалась мокрой и скользкой, но Дженни это не смущало, зато как приятно было вспомнить прошлое! Эх, только бы отыскать, куда уволокли Эрика, освободить его, и тогда они вместе будут еще не такое выделывать! Почему-то именно сейчас, когда она, как в старые добрые времена, оказалась на крыше, Дженни твердо поверила, что Эрик жив, и они еще встретятся.

Трубочист был здесь — он приставил лестницу к стене и вскарабкался наверх. Просто оказался на другой стороне крыши, и труба заслоняла Дженни от него. А этот мужчина в черном и не смотрел по сторонам. Он старательно обвязался веревкой, захлестнув ею трубу, и перебирал инструменты, готовясь приступить к работе. Все его приспособления были снабжены петлями, в которые он продевал руку при работе. Если эти щетки и мохнатые шары на цепочках держатся на запястье, то не упадут с крыши, если трубочист почему-то уронит рукоять. Например, если увидит рядом с собой на крыше девушку.

Дженни тут же захотелось проверить, уронит трубочист щетку или нет, и она решительно зашагала в обход трубы.

— Привет!

Трубочист дернулся при звуках голоса Дженни и, конечно, щетка, выскользнув из пальцев, заскользила по черепице. Но веревка ее удержала.

— Ты откуда здесь взялась? — шепотом спросил пораженный трубочист. Почему-то он не решался повысить голос. А может, от волнения осип.

— Как откуда? Ведь был дождь! — пожалала плечами Дженни. — Разве ты не заметил, как из туч сыплются юные девы?

Трубочист молча хлопал глазами.

— Не заметил, значит, — удовлетворенно констатировала Дженни. — Наш коварный

план удался на славу!

— Какой еще план? — просипел перехваченным голосом мужчина.

— Ну как какой? Погонщики Ветра гонят тучу к Эверону, в туче летят ужасные и смертоносные девушки. Мы спускаемся с дождем на крыши, первым делом убиваем трубочистов... Эй-эй! Ты чего?

Колени трубочиста подогнулись, глаза закатились, и он едва не свалился следом за своей щеткой. Конечно, он успел привязать себя к трубе, да и Дженни помогла удержаться, схватив за воротник.

— Для человека, лишённого чувства юмора, ты слишком впечатлительный, — сказала она, когда бедняга снова утвердился на ногах. — Я пошутила. Живу здесь, в этом доме, стало скучно. Пошла прогуляться по крыше. Понял? Обычное дело! Прогуляться по крыше! Э, ты меня слышишь?

Мужчина неуверенно кивнул. Похоже, Морко оказался прав, и перед Дженни в самом деле был болван.

— Успокойся, говорю! Тебе ничего не грозит... конечно, если труба будет вычищена на совесть.

Вернувшись в дом прежним путем, через чердачное окошко, она первым делом побежала отмывать ладонь, черную после воротника трубочиста. На кухне ругался Морко — в этот раз трубу прочищали так рьяно, что копоть сыпалась дождем. Ливнем!

Квестин снова не явился к обеду, тем с большим нетерпением Дженни ждала его возвращения вечером. Но и этот день не принес новостей. Конечно, префект пытался изображать энтузиазм и даже заговорщически подмигнул Дженни: «Дональд спрашивал о твоём здоровье! Переживает, что ты заболела и-за него!» — но никого это не обмануло, и Дженни ответила:

— Завтра я его сама утешу. Больше не буду здесь скучать, поеду с вами. Морко не позволяет мне делать домашнюю работу, и заняться нечем.

Квестин держался еще несколько минут, но все же в конце концов сдался и пообещал, что завтра они отправятся в префектуру вместе. Но служба призвала его задолго до рассвета.

Дженни разбудил настойчивый стук во входную дверь. За окном было темно, но в ночном небе бродили багровые сполохи. Префект, поспешно одеваясь, уже спешил к двери, за ним, стуча протезом и на ходу взводя арбалет, шел Морко.

— Ваша милость, отворите! Срочное дело!

За дверью был солдат стражи, Квестин узнал его и отпер замки. В городе начались какие-то беспорядки, несколько домов горело, и стражников призывали в префектуру. Дженни, конечно, снова осталась дома. Они с Морко смотрели в окно, как отъезжает карета, слушали, как перекликаются разбуженные суматохой соседи, как мечутся подсвеченные красным тени над городскими крышами. Как назло, именно в эту ночь дождя не было, и огонь пришлось гасить без помощи сил природы.

Утром Квестин не вернулся, а появился только к обеду и заявил, что сегодня хочет выспаться, а в префектуре управятся и без него. Пожары удалось погасить без особого ущерба, и жители успокоились. На вопрос о причинах беспорядков, он невесело усмехнулся.

— Новое помешательство наших добрых земляков. Откуда-то возник слух, что с дождем в Эверон проникли убийцы. Свалились, видите ли, с неба и затаились на крышах, чтобы ночью сойти на мостовые и пустить в ход ножи. Сотни людей полезли на крыши ловить диверсантов! Сотни! Как минимум десятков покалечились, свалившись со скользких крыш,

шесть домов загорелось от неосторожного обращения с факелами... ну и, конечно, парочка покалеченных ратлеров, которых в темноте и панике приняли за спустившихся с крыши злодеев. Истинное чудо, что нет убитых! Хвала всем богам, сколько их есть в долине Сотни Храмов!

Квестин устало вздохнул и заключил:

— Вот скажите мне на милость, откуда берутся такие нелепости?

— Нужно проверить, что накануне писал «Зоркий глашатай», — оскалился Морко. — Наверняка там найдется очередная дикая выдумка, из-за которой людям взбрело в голову искать убийц на крышах. Все зло из газет.

А Дженни ничего не сказала, хотя именно в этот раз у нее нашлись бы аргументы в защиту прессы. Она отлично знала, что вовсе не всегда вздорные слухи берутся из желтых страниц. Иногда их придумывают веселые люди. Тем не менее, решила промолчать, а при случае выяснить в префектуре, полагается ли раскаявшимся злодеям какие-то поблажки. Надо будет спросит Реми, он как-никак изучает законы и должен знать...

Но про себя она подумала, что скрывает вину не потому что боится возмездия, а просто бережет эту историю на случай, если Квестин не возьмет с собой на службу. Вот тогда Дженни и пригодится доказательство того, что оставлять ее дома гораздо опасней. Когда Дженни скучает — Эверон под угрозой!

За ужином Квестин пересказал последние новости. Увы, они не касались лорда, убившего семью Дженни. Ту историю успели забыть, поскольку после трагической ночи произошло слишком много страшных и волнующих событий. Корабли привезли с Гранделина подробности несчастливой битвы против Погонщиков Ветра.

Армия Эверона победоносно промаршировала до предгорий по пустынной степи, не встречая сопротивления. Они шли к горам, где находились серебряные рудники, из-за которых и разгорелась война. Предполагалось, что армия возьмет спорные рудники под охрану. Погонщики Ветра тем временем собирали подвластные им племена именно в предгорьях, где было достаточно воды для многочисленного войска. Там они и навалились на эверонцев всей силой. Поражение было полным и сокрушительным, Погонщики гнали побежденных до самого моря, где усталые и поредевшие отряды эверонцев заперлись в прибрежных крепостях...

Об этом рассказали раненные воины, те, кто мог ходить. Те, кто мог добрести от госпиталя до кабака и заработать на кружку хмельного, рассказывая о своих подвигах. Они, разумеется, толковали о всяких чудесах, так что жители Эверона, наслушавшись их рассказов, поверили и в убийц на крышах.

Совершенно естественным образом тема битвы на Гранделине увела разговор от сгоревших крыш, а потом Квестин отправился отдыхать после ночных беспокойств, и Дженни вздохнула с облегчением: по крайней мере сегодня ей не придется каяться в истории с трубочистом. Она вернулась к себе в комнату и села на кровать. В окно барабанил дождь, с кухни доносился плеск воды и тихо брнчала посуда... Потом и эти звуки стихли, Морко покончил с домашними заботами и скрылся в своей каморке. Дженни как-то задумалась: чем он занимается в свободное от работы время? По всей видимости, точит ножи. Других склонностей за гоблином она не замечала.

Дженни прислушалась: в доме ни звука. Что, если прокрасться к двери комнаты дворецкого и послушать? Не донесется ли из каморки звук точильного камня? Интересно же, в самом деле! И заняться решительно нечем.

Дженни медленно и осторожно, чтобы не скрипели половицы, прокралась по коридору. И, как бы аккуратно она ни переставляла ноги, то и дело слышала какой-то скрип и скрежет. Вроде, не из-за нее, но шум явно шел откуда-то снизу, из-под пола. Что за глупости? Дженни уже успела обругать собственную неловкость, и почти решилась вернуться, но тут под ногами громко стукнуло. Звук был такой, будто внизу, под домом свалилось что-то тяжелое, и уж тут Дженни была ни при чем!

Дверь комнаты Морко резко распахнулась, не издав ни малейшего звука — петли были хорошо смазаны. Гоблин стоял на пороге со взведенным арбалетом в руках, и острие наложенного болта глядело точно в живот Дженни. Снова, уже второй раз!

— Я надеялась, что, если мы перешли на «ты», то этот арбалет на меня больше не направят, — пролепетала она, пятясь.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросил гоблин, опуская оружие.

— Я... э-э-э... внизу шум какой-то. Я подумала, то есть стало интересно, то есть непонятно, вот и...

— Ага, — Морко, склони набок уродливую голову, прислушался. Грохот падения тяжести больше не повторялся, но из-под пола шел мерный шорох и скрежет. — Не показалось! Это они.

— Кто?

— Ратлеры. Значит, аудиенция сегодня. Разбуди его милость, а я соберусь.

Дженни отправилась на второй этаж известить Квестина, а Морко убрался к себе, и в комнате тут же залязгало железо. Квестин проснулся не сразу, пришлось долго стучать, но, едва очнувшись, он сразу стал бодрым и деятельным. Сказал, что спустится через несколько минут, и в самом деле вскоре появился внизу. Дженни тоже не потребовалось много времени, чтобы переодеться в мужской наряд, который она заранее приготовила для подобных случаев. Все темных оттенков: рубашка из грубого сукна, куртка и брюки с толстыми кожаными накладками на плечах, локтях и коленях. Ну и мягкие сапожки. Ведь им придется спускаться под землю, там грязно и сыро.

Вещи были великоваты, подогнаны на скорую руку, и Дженни очень надеялась, что в этом наряде вид у нее воинственный, а не смешной. Правда, особых оснований для надежды не имелось, но ведь это мелочи для того, кто идет путем Хогорта! Главное, ей было удобно, и одежда темная, что важно, если путем Хогорта идти ночью и тайком.

Арбалет Морко прихватил с собой, а тяжелая куртка на его боках топорщилась, приподнятая рукоятями ножей, закрепленных у пояса. Одежда Квестина слегка звякала на ходу, и Дженни поняла, что под курткой у него кольчуга. Ох, не так, казалось ей, следует собираться на королевскую аудиенцию. За кухней была небольшая кладовка, Денни, конечно, туда заглядывала и не нашла ничего интересного. Звуки в подzemелье шли с другой стороны, но гоблин и Квестин протиснулись в кладовку, дворецкий первым.

Префект склонился, чиркая кресалом. В его руках затеплился свет, он разжег фонарь. Заглянув через плечо Квестина, Дженни увидела, как Морко стягивает и комкает коврик, чтобы обнажить пол, вымощенный каменными плитами, с виду очень толстыми и тяжелыми. Еще там был люк, запертый здоровенным замком, и Морко, крикнув от натуги, распахнул крышку.

Квестин осветил, и Дженни увидела уходящие вниз ступени.

— Что это?

— Подвал моего дома, — бросил через плечо префект.

— Я не знала, что здесь есть подвал.

— Ну и правильно, — буркнул гоблин. — Все равно подвал не используется.

— Почему?

— Сейчас увидишь.

Дженни следом за мужчинами спустилась по лестнице, и Квестин поднял фонарь, чтобы она могла осмотреться. Это и подвалом назвать можно было разве что очень условно — просто фундамент, не совсем засыпанный. Стены сложены из каменных блоков, а пол — утоптанная земля. Сейчас, когда Погонщики начали свою войну и напустили на Эверон дождевые тучи, в подземелье просачивалась вода, и пол кое-где раскис. Когда троица направилась в глубину подвала, под сапожками Дженни то и дело чавкала грязь.

— Ну и что? — пробормотала она. — Ведь можно было настлать пол, устроиться получше?

Ответа не последовало. В соседней комнате, вернее, в подземной полости, отделенной от спуска толстой стеной, Дженни поняла, почему Квестин не желает пользоваться погребом. Когда туда проник свет лампы, подземелье ожило и зашевелилось. Десятки ратлеров, бросились к стенам, пища и закрывая передними лапами глаза. Они тут здорово поработали — прорыли тоннель под стеной. Под каменной кладкой чернела порядочная дыра, уводящая вниз.

Когда суматоха среди землекопов улеглась, крупный ратлер приблизился к хозяину дома и отвесил церемонный поклон. Дженни с удивлением поняла, что он принадлежит к другой, незнакомой ей, породе. Таких она на улицах не встречала! Это существо было крупнее, чем труженики в оранжевых жилетах, держалось прямее и мордой куда больше напоминало человека. Правда, довольно уродливого и обросшего серой шерстью. На носу и вокруг глаз волос почти не было, зато в нижней части лица они росли гуще и были длиннее, что напоминало бороду.

— Его величество ожидает вашего прибытия в Монетном зале, — проскрипел человекоподобный ратлер. — Извольте следовать за мной.

Квестин обернулся к Дженни и сказал:

— Все-таки тебе лучше остаться. Под землей мало приятного, и такие путешествия не для девушек.

— Остаться?! Одной?! — чуть ли не взвизгнула Дженни. — В доме с разрытым погребом? С подвалом, полным ратлеров? Ни за что!

Потом, немного успокоившись, добавила почти нормальным голосом:

— И потом меня опасно оставлять одну. Кончится тем, что Эверон сгорит. Это из-за меня ночью была суматоха. Но я просто не думала, что так получится... Я потом все расскажу, честно! В общем, пожалейте город, возьмите меня с собой.

Ратлер, который говорил от имени Крысиного Короля, уже стоял у разрытого лаза и нетерпеливо поглядывал на приглашенных.

— Его величество изволит ожидать, — напомнил он.

Квестин махнул рукой:

— Ладно.

Ратлеры-рабочие живым потоком устремились в дырку под стеной. Судя по звукам, она торопливо расширяли проход под рост гостей и уносили вынутую землю. За ними в темноту канул провожатый. Гоблин, префект и Дженни, вцепившаяся в его рукав, прошли следом.

Сперва шагать пришлось по свежевырытому лазу, где под ногами мягко рассыпались

комья земли, и что-то то и дело валялось на голову. Впереди ратлеры продолжали копать и оттаскивать грунт. Дженни семенила, не выпуская рукав префекта и поглядывая на мерцающий впереди огонек. Лампу нес гоблин.

Потом Дженни, пригнувшись, нырнула в проем между вывороченных каменных плит и оказалась в галерее, проложенной уже давно. По канаве посередине прохода бежала грязная вода, вдоль стен тянулись мощные каменными плитами дорожки. Ратлеры суетились там и сям, сдирая налет со стен. Кое-где под сводом прилепились пятна тусклого зеленоватого света — то ли растения, то ли что-то похуже. Дженни не стала спрашивать, потому что подозревала, что ей совсем не хочется знать, что именно светится в подземелье. Воздух здесь был тяжелый и сырой, пахло гнилью и мокрой землей, но в целом обстановочка оказалась довольно сносной.

На пришельцев, шагающих следом за провожатым, никто не глядел, обитатели темноты не оставляли своих странных занятий. То есть это на взгляд Дженни их занятие было странным, а сами они держались так естественно, будто занимаются самыми обычными делами.

Проход сворачивал, попадались перекрестки, пару раз путники прошли через просторные подземные полости — везде было то же самое, все такой же зеленоватый свет. В более высоких и широких проходах световые пятна лепились под сводом чаще, их было больше — только и всего.

В широкой галерее Морко остановился, поджидая спутников. Он шепнул Дженни:

— Удивительное сооружение, этот подземный город. Ратлеры проветривают его, чувствуешь ветерок?

В самом деле, иногда Дженни ощущала дуновение. Но замечательное устройство обиталища ратлеров сейчас занимало ее меньше всего. В эту минуту больше всего хотелось снова оказаться на поверхности.

— Долго нам идти? — спросила она.

— Нет, мы уже почти достигли города ратлеров. Он сообщается с пещерами под Вулканом.

— Города? А здесь что?

— В лучшем случае окраина. Скоро начнется самое интересное!

Дженни совершенно не разделяла воодушевления Морко. Ха, интересное! Сейчас она бы лучше поскучала... но ее мнения никто не спрашивал, и вскоре длинная галерея с каналом посередине закончилась. Теперь идти предстояло по большим и малым залам, петлять и постоянно сворачивать. Ратлеров здесь было видимо-невидимо, и все ужасно деловые, они сновали в разных направлениях, пищали, скрипели, суетились. Останавливались, чтобы поглядеть на пришельцев и снова спешили по своим крысиным делам. Почти все были одеты, но не в оранжевые жилеты, как рабочие на поверхности, а в самые разнообразные тряпки. Блестели в тусклом зеленоватом свете глазки, топорщились усы, поблескивала влажная шерсть на загривках...

От мельтешения мохнатых тел у Дженни закружилась голова, но она крепче вцепилась в рукав префекта и заставляла себя переставлять ноги и не думать, на что здесь можно ненароком наступить. Но странное дело! Пол казался гладким и чистым, как мостовые на поверхности. Внизу было меньше грязи, чем на улицах Эверона!

Зато постоянно приходилось пригибаться — не потому, что своды стали ниже, наоборот, гости Крысиного Короля теперь шли по достаточно просторным помещениям.

Зато над головами протянулась целая паутина перекрещивающихся тросов и веревок, с которых свешивались неопрятные лохмотья, по которым стекала вода. Воздух был наполнен сыростью, а светящиеся сгустки на сводах почти не просматривались. Свет давали те зеленоватые пятна, что разместились на колоннах, уходящих вверх, в темноту. Дженни заметила, что ратлеров вокруг стало больше — многие перебежали от колонны к колонне, сопровождая пришельцев. Рядом с людьми и гоблином никого не было, но повсюду шуршали лапки и раздавались скрежещущие писклявые голоса обитателей подземного мира.

Провожатый, крупный человекоподобный ратлер, тоже заметил эту непрошенную свиту. Он остановился и что-то проскрипел. Тут же из-за укрытий выступили десятки его мелких соплеменников. Сгрудились, сверкая глазами в зеленоватом сумраке. Теперь, куда ни глянь, горбились мохнатые силуэты, на вздыбленной шерсти блестели капельки воды, повсюду раздавался шорох и шарканье. Морко поднял лампу повыше, разглядывая ратлеров. Дженни обратила внимание: свет он несет в левой руке, а арбалет, зажатый в правой, ходит из стороны в сторону. Но что мог значить один-единственный выстрел против такой толпы?

— Чего они? — шепнула Дженни на ухо Квестину.

— Не понимаю, — так же тихо ответил тот.

— Пусть уходят! — пискнули из темноты.

И тут же скопище ратлеров разразилось воплями:

— Наш мир! Наши владения! Люди пусть уходят! Не хотим их здесь!

— Они гости Короля! — громко прикрикнул провожатый. — Отойдите, освободите проход.

Дженни растерялась, но она видела, что префект и Морко не проявляют особого беспокойства. И тут вспомнила, что спутники, обсуждая предстоящую аудиенцию, упоминали какие-то спецэффекты. Может, все нормально? Так и было задумано, что их остановят?

— Что у вас там намечено? — лениво спросил Морко посланника Крысиного Короля. — Я должен прибить парочку? Или они и так отступят? Кончайте уже этот балаган, или у меня выйдет терпение.

— Гоблин! Гоблин! — завопили ратлеры из задних рядов. — Гоблин хуже человека!

Однако передние пятились, стремясь уйти из круга света вокруг лампы, которую держал дворецкий.

— Ладно, ладно! — прикрикнул на них Морко. — Так и быть, перебью десяток! После этого Король нас примет?

— Морко Гучих, осторожней! — проворчал префект. — Не перегибай палку.

— Выкуп! — запищали ратлеры. — Пропустим, если нам дадут выкуп! Самого маленького человека, мы согласны на маленького! Молодого, мягкого, вкусного!

Дженни собралась крикнуть, что она вовсе не вкусная, а, наоборот, очень даже ядовитая, но не успела. Ратлеры живой волной бросились вперед. Дженни увидела протянутые когтистые лапы, в нее вцепились, дернули, мигом оторвали от Квестина и поволокли в темноту. Префект бросился следом, колотя ратлеров по головам тростью, но между ним и Дженни словно живая стена выросла. Она взвизгнула, лягнула одного, отшвырнула другого, выскочила из куртки, которую держали слишком цепко... голова задела край мокрого полотнища, одного из тех, что висели здесь повсюду... Дженни вцепилась в него, подпрыгнула... и опомнилась она уже на канате над копошащейся живой массой.

Под ней раздавались хрип, ворчание, удары по мягкому. Лампа, которую нес Морко,

погасла, и десятки тел на полу возились в зеленоватой мгле. Дженни встала и пошла, с трудом балансируя на плохо натянутой веревке.

— Назад! Прекратить! — завопил ратлер, служивший провожатым.

Откуда-то из-за колонн хлынул свет, выхватив из мрака картину свалки — префект и Морко, стоя спиной к спине, колотили подбирающихся к ним подземных жителей: Квестин своей тяжелой тростью, а гоблин — арбалетом, из которого так и не выстрелил.

Потом толпа отхлынула, а источником внезапно появившегося света оказались два десятка ламп, закрепленных на шлемах новых ратлеров — все, как на подбор, рослые, крупные и все в доспехах. В самых настоящих лагах, переделанных из человеческих. Конечно, их пришлось подгонять под сутулые фигуры подземных жителей, но смотрелось это войско достаточно грозно. Тем более, когда оно, окутанное светом, ломилось по пещере между мрачными темными колоннами, под скрещенными веревками, на которых колыхалось, словно боевые знамена, мокрое тряпье.

Ратлеры, напавшие на гостей, отхлынули, оставив Морко и Квестина посередине пустого пространства.

— Что за шум? — грозно пропищал предводитель стражей подземелья. — Кто смеет нарушать покой его величества?

— Я вел троих гостей к Королю, — ответил провожатый, возникая рядом с двумя оставшимися подопечными, — но преисполненный рвения народ...

— Троих? — перебил его главный ратлерский воин. — Но я вижу только одного человека и одного гоблина!

— Дженни! — крикнул префект. — куда вы ее уволокли? Эй, ратлер, если с ней что-то сделали...

Морко не кричал, он поднял арбалет и направил его на провожатого, выглядело это более чем серьезно.

— Я здесь! — крикнула Дженни. — Помогите спуститься! Потому что я не помню, как сюда попала, но это вышло легко, а вот как спуститься, не знаю.

В конце концов она снова оказалась на полу в компании Квестина и дворецкого, а заодно и нескольких десятков гроыхающих металлом воинов. Дальнейший путь — уже совсем короткий — они проделали под охраной, и больше никто гостей не беспокоил.

Такое своевременное появление королевской гвардии подсказывало, что нападение подстроено, это такое представление, наподобие тех, что разыгрывал на площадях Бурмаль и детки. Но вот зачем? Дженни не собиралась пожертвовать этим глупым артистам ни монетки, да никто и не протягивал к ней шляпу. Вот еще! Из-за этой круговерти Дженни вымокла, пока карабкалась по сохнувшей тряпке, ее куртка нашлась, но вся истоптанная грязными лапами ратлеров...

Пока Дженни размышляла, процессия миновала несколько коридоров. Больше не было паутины веревок, сверху за шиворот не летели холодные капли, проходы стали уже, а своды ниже. В общем, все указывало на то, что сейчас они в жилом помещении.

Наконец все остановились перед массивной двустворчатой дверью, полностью перекрывавшей проход. Двери, наверное, были редкостью в странном мирке под землей, до сих пор Дженни не попало ни единой, все помещения можно было пройти беспрепятственно.

— Монетный зал, — проворчал Квестин, — мы на месте.

Вооруженные стражи проделали какие-то перемещения, что, вероятно, означало

торжественную церемонию, которая должна предварять аудиенцию. Наконец двери распахнулись и гостей пригласили в зал. Дженни слегка оробела. Предыдущие тревожения немного смазали эффект от предстоящего события, но все-таки встреча с королем! С самым настоящим королем! Папаша Бурмаль иногда изображал королей на своих выступлениях. Это бывали, как правило, весьма неприятные и вспыльчивые типы, которые через слово требовали отрубить кому-нибудь голову, кого-то изгнать, кого-то бросить в тюрьму.

Место содержания арестантов в префектуре Дженни уже видела, а здесь, во владениях ратлеров, и обычные помещения выглядели отталкивающе. Страшно даже подумать, какая во владениях Крысиного Короля может быть тюрьма!

***

Дженни, заранее готовясь к худшему, шагнула в зал. О, нет, это было совсем не похоже на тюрьму! Это было великолепно. Монетный зал освещался десятками огромных свечей, которые были здесь повсюду — на стенах, на полу, в подвешенных к своду громадных подсвечниках. И ведь было, что осветить таким количеством огней! Стены зала сверкали и переливались, их покрывали круглые металлические кругляши. Здесь было все — серебро, бронза, золото... Монеты, монеты, монеты — всяких размеров и достоинства, древние, недавно отчеканенные, эверонские, заграничные! С геральдическими зверями, профилями, коронами, мечами и топорами! Все, что падало во славу Хогорта на мостовые, все, что уносили воды в сточных канавах, все, что теми или иными путями попадало в укромный мир ратлеров — все это пошло на облицовку стен.

— Интересный способ копить на черный день, — пробормотала себе под нос Дженни.

И тут ее взгляд, скользивший по великолепным стенам, остановился на троне, который высился посередине Монетного зала на высоком, в три ступени, подиуме. Если стены зала были роскошны, то на троне копошилось воплощение мерзости. Лохматое, серое, влажное, неопрятное месиво спин, животов, конечностей, оно непрерывно двигалось и шевелилось, колеблясь, шурша, скрипя гигантским тронном.

— Ваше величество, — префект согнулся, опершись на трость, в низком поклоне.

К удивлению Дженни, его примеру последовал и гоблин. До сих пор она не представляла, что Морко может перед кем-то так низко сгибаться. Она тут же склонилась перед тронном, чтобы не отстать от спутников. Несомненно, у них были причины проявлять такое уважение к Крысиному Королю.

— Приветствую вас, гости, — пророкотал низкий голос с трона.

Подняв голову, Дженни поразились: Король развалился на куски! Мгновением позже она сообразила, что Король-то как раз остался на месте, но десятка два мелких ратлеров, покрывавших до сих пор его тушу, бросились в стороны, когда он заговорил. Оказывается, воплощенное уродство на тронном было целой кучей этих существ. Впрочем, сам монарх подземелья тоже был омерзителен. Округлая бесформенная груда жира, из которой торчала голова, кажущаяся слишком маленькой для этого сплошного безграничного брюха. Над макушкой Короля холмом возвышался толстый загривок, так что казалось, будто его лицо растет то ли из груди, то ли вовсе из живота. Морда Короля была круглая, с обвисшими щеками и десятком пухлых подбородков. Он, конечно, принадлежал к той же породе, что и его посланник, более человекообразный, чем большинство подданных.

Мелкие ратлеры просеменили к выходу, старательно обходя прищельцев, а король

запахнул на жирной груди что-то вроде халата. Вооруженные стражи заняли места вокруг трона.

— Старею, постоянно мерзну, — пожаловался Король. — Эти славные юные девы греют мое дряхлое тело. Но говорить лучше без них.

Девы, подумала Дженни. Интересно. Никогда бы сама не догадалась, что это были ратлеры женского рода.

— Итак, мне доложили о вашей проблеме, — продолжал рокотать владыка подземелья. — Я всегда рад помочь моим добрым друзьям. Да, да. Мне донесли, что ваше путешествие по владениям народа ратлеров вышло веселым, с приключениями?

— На что ни пойдешь, лишь бы прикинуть к источнику мудрости, — ответил Квестин. — Ваши подданные требовали отдать им мою спутницу в виде выкупа. Мы с Морко Гучихом постарались бить их не очень сильно, просто чтобы поддержать игру.

— Выкуп? — мохнатые брови Короля приподнялись. — Это, конечно, здравая идея. Увы, в нашем, далеко не совершенном, мире все привыкли искать одну только выгоду. Этому научили простодушных ратлеров обитатели поверхности. Может, в самом деле, потребовать с вас плату за помощь?

— Можешь укусить меня за ногу, — едва слышно прошептал Морко, чуть выдвигая вперед протез.

Король то ли не расслышал, то ли сделал вид, что не расслышал, и продолжил:

— Но королям к лицу щедрость, а мне добрые отношения дороже любой платы. Да и потом у меня уже есть все, кроме молодости.

Он широким жестом указал на усеянные монетами стены.

— Разве можно добавить что-то к этой коллекции? Вряд ли. И добрые отношения я ценю куда выше!

Крысиный Король улыбнулся, ощерив желтые зубы, а Квестин отвесил новый поклон. Владыка ратлеров удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Итак, ваш вопрос о пятерых мертвых людях. Да, именно в тот самый день и именно пятеро. Они свалились в дыру, куда обычно сливают помои. Люди так восхитительно наивны... Обитающие под солнцем и луной полагают, что подобный акт означает окончательное исчезновение тел. Для нас, живущих ближе к сердцу мира, это, напротив, означает появление. Парадокс, верно?

— Тел? — спросил префект. — То есть они уже были мертвы, когда их отправили вниз?

— Да, это несложно было заключить по ряду признаков. Ну, знаете, такие мелкие намеки вроде перерезанного горла. Да. Они были мертвы, когда отправлялись в окончательное путешествие.

— Могу ли я поинтересоваться, где именно находится упомянутое отверстие для слива нечистот?

— Конечно, конечно! Это очень интересно, где именно начинается путешествие! Потому что заканчивается оно всегда в моих владениях, и это понятно без объяснений. Но вот где начинается... О-о, в этом могут таиться сюрпризы. Знаете такое место, уступ Безумия? Утес на северном склоне Вулкана? Знаете, конечно знаете! Там стоит башня из черного базальта, украшенная совершенно безвкусными изваяниями. В нижней части этого строения есть отверстие для слива нечистот, а под уступом Безумия — дыра, ведущая в мои владения. Оттуда часто падают всякие занятные вещи, поскольку башня обитаема, а у ее хозяйина, насколько я могу судить, весьма богатая фантазия. Перерезанное горло — это, так

сказать, не показатель, он бывает куда изобретательней. А пять — далеко не предельное количество. Он, случается, отправляет в подземный мир куда более интересные и более весомые послания.

— Башня Безумия, — повторил префект, — так, так...

Морко перехватил его взгляд и едва заметно покачал головой — отрицательно. Для этих двоих название о чем-то говорило, но Дженни слышала его впервые. А спутники, похоже, совсем забыли о ней и обменивались многозначительными взглядами, совершенно не думая о том, что нужно что-то объяснить. Увы, момент был никак не подходящий для расспросов, и Дженни оставалось только мучиться неизвестностью и ждать подходящего случая.

— Я не сомневался, что вы знаете Башню! — обрадовался Крысиный Король. — Но, так или иначе, дела поверхности я предоставляю вам.

— А, с позволения вашего величества, что можно сказать об этих людях? Я имею в виду мертвецов. Тела, конечно, не сохранились, но ведь кто-то их осмотрел, хотя бы мельком?

— Мой любезный друг, — Король скорчил гримасу, — монаршие заботы обширны и разнообразны, они не позволяют мне сосредоточиться на незначительных мелочах, вроде пятерых покойников, упавших в дыру для слива нечистот. Однако я задал кое-какие вопросы. Судя по одежде, эти были люди небогатые. Но и не нищие. Похоже, это были не деревенские жители, но и не эверонцы. Молодые сильные мужчины, однако непонятно, каким ремеслом они занимались. Может, вовсе никаким? Торговцы, бродяги, попрошайки, да мало ли... там, наверху, — Крысиный Король кивнул, указывая наверх, что, учитывая отсутствие у него шеи, вышло очень условно, — существует множество видов бездельников. Это у нас, в темном королевстве, все заняты полезным трудом, а у вас... чем могли промышлять на жизнь эти пятеро?

— Разбоем, — коротко ответил Квестин.

— Ах-ха! — Крысиной Король пришел в восторг и от избытка чувств захлопал себя лапками по вздутому брюху. — Конечно! Я мог догадаться: если ко мне обратился стражник, его интересуют разбойники! Ну вот, одна задачка решена.

— Я бы попытался решить и другие, будь у меня что-то из вещей покойных, — осторожно намекнул префект.

Ратлер прищурил заплывшие глазки и погрозил когтистым пальцем:

— Мой проницательный друг, к чему намеки? Конечно, я велел собирать все, что верхний мир посылает нам через дыру под Башней Безумия. Именно после того самого случая.

— Восхищен мудростью вашего величества, — очень серьезным тоном вставил префект, — это весьма предусмотрительно.

— Да, да... но вот беда: я приготовил для тебя все, что собрали мои подданные. А они вовсе не столь проницательны, как их король. Свалили все в кучу! Там будут и вещи пятерых мертвецов, и то, что свалилось позже. Теперь уже не разберешь, что кому принадлежало. Эй, кто там! Принесите мой подарок префекту Квестину!

Король вздохнул:

— Да, я предусмотрителен. Мой сан обязывает помнить: иногда верхний мир не готов расстаться с тем, что ему принадлежало, а потом попало сюда. Да, да... время от времени приходится и возвращать.

— Я весьма признателен вашему величеству, — произнес префект, наблюдая, как двое ратлеров волокут сверток из мешковины. Груз они опустили на пол между тронном и гостями,

распутали узлы и отступили в сторону, позволяя посмотреть содержимое. Наверное, следовало спросить разрешения Крысиного Короля, но Дженни не могла больше терпеть — она узнала! Бросилась к уликам, присела над расстеленной мешковиной и... залилась слезами, вцепившись рукав, оторванный от рубахи Эрика. Она не могла ошибиться, ведь сколько раз стирала рубашку брата, и однажды штопала, после того, как сама же порвала во время их ребяческих игр. Починкой одежды заведовала Анна, но в тот раз заявила, что раз Дженни виновата в порче рубашки, то пусть сама... и вот ее собственные кривоватые стежки. Вот они, не спутать с умелой работой бедняжки Анны.

Дженни, не поднимаясь с колен, показала рукав префекту:

— Это Эрика! Эрика, понимаете? Его рубашка...

На рукаве можно было различить темные разводы — следы крови. Других вещей — пуговиц, ключев материи, поясов и пряжек — Дженни не признала. Вероятно, это принадлежало разбойникам.

— Как это трогательно, — заметил Крысиный Король. — Дева плачет по своему возлюбленному! Мир полон страданий и наслаждений, и одно всегда связано с другим.

— Это вещь ее брата, — уточнил префект. — Есть ли что-то еще, что поможет нам в поисках ответов? Боюсь, я отнял у вашего величества слишком много времени, и не уверен, что моя благодарность будет достойной такой щедрости великого монарха.

— М-да, конечно, моя щедрость... нет, я не жду платы, я помогаю бескорыстно. Добрые отношения, говорю я вам, люди и гоблины с поверхности! Добрые отношения ценятся превыше монет.

— Истинно так, — пробормотал Морко.

— Монеты, которыми я велел облицевать стены, свидетельствуют о том, что деньги не самая великая ценность в моем королевстве, — с видимым удовольствием заметил Король. — Если будет случай, вы вспомните о моей бескорыстной помощи и окажете ответную услугу, если же нет... пускай! Меня согреет воспоминание о совершенном добром деле.

Король поежился и плотнее завернулся в халат.

— Признаться, воспоминания греют душу, но не тело. Возвращайтесь в свой мир, мои славные друзья, а я займусь согреванием этого несчастного стариковского тела.

— Вот теперь лучше поторопиться, — шепнул Морко Дженни, присаживаясь рядом с ней над рассыпанными уликами.

Они сгребли барахло в кучу, завязали мешковину и распрощались с Крысиным Королем, торопливо отвешивая поклоны. Старик, похоже, был очень равнодушен к подобным знакам почтения, и Дженни старательно выполнила все поклоны и книксены, на какие оказалась способна и какие подсказала ей фантазия и опыт актрисы. Она устала, но чувствовала, что вот-вот отправится домой, нужно только напоследок постараться, и это придавало прыти.

— Прекрасно, прекрасно, — пробормотал Крысиный Король, — эта милая и вежливая дева просто прекрасна, когда вот так отставляет попу... Моей прислуге есть, чему здесь поучиться. Удивительное изящество!.. Благодарю, дорогая, за это удовольствие! Да, и вот еще одна мелочь: во время недавних беспорядков... ну, помните, когда объявили войну Погонщикам Ветра? Так вот, одиннадцать моих подданных исчезли. Молоденькие ребята, любопытные, неопытные. Тел мы не нашли.

— Может, они воспользовались суматохой и сбежали, чтобы увидеть мир? — подал

голос Морко. — Наши частенько так поступают.

— Возможно, возможно. Только они не были одной компанией, так что вряд ли могли сговориться. Если услышите о наших мальчиках, дайте знать. А не услышите... что ж. Значит, так тому и быть. Хвала Великой Ночи, мои подданные плодятся быстрее, чем дохнут.

Он громко хлопнул в ладоши, двери Монетного зала распахнулись, и навстречу уходящим гостям ринулся шуршащий попискивающий поток молодых самок, чьей обязанностью было согреть дряхлое королевское тело.

***

Обратный путь проделали в молчании. Гостей охраняла стража — полдесятка ратлеров в броне, и никто не пытался напасть на пришельцев из верхнего мира. Если бы Дженни была в состоянии соображать, она бы увидела здесь еще одно доказательство того, что нападение было подстроено с ведома Крысиного Короля. Но она была не в состоянии. Она брела за Морко, который бодро помахивал узлом с уликами, и прижимала к груди драгоценный рукав рубашки Эрика, словно священнойшую реликвию. Брела и роняла слезы. Поэтому так и не заметила, как они проделали весь обратный путь.

Вооруженная свита остановилась, лязгнула сталь, и огни фонариков, горящих на шлемах, качнулись, словно плюмажи. Дженни торопливо вытерла мокрые щеки. Спутники могли делать вид, что не замечают ее слез в темноте, но сейчас-то они вернутся в нормальный, хорошо освещенный мир.

— Счастливого пути, люди и гоблин, — напутствовал командир, указывая лапой в недавно прорытый проход, — вот дорога.

Еще минута, и Дженни оказалась в знакомом подвале.

— Теперь ты понимаешь, почему мы не пользуемся погребом, — заявил Морко, оглядываясь. — Люди живут там, наверху и не подозревают, как легко ратлеры могут добраться к ним снизу. В любой дом, в любой! Представляешь, если это произойдет ночью, когда обитатели спят? Но ратлеров не замечают. Их никто не боится. А зря! Уж мой-то народ помнит, на что они способны.

— В сущности, не будь Крысиный Король так миролюбив, мог бы держать в страхе весь город, — согласился префект. — Исключая обитателей Вулкана, конечно. Те живут над каменной толщей, их не так-то просто взять снизу.

Когда они выбрались из подвала, и Морко запер тяжеленный люк, Дженни заново осмотрела свою добычу. Сомнений быть не могло, она отлично помнила рубаху, от которой оторвали рукав.

— Это Эрика! — повторила она. — Ну почему мы сразу не обратились к ратлерам! Уже давно бы знали, кто в ответе за мою семью.

— Не так быстро, Дженни ниоткуда, — устало улыбнулся Квестин. — Король так легко стал сотрудничать с нами по той лишь причине, что мы сами назвали ему достаточно много фактов. И время, когда к нему свалились трупы, и число убитых. Он просто опасался, что мы знаем куда больше, чем говорим, вот и поспешил прикинуться другом.

— Это верно, — поддакнул Морко. — Ведь история мутная, а он теперь к ней причастен.

— А по-моему, он был очень мил, — сказала Дженни. Она устала, и ей не хотелось

спорить. — Разве что спектакль с нападением... вот это зачем, ума не приложу!

— Как раз это очень просто объясняется. Если к его величеству можно попасть запросто, то у него покоя не будет от просителей. Нет, этого он не допустит. Он показывает, как тяжело добраться в его чертог, чтобы реже беспокоили. Только по крайне важному поводу.

— И платы с нас не взял за помощь...

Дженни не спорила, она говорила просто потому, что не могла остановиться. Эрик жив, жив, жив — вот что ее переполняло! Она быстренько убедила себя, что рукав относится к той части вещей из свертка, что сбросили из Башни Безумия позже, чем мертвецов. Он жив, и ему сейчас нелегко. Значит, спасти его нужно как можно быстрее. Главное, он жив, и Дженни знает, где его искать!

— Платы не взял, это как раз плохо, — рассудительно объяснил Морко. — Значит, потребует что-то серьезное, когда захочет, и господин Квестин не сможет ему отказать. Но что мы будем делать теперь? Наведаемся в эту самую Башню?

— Терпение, друзья мои, терпение! — объявил Квестин. — Лично я намерен отправиться спать. Скоро рассвет, а мне на службу!

Они остановились на кухне, гоблин зажег лампу, и Дженни только теперь поняла, какая она грязная, оборванная и растрепанная.

— Морко, Башня Безумия принадлежит лорду Мариану, — припомнил префект. — Он есть в твоём списке?

— Нет, — угрюмо процедил сквозь зубы дворецкий. — Но что это меняет?

— Какой еще список? — зевнув, спросила Дженни.

— Перечень тех, кого моя банда успела ограбить, — бросил дворецкий. — Мариана там нет, но есть его брат. Хорошо, вам угодно не спешить? Как пожелаете. Но завтра вечером я наведаюсь к северному склону Вулкана и погляжу, как бы добраться от подножия горы к Башне, минуя посты охраны. А днем схожу в долину Сотни Храмов.

— Я тоже, — Дженни зевнула еще раз, в этот раз зевок вышел более продолжительным.

— Ну а я отправлю кое-что из наших трофеев, — Квестин указал на свертки, подаренный Крысиным Королем, — в Вексет. Может, что-то признают?

— Не надо бы нам светиться, — встревожился Морко. — Мало ли кто услышит об этой истории с вещами убитых? Тайная стража и так слишком хорошо осведомлена.

— Отправлю Кубера, он все равно посвящен в наши дела. Дорога в Вексет займет около часа, сержант отправится с утра. К обеду вернется, не привлекая ничьего внимания. Я велю ему быть осторожным.

Дженни не стала дослушивать их спор и отправилась в ванную комнату. Для нее, как и для Морко, все было ясно и понятно. Эрик жив, его держат в башне. Какая разница — лорд Мариан или его брат? Нужно проникнуть в Башню Безумия... Бр-р, название какое! Проникнуть туда и увести брата. Вот и все.

Глава 13. Последний день перед...

— Что ты думаешь о ратлерах? — выпалила Дженни, швыряя камень под ноги Ингвару.

— Я тоже рад тебя видеть, — улыбнулся преподобный. — Добрый день.

Честно говоря, день не выглядел добрым. Даже не думал таковым притвориться. С утра дождя не было, но небо оставалось серым, и холодный ветер гнал по нему клочковатые темные тучи. Болото, именуемое долиной Сотни Храмов, выглядело мрачно и неприветливо. На тропинках между камней, которые нанесли сюда прихожане, выступила ржавая вода, над островами поднималась дымка. Чем дальше от берега, тем испарения казались более плотными. Из тумана торчали верхушки самых крупных зданий, и Дженни видела золоченый купол храма Трохомора да круто изогнутые мосты Гродофура над святилищем троллей.

Преподобный Ингвар не сидел на своей любимой лавочке — сегодня она была мокрой и неудобной, священник ждал Дженни в дверном проеме, и за его спиной застыла холодная темнота.

— Добрый... сырой, мокрый, дождливый добрый день.

Дженни попыталась заглянуть в тень под капюшоном — не блеснет ли голубой лед? Но там царил мрак, такой же сырой и плотный, как тьма, повисшая под темными сводами храма Хогорта. Как жалко! В глазах можно читать не хуже, чем между строк «Зоркого глашатая»... А может, так даже лучше? Она хотела бы увидеть, узнать и понять об Ингваре побольше, но боялась того, что может открыться.

— Верно, в воздухе много воды, — согласился преподобный, — но это же мелочи! Главное, что ты пришла. После твоего рассказа я много думал, и под конец стал бояться за тебя, Дженни. Ты, конечно, сама понимаешь, что находишься в большой опасности.

— По натянутому канату над пламенем, это совсем не похоже на путь Хогорта, — пробормотала Дженни себе под нос. Совсем тихо.

— Но ты пришла! Я обрадовался, что с тобой ничего не случилось, а ты спрашиваешь меня о всяких мелочах. Ратлеры... Они могли бы стать образцовыми прихожанами в этом храме, ведь они помешаны на потерянных и оброненных вещичках. Но, увы, дальше самого начала по пути Хогорта они не продвинулись. У них другая стезя.

— Я хотела спросить, почему они занимают такое низкое место в городской иерархии. Они основали Эверон, они могут проникнуть в любой дом... В сущности, они и есть настоящие владыки города. Вернее, могли бы стать при желании. Но ратлеры не пользуются своим преимуществом.

— Проникнуть... Не в любое место, нет. Скалы над городом и это болото — вот что им недоступно. Лорды и боги надежно защищены, — улыбнулся Ингвар. — Дженни, ты взволнована. Оставим ратлеров в покое. Скажи, что ты узнала о брате?

— Его держат в Башне Безумия! Она принадлежит лорду Мариану! Мариан похитил моего брата!

— Лорд Мариан? Глава оппозиции в парламенте... вряд ли он стал бы разбойничать по ночам. По-моему, ты ошибаешься. Почитай лучше «Зоркий глашатай» трехлетней давности, я нашел этот выпуск для тебя.

Ингвар протянул гостье сложенные желтые листки.

— Я нашла брата... ну, почти нашла. А ты мне предлагаешь эту гадость... — Дженни

вздохнула, но послушно развернула газету. — А что здесь нужно читать? Между каких именно строк?

— Начни с передовицы, — посоветовал Ингвар.

Статья на первой странице называлась: «Служа Отечеству» и повествовала, что семья Вестокенов даже в мирное время думает о безопасности Эверона, со всех сторон окруженного недругами. Глава этого клана, лорд Мариан, готовит проект закона об увеличении расходов на армию, а его младший брат, лорд Грегил, обратил свои увлечения наукой на совершенствование оружия и доспехов. Старший Вестокен уступил этому пылкому исследователю Башню Безумия под научные лаборатории, в которых тот... стоп! Башня Безумия! Так вот почему Ингвар не удивился, услышав это название!

Дженни опустила газету и уставилась в темноту под капюшоном преподобного.

— Как видишь, Мариан уже давно вынашивал планы о войне с Погонщиками Ветра, — спокойно заметил тот. — А Башня Безумия, хотя и принадлежит ему, но фактически пользуется этим сооружением его брат Грегил.

— Ты знал, — произнесла Дженни. — Почему ты не сказал мне сразу? Тогда нам не пришлось бы соваться в мерзкое подземелье, а Квестину — влезать в долги перед Крысиным Королем! Ой... я не должна была этого говорить...

— Я не знал, — мягко возразил Ингвар. — У меня были большие сомнения. Только теперь, после твоих слов, я почти уверен. К Башне Безумия и лорду Грегилу я подобрался совершенно иным путем, собирая истину по крохам, и вовсе не считал, что сложил эти мелочи в правильную картину. Да, теперь я почти уверен. Почти! Что же до твоих слов о ратлерах... не волнуйся, я много говорю, но молчать тоже умею.

Он оглядел поверх головы Дженни затянутое туманом болото и кивнул:

— Зайдем в храм. В ответ на твою откровенность я тоже кое-что расскажу. Там, внутри, пред лицом великого Хогорта.

И там, где никто не подкрадется в тумане, чтобы подслушать, мысленно добавила Дженни.

Внутри было еще холоднее, чем обычно, липкая влажная темнота поглотила прищельцев и сомкнулась над головой. Дженни пробралась к знакомой скамеечке, опустилась на нее и уставилась на бездумную улыбку глиняного божка. Рядом прошуршала накидка священника.

— Дженни, — непривычно серьезно заговорил тот, — ты не должна никому открывать, откуда узнала то, что я скажу.

— Конечно, — тихо ответила она. — Я же сама тебя именно об этом просила!

— И пообещай, что не бросишься немедленно к Башне Безумия. Что бы я тебе сейчас ни сказал, не спеши. Не поступай опрометчиво. Мелочи, мелочи! Взвесь и прими во внимание их все. Обещай, что не станешь торопиться. Доверься Хогорту, он уже указывал тебе правильный путь, так дай ему возможность сделать это снова.

— Да обещаю я, — с досадой огрызнулась Дженни. У нее мерзли руки и кончик носа. — Мне, если хочешь знать, и не позволят торопиться. На каждом шагу только и слышу: не спеши, не торопись, в Эвероне так дела не делаются...

— Хорошо. Я вижу, за тобой присматривают правильные советчики.

— Зануды. И ты тоже не исключение, между просим!

— Итак, мои белошвейки... — заговорил Ингвар, пропустив выпад мимо ушей. — Понимаешь, людям простого звания вход на Вулкан заказан. Те избранные, кто поступил в

услужение лордам, не поделится ничем из того, что им открылось там, наверху. Это одно из условий их жизни. Наверное, самое важное из этих условий. Но на склонах горы нет мастерских, где трудятся портнихи, а лордам необходимо выглядеть достойно. Портных приглашают в виллы на Вулкане, чтобы сделали свою работу, взяли плату и убралась. Им тоже запрещено болтать об увиденном, поэтому швеям и портнихам грозят большие беды, если ты выдашь, откуда у тебя такие сведения.

— Да я поняла! — перебила Дженни.

— Хорошо. Просто для меня важно, чтобы ты осознавала причину всех этих скучных предупреждений. Итак, лорд Мариан и его брат Грегил. Когда-то Грегил ограбили, разорили его дом... ты, наверное, представляешь, что творится в доме, где побывали гоблины?

Я живу в таком доме, подумала Дженни. Ничего так, иногда даже весело. Но вслух ничего не сказала, чтобы Ингвар не останавливался. Если он снова зарядит порцию предупреждений... не уж, пусть говорит без помех.

— Там невозможно жить, тем более особе утонченной и благородной, — продолжал священник. — Грегил попросился к брату, пока его виллу приведут в порядок.

— Наверное, он был страшно сердит, что его, можно сказать, выжили из дома! — не удержавшись, вставила Дженни. Она вспомнила судьбу Морко Гучиха и его банды. — И поклялся отомстить гоблинам, которые там похозяйничали!

— Не сомневаюсь, ибо лорды очень мстительны. Они — потомки и наследники униженных. И они ничего не забывают. Но вернемся к той давней истории. Братья Вестокены отлично ладят между собой, что редкость в семействах Повелителей Огня. Тем не менее, хорошие отношения вовсе не означают, что они могут жить под одной крышей. Один лорд Вулкана это огонь, но два — уже пожар! Мариан выделил брату Башню Безумия, а тому настолько понравилось, что он остался в ней жить. В общем, это место принадлежит Мариану, но обитает там младший брат. Это несколько странно, и для публики придумали историю с лабораториями, в которых Грегил трудится над оружием для армии Эверона. Ни одного образца он до сих пор не представил.

Дженни поежилась — сырость проникла под жакет. Но то, что рассказывал Ингвар, было жизненно важно! И даже еще немножко важнее, чем просто жизненно.

— А откуда вообще взялся твой интерес к Мариану и Грегулу? — спросила она.

— Портных приглашают на Вулкан, но, когда работа готова, за ней лорд присылает доверенного слугу. Незачем лишний раз приводить человека снизу в виллу на склоне Вулкана, понимаешь? Лорд Грегил предпочитает одежду черного цвета, строгий внушительный покрой и красные подкладки.

— А это важно?

— Любые мелочи важны, как учит неподражаемый Хогорт. Ты помнишь плащ на Повелителе Огня, который убил твоих родных?

Дженни не ответила, она пыталась вспомнить, но в памяти вставала только ревущая стена пламени.

— Но сейчас, — продолжал преподобный Ингвар, — для нас важно другое. За готовым костюмом Грегил присылает человека со шрамом на щеке.

***

Морко, подняв воротник, прогуливался там, где сходились тропинки, ведущие к разным храмам. Принесенные прихожанами камни хрустели под его деревянной ногой.

— Ничего, — буркнул он, — я не узнал ничего нового. Из-за дождя никто не явился. Проклятые Погонщики с их глупым способом вести войну!

— Дождь распугал гоблинов? — попыталась состричь Дженни. — Получается, Погонщики победили?

— Мы не воюем с дождем, — буркнул Морко. — А вот попадись мне сейчас Погонщик, я бы его с удовольствием удавил. С огромным, с просто необъятно огромным удовольствием!

— Ну а я кое-что узнала, — похвасталась она. — В доверенных слугах у лорда Грегилла Вестокена состоит некий человек со шрамом на щеке. И Башню Безумия старший брат уступил ему! Об этом писали в газетах, вот! Что скажешь?

— Что скоро у этого человека прибавится шрамов. Все сходится. Грегил, он есть в моем списке, более того, он был одним из последних! Это его рук дело.

— А в Башне Безумия мой брат! — напомнила Дженни. — И я заранее заявляю, что не потерплю никаких увещеваний: Дженни, дорогуша, это дело слишком опасное для женщины...так и знай, Морко Гучих, ты от меня не отделаешься! И не пробуй, а то пожалеешь!

Гоблин ощерил клыки, что означало приветливую улыбку:

— Никто не смеет угрожать гоблину. И это в самом деле опасное дело. Но...

— Но ты сам подарил мне нож!

— Но свои угрозы побереги для господина Квестина. Он будет против.

— А ты?

— Я — нет.

Гоблин протянул ей корявую зеленую ладонь, и они церемонно пожали руки. Для этих двоих все было ясно, и, стало быть, Повелитель Огня Грегил Вестокен уже обречен. Осталось только убедить в этом префекта Квестина.

— Знаешь, что, — предложила Дженни, — давай не будем ничего говорить префекту, сами разведаем подходы к башне, подготовимся...

— Я не вправе лишать его мести.

— Именно! Мы возьмем его с собой, когда пойдем освобождать Эрика. Это будет поистине дружеский жест!

— Возьмем его с собой, когда пойдем убивать лорда Вестокена, — повторил по-своему гоблин.

— Можно подумать, одно другому мешает!

— Совсем не мешает. Скорее наоборот, одно замечательно дополняет другое. Вы, люди, используете в таких случаях слово «гармония». Погода нам поможет. Ночью, похоже, будет лить дождь, ни луны, ни звезд в небе. Погоди, а откуда ты узнала насчет человека со шрамом? Я не верю, что об этом судачат прихожане Трохомора.

Дженни прикусила губу. Она так и не рассказала единомышленникам, что сменила святого покровителя. Наверное, это правильно?

— Так получилось, — уклончиво пробормотала она, — можно сказать, случайно. Мне было откровение свыше. Насчет Эрика все сошлось правда? Его рукав выбросили из Башни Безумия, так что я доверяю таким откровениям. И я же не спрашиваю, с кем именно ты совместно смотришь на грязь!

Гоблин кивнул, и они зашагали к перекрестку, где можно было нанять извозчика.

Возница в этот раз попался болтливый. В ожидании пассажиров он листал газету, и теперь заторопился поделиться содержанием номера. Как и большинство небогатых эверонцев, он предпочитал «Зоркий глашатай».

— Война затянется, почтенные, — толковал он пассажирам, — теперь это очевидно. А что? Правильно пишет господин редактор Гандерис: мы растеряли боевой дух. Давно уже Эверон не совершал ничего великого. Вот побьем Погонщиков Ветра, и это станет таким делом, которое снова сплотит весь народ. Очистительный огонь, вот как изволил выразиться господин редактор! В пламени войны город закалится и очистится. Даже трусливые сторонники мира теперь это поняли! Они торопятся принять участие в войне на Гранделине, чтобы искупить свои прошлые ошибки, теперь и они признали правоту лорда Мариана! А то все возражали, все спорили...

Начал накрапывать дождь, пассажиры помалкивали под пологом повозки, а мокнувший на козлах возница никак не унимался:

— Слышали, небось, лорд Сертиас Истригс отправляет в действующую армию старшего сына. Бойтся, что если не проявит в трудную годину должного патриотизма, то лишится места спикера. Ничего, Мегрис свидетель, это место по правую должно принадлежать лорду Мариану! Быть ему спикером в верхней палате, вот попомните мое слово!

Вся эта суэта вокруг поста главы палаты лордов должна была иметь какое-то отношение к нападению на труппу Бурмаля. Дженни понимала это частью сознания, но толком обдумать и нащупать связь между событиями никак не могла. Она предвкушала встречу с Эриком. Как она проникнет в Башню Безумия, отыщет брата, как скажет ему: «Давай, я снова починю твою рубашку. Я знаю, что ты потерял рукав. Вот он!» Они будут смеяться и плакать, они будут вместе, как прежде. И уж теперь никто больше их не разлучит! Ни-ког-да!

Из задумчивости ее вывел извозчик, который, повысив голос, спросил:

— Ну, так куда ж прикажете? А?

Дженни сообразила, что возница уже спрашивал, но ему не ответили. Морко тоже углубился в свои размышления. А повозка уже грохотала по булыжнику, и пора было решать, что делать дальше. Сегодня по причине непогоды они с Морко возвращались из долины Сотни Храмов раньше обычного, почти весь день был впереди. У Квестина полным-полно ежедневных забот в префектуре, он всегда до обеда разбирает доклады. А сержант Кубер наверняка не возвратился из городка Вексет...

— Куда мы теперь, Морко?

— Хм...

Гоблин немного подумал и велел вознице доставить их на улицу Каменотесов.

— Дом какой?

— Семнадцать, — не задумываясь, бросил гоблин. Но Дженни догадалась, что он назвал наобум. Просто дом в начале улицы, откуда возница не увидит, что они идут смотреть на Башню Безумия.

Если улица Каменотесов — значит, недалеко от карьера, в котором добывают строительный камень, а это значит — подножие горы. Так что любой дом в начале улицы сойдет.

***

Деревянная нога Морко гулко стучала по булыжнику, но шепчущий звук дождя

скрадывал все звуки, и стук протеза тоже. Как только Дженни с гоблином покинули повозку, и возница развернул лошадь, высокий силуэт извозчика стал таять и растворяться в серой ватной пелене. Минута — и он исчез, потерялся за завесой дождя. Пропал топот копыт, стих скрип кузова и грохот колес по бульжнику.

Улица Каменотесов была узкой и извилистой, она казалась рекой, зажатой в тесноте между берегами, и вместо воды в ней струился сырой прохладный воздух. Против обыкновения, прохожих не наблюдалось, и ратлеры попрятались под землю. Мостовая заметно поднималась, шла в гору, а в конце улицы сквозь дождевую морось угадывалась стена, запечатывающая тесный коридор между берегами из лепящихся друг к другу домишек — это высился склон Вулкана.

С каждым шагом стена проступала все четче и делалась темнее. Когда сквозь дождь уже можно было разглядеть лоснящийся мокрый склон, Морко замер и посмотрел под ноги. Дженни тоже уставилась на разверзшийся перед ней обрыв. Последние дома улицы Каменотесов нависали над старой выработкой, откуда когда-то извлекали строительный камень, да и склон Вулкана перед ними все еще хранил следы инструментов. Вот он — рукой подать! Да только между краем мостовой и обрывистым скатом оказался старый карьер, на дне которого медленно текла струя грязной воды. Дождевые потоки, сбегавшие с горы, превратили яму в подобие крепостного рва. Где-то поблизости поток журчал громче, сливаясь под землю — в темное царство ратлеров.

— Вот она, Башня Безумия, — произнес Морко.

Дженни оглянулась — гоблин задрал голову и смотрел вверх, на склон Вулкана. Он часто моргал, когда дождевые капли попадали в глаза, но упрямо пялился на темный высокий силуэт Башни, который торчал среди серого марева. Черный, мрачный силуэт. Башня выростала из одинокого утеса, выпирающего из тела горы над заброшенным карьером. Иногда струи дождя закрывали основание Башни, тогда казалось, что черный гигант висит в пустоте, а украшающие стены крылатые статуи демонов несут его сквозь насыщенный влагой тяжелый воздух.

— Какая страшная, — заворуженно сказал Дженни. — Соответствует названию.

— Она называется Башней Безумия с тех самых пор, как выстроивший ее архитектор бросился с верхушки вниз, — беспристрастно пояснил Морко. — Вот как раз где мы стоим, небось, и шмякнулся. На это самое место.

Дженни испуганно попятилась, глядя под ноги. Но на камнях, конечно, не было никаких следов той давней трагедии, сейчас их покрывали только вода и грязь. А гоблина вообще ничуть не трогала смерть безумца, случившаяся давным-давно. Он рассматривал подступы к Башне. И, надо сказать, картина не радовала — подобраться к цели снизу казалось совершенно невозможным.

— Морко, а как ты проникал на Вулкан раньше? Ну, тогда, до всего этого. А?

Гоблин ощерил клыки, что означало мечтательную улыбку.

— Славное было времечко. Эх, и повеселился я тогда! Мы отыскивали вырубленный в скале проход. Он остался, должно быть, с тех самых пор, как будущие Повелители Огня обшаривали гору в поисках червей и искали убежище понадежней. Им тогда доставалось от моих предков. Вечная грязь свидетельница их унижениям! А когда я нашел этот ход в скале, прежние счастливые денечки ненадолго вернулись. Мы с корешами на целых три года стали грозой лордов! Сколько вилл разорили, скольких сторожей и лакеев покалечили! Я был владыкой Вулкана, вот как! Повелители Огня пускали дым из ушей от бессильной злобы.

Дженни удивилась страстности, с которой гоблин вспоминал свои подвиги. А Морко Гучих сжал кулаки и с ненавистью уставился сквозь дождь на громаду Вулкана. Он жаждал мести.

— Этим ходом можно сейчас воспользоваться? — поторопилась спросить Дженни, чтобы поскорее увести мысли гоблина от жестоких воспоминаний.

— Нет, — Морко наконец опустил голову, его улыбка пропала. — Повелители Огня нашли нашу пещеру. Так нас и выследили.

— А ты помнишь Повелителя, который сжег твою банду?

— Нет, — гоблин покачал головой. — Я-то был уверен, что мы в безопасности. Убежище казалось надежным — второй этаж вполне respectable дома. На нижнем этаже была мастерская ювелира, а мы арендовали комнаты наверху. И вот как-то под вечер, когда мы заливали вином наш последний успех...

— Не рассказывай, не надо, — попросила Дженни. Она знала, как это тяжело.

— Жена Квестина заказала ювелиру какую-то безделушку, — произнес Морко. — На свою беду именно в тот самый вечер она пришла в мастерскую. Ну и... вот. Квестин появился, когда огонь уже почти погасили. Он бросился в дымящиеся развалины, когда еще рушились обгоревшие перекрытия, так мне рассказывали после. Он искал жену, но жив был только гоблин Морко Гучих. Господин Квестин заметил меня, разгреб тлеющие угли, у него до сих пор на ладонях шрамы. Я пришел в себя, ничего не видел, ослеп от дыма и жара. Понял только, что меня куда-то волокут. Ну и вцепился Квестину в горло. Я был слаб, как новорожденный, так что он легко оторвал мои пальцы от шеи. И сказал, что теперь точно видит, что я еще жив. Пока гоблин жив, он дерется. Пока гоблин дерется — он жив.

Дженни не знала, что сказать... поэтому смолчала. Морко тоже выдержал долгую паузу, потом тихо пробормотал:

— Не вижу, как туда забраться. Но способ должен быть. Должен быть!

Дженни снова уставилась на склон, по которому стекали мутные струйки. Дождь, мелкий, как цветочная пыльца, сыпался с серого неба, сквозь его пелену подслеповато маячили красные окна вилл лордов. Капли стекали по лицу Дженни, повисали на ресницах... Ее взгляд остановился на скальном выступе, торчащем в стороне от утеса, на котором громоздилась Башня Безумия. Ближе к этому краю провала, отделявшего Вулкан от улицы Каменотесов, не наблюдалось ничего. Но и до этого места от Дженни ох, как далеко... и тут ее осенило!

— Морко Гучих, я знаю, как добраться до вон того выступа! — дрожащим от волнения голосом произнесла она. — ты подаришь мне за эту идею нож побольше?

Гоблин вздрогнул и резко обернулся к Дженни. В его глазах страх и надежда сменяли друг друга.

— Я закажу кузнецам выковать клинок длиной с корабельную мачту!

— Только одно условие...

— Согласен! Согласен! — чуть ли не закричал Морко. — Говори же наконец!

— Ладно. Условием является отсутствие у тебя расовых предрассудков. С людьми ты ладишь, но я приведу на помощь кое-кого еще.

— Надеюсь, не ратлеров?

— Нет, нет! Ты слишком плохо обо мне думаешь, господин Гучих! Ратлеров! Как это мелко! У меня размах побольше! Ратлеров, ха! За такое оскорбление придется отвечать.

Часть 4. Вверх по склону Вулкана. Глава 14.

Кипение страстей

Мокрый Эверон опустел. На улице Каменотесов Морко и Дженни не встретили никого, дождь барабанил в окна и стекал мутными потоками по стенам. Извозчики в эту часть города заезжали очень редко, а сейчас их и вовсе не наблюдалось. Пришлось значительную часть пути проделать пешком.

Ниже по склону возникло движение, взьерошенные ратлеры копошились у обочин и тревожно пищали скрипучими голосами, задирая морды к серому небу. Были и прохожие, но так мало, что Дженни почти не толкали. Наконец попалась свободная повозка, и путешественники забрались под полог.

Первым делом повезли Дженни в префектуру. Высадив ее у здания, перед которым топтался стражник в отсыревшем и обвисшем плаще, Морко поехал домой готовить все необходимое для нелегального восхождения на Вулкан.

Дженни прошла по опустевшему коридору, кивнула дежурному за столом и поднялась на второй этаж. Квестин сидел за столом, он показался «племяннице» мрачным и подавленным.

— Что случилось? — тут же спросила она.

— Леди Урсула случилась, — проворчал префект. — Снова заявила, на этот раз без толпы своих головорезов, всего-то с парой охранников... зато сразу потребовала выдать ей нашу главную улику — лист из книги. Изображение восьмиконечной звезды, понимаешь? Ей все известно!

— Вот еще, все! — Дженни тряхнула головой, роняя капли воды с поникших полей своей нелепой соломенной шляпы. — Я же на свободе! Значит, обо мне она, по крайней мере...

— Молись своим богам, Дженни ниоткуда, молись Трохомору! Я уверен, что она отлично знает, как ты попала в мой дом. Она следит за нами и, как только мы что-то откапываем, вырывает добычу из рук.

— О нашем ночном путешествии она не знает! — твердо заявила Дженни.

Она хотела ободрить префекта, но говорить о предстоящей вылазке раньше времени побаивалась. Нельзя вываливать на дядюшку Эдуарда такие новости, когда он захандрил. Еще засомневается, чего доброго, начнет отговаривать. Все равно ведь не отговорит, но будет зудеть и зудеть, ведь он такой упрямый!

— Надеюсь, что так, — без особой уверенности покивал перфект. — А что у тебя? Пообщалась с богами? Морко встретил своих старых друзей?

— Пообщалась и не встретил, — сразу закрыла все вопросы Дженни. — Но, в общем, дело раскрыто.

Квестин ответил кислой улыбкой.

— Не верите? — Дженни начала закипать.

Она полдня протаскалась под дождем, она устала и промокла, она все-все узнала, а теперь нужно это все-все выкладывать на захламленный стол Квестина медленно и постепенно. Какая скука!

— Не верите, — повторила она, старательно сдерживая свой боевой задор. — Ну так

слушайте. В Башне Безумия поселился младший брат лорда Мариана, лорд Грегил Вестокен.

— Ага, — глубокомысленно изрек префект. — Ну да, он есть в списке Морко.

— Не просто есть в списке! Он поселился в Башне, принадлежащей брату, после того, как у него погостили гоблины. И страшно разъярился по этому поводу.

Последнего Дженни не могла знать, но посчитала, что это само собой разумеется. Тем более, речь шла об обстоятельстве, которое отлично укладывалось в общую картину.

— Кроме того, он носит черные плащи с красной подкладкой, а такой был на лорде, который посетил Тысячу Столбов!

Этого она тоже не помнила наверняка, но ведь и это должно было укладываться в общую картину, верно?

— И наконец, — Дженни вбила последний гвоздь в крышку гроба Грегила Вестокена, — ему служит человек со шрамом.

— Это все косвенные улики, — усталым голосом произнес Квестин.

Сильно же его ошарашил визит леди Урсулы. Дженни даже немного растерялась — как же так? Она что, зря сдерживалась? Зря так медленно и постепенно выкладывала свои находки перед префектом?

— Тогда, господин префект Северо-Западного округа, — сохраняя спокойствие из последних сил, отчеканила она, — сегодня ночью вы получите прямые улики, неопровержимые, твердые, основательные...

— Как это ночью?

— Веские, существенные...

— Погоди, Дженни! — взмолился Квестин.

— Значительные, убедительные... — не переводя дыхания перечисляла она.

— Да постой же!

— ...Которые не сможет отобрать леди Урсула! — закончила Дженни. И наконец выдохнула. — Но за уликами придется прогуляться под дождем. Вы готовы?

— Но Урсула...

Дженни задумалась. Эту злющую тетку она выпустила из внимания. Если за ними в самом деле следят... Но как же так? Улица Каменотесов была пуста. Они с Морко долго бродили по улицам, а прежде — так же долго ехали по пустынной дороге. Тем временем Урсула наводила ужас на префектуру, значит не могла быть у подножия Вулкана, рядом со старым карьером, залитым дождевой водой. Вряд ли она сейчас знает, чем занималась Дженни. Если же ей донесут, то не сразу, а потом понадобится время, чтобы принять решение... да мало ли на что еще ей понадобится время!

Поток мыслей Дженни прервал стук в дверь. Явился Джек Джек. О нем-то Дженни позабыла, а недавний преступник по-прежнему нес службу, наблюдая за ломбардом «Дрейкензер и компаньоны».

— Что у тебя, Джек? — все тем же безнадежным тоном поинтересовался префект. — Случилось некое событие или тебе просто надоело мокнуть под дождем?

— Случилось, ваша милость, случилось событие, да какое! Опять черные!

— Тайная стража, — от растерянности Дженни выговорила это вслух.

— Она самая, госпожа, — подтвердил Джек. — Налетели, окружили ломбард. Ох, гномы и ругались! Я, было, перепугался, когда солдаты отовсюду нагрянули. Дождь, людей мало, всякий прохожий на виду. Я ж тоже там неподалеку ошиваюсь! И тут из всех переулков — пешие, конные, всякие! Весперова напасть! Я в одну сторону, в другую, а они

отовсюду! Но, хвала Трохомору, пронесло... Прихватили только парня из конторы Томса.

— Прихватили? — поднял брови Квестин.

— Вежливо, ваша милость, вежливо прихватили. Не так, как нашего брата гребут, а с этикетом: дескать, пройдем-ка, добрый человек, у нас к тебе вопросы. Но это все вокруг ломбарда происходило, а человек десять черных — прямиком туда, внутрь. Что-то конфисковали, так я полагаю. А полагаю так, потому что один черный вынес оттуда под вой бородачей шкатулку. Небольшую, вот такую, — Джек показал, разведя ладони. — Не знаю, что там было, но гномы ругались знатно!

— Зато я знаю, — буркнула Дженни. — Вesper бы им на головы нагадил, тайным стражникам!

— Э, барышня, — безнадежно махнул рукой Джек Джек. — Куда тебе до гномов. Вот кто браниться умеет! Ох, они и кляли черных, ох и костерили! Жалко им шкатулки было. Однако, если вы так говорите, то я понимаю, моя служба окончена? Я же из-за этой вещицы в шкатулке там торчал? Теперь вашим милостям «Дрейкензер и компаньоны» — без интереса?

— Да, Джек, — подтвердил префект. — Ты свою работу выполнил. Ту самую, ради которой я тебя нанял.

— Вот и славно, — обрадовался бывший вор. — А у меня как раз новые дела появились, да и крышу над головой я себе подыскал. На Якорную теперь не вернусь, новый дом нашел! И работу нашел, хорошую, честную! Больше не буду засыпать под песни Мервина, если вашей милости будет угодно мне позволить отвалить.

— Да, ты свободен, Джек. Надеюсь, больше не подашь нам повода встречаться?

— Как знать, ваша милость, как знать, — загадочно улыбнулся Джек, пятясь к двери. — Может, когда и свидимся.

Когда дверь за Джеком закрылась, префект поднял усталый взгляд на Дженни.

— Ну вот, теперь она и до медальона добралась. Все знает, все!

— Все, кроме того, что нам рассказал Крысиный Король, и того, что я узнала сегодня утром, дядюшка. Разве это не повод продолжить? Вернее, закончить? Леди Урсула все узнаёт с опозданием! Если мы поторопимся, она за нами не поспеет.

Квестин думал недолго, потом неожиданно широко улыбнулся:

— А знаешь, Дженни ниоткуда, ты права! Если действовать быстро, то можно успеть.

— Значит, нынче же ночью, — удовлетворенно заключила Дженни.

— Я должен подготовиться? Что-то отыскать? Что-то взять с собой?

— А вот ровным счетом ничего! Я уверена, что ножей в комнатке Морко хватит на всех троих!

***

Префект остался в кабинете разбирать бумаги, а Дженни сказала, что наведается в архив — посмотреть, нет ли чего насчет Башни Безумия. Вдруг отыщутся планы здания? Не мешало бы изучить, как это построено. Тогда проще ломать и разрушать, так она полагает.

Квестин рассеянно покивал. Потом, когда Дженни уже взялась за дверную ручку, вспомнил:

— Да, а сержант Кубер до сих пор не появился. Я велел, чтобы его сразу, как только вернется из Вексета, прислали ко мне. Должен был появиться, но, видимо, дороги размыло. Иначе не знаю, что его могло задержать.

Дженни не ответила, ее интерес к Дональду почему-то растаял. Может, когда она наконец вернет брата, что-то изменится?

Она прошла по странно пустой префектуре — можно подумать, дождь добрался сюда и распугал стражников, вечно околачивающихся в коридоре — и стала спускаться в подвал, держась за стену. В этот слякотный дождливый день лестница казалась особенно темной, ступени особенно покатыми, а старинная кладка стены особенно слизкой. Как будто весь мир сговорился испортить Дженни настроение перед, может быть, самой важной ночью в жизни!

Реми, как всегда, сидел за столом, светила лампа, шуршали страницы и мрачные тени бродили по стеллажам с пыльными пачками документов. Увидев Дженни, смотритель архива обрадовался:

— О! Тебя давно не было! Где ты пропадала, почему не появлялась?

— Я подумала, что ты отлично справился в библиотеке, и такое рвение нужно вознаградить, — заявила Дженни. — Несколько дней без моих шуток, это должно было сделать тебя счастливым. Ага, улыбаешься! Ну, тогда готовься, я сейчас пошучу.

На самом деле ей было не до веселья. И ничего остроумного в голову не лезло — там не было свободного места, все занимала Башня Безумия и то, что в ней можно найти.

— Ладно, — махнула рукой Дженни, — тебе повезло, шутки отменяются из-за дождя. В нашем архиве найдется что-то о Башне Безумия? Расположение помещений, внутренняя планировка — мне все интересно. Я решила заняться архитектурой.

— Что за Башня Безумия? — наморщил брови Реми. — Вроде, знакомое название, но не могу вспомнить.

— На склоне Вулкана, там, где в него упирается улица Каменотесов.

— А, на склоне! Эта земля в пользовании лордов. Там только они и живут. Здесь ты ничего не найдешь, городской страже не позволено проводить там обыски, исключительно черным плащам. Да, я вспомнил! Жуткое сооружение, там еще крылатые статуи. А зачем тебе?

— Говорю же, для занятий архитектурой. Хочу построить что-нибудь легкомысленное и веселенькое. Башня Безумия сойдет как образец.

— Э, ты поосторожней, — забеспокоился Реми, — говорят, мастер, создавший это каменное чудовище, сошел с ума и сиганул с верхушки вниз, на камни.

— Все правильно. Как истинный творец, он просто обязан был сделать что-то, оправдывающее название Башни. Но я придумала, как обойти этот парадокс. Я сперва прыгну на камни, просто так, на ровном месте, а потом уже займусь строительством. Понимаешь? То же самое, но в другом порядке.

— А-а, — глубокомысленно ответил Реми.

— Ну ладно, раз у тебя нет ничего подходящего, я пойду. Мне еще нужно собрать бригаду строителей.

Дженни прошла между погруженными в темноту полками и остановилась перед лестницей. Наверху кто-то стоял, она видела высокий силуэт мужчины.

— Дженни, ты здесь? — окликнули сверху.

Она узнала голос, это Дональд!

— Да, я сейчас подойду!

— Нет, погоди, я уже спускаюсь, — силуэт сержанта Кубера стал уменьшаться, погружаясь в темноту по мере того, как он сходил по древней лестнице, осторожно нащупывая сапогами ступени. — Оставайся там!

Вот он уже рядом, Дженни ощутила в темноте его теплые ладони на своих плечах. Ого, неожиданно! И как не вовремя!

— Дженни, — чуть охрипшим голосом произнес Дональд.

Она почувствовала, что начинает дрожать. Сама себя не узнавая, Дженни чуть качнулась вперед, прижимаясь к холодному мокрому мундиру сержанта. Руки его тоже были влажными, просто она не сразу почувствовала, поскольку и сама недавно бегала под дождем. Дженни не понимала, что с ней, ее разрывали два желания: прижаться еще теснее — или вырваться и убежать. Что-то неправильное, неестественное было в объятиях у темной лестницы.

В пыльном сумраке шуршала влажная одежда, и ладони Дональда скользили по ее предплечьям, смещались, как будто он пытался что-то нащупать. Дженни хотела этого, и одновременно пугалась. Чего пугалась? Ну, например, его разочарования, когда он нащарит то, что ищет, и сочтет, что маловато нашел. Дженни отчаянно хотелось нравиться, но почему это происходит именно сейчас, когда предстоит тысяча срочных дел!

— Ты вернулся из Вексета, — прошептала она, чтобы не тянуть дальше тягостное молчание. — Что там? Что-нибудь нашел?

— Да пусть он сгорит, этот Вексет, — хрипло ответил Дональд, и Дженни была с ним полностью согласна. — Ничего не нашел... неважно...

Голос его стал более сильным, сержант задышал чаще и прерывистей, его ладони, перебирая складки отсыревшего под дождем жакета, уже подбирались к цели.

— Ничего не нашел, — повторил Дональд, и Дженни уже испугалась, что он имеет в виду вовсе не свидетелей исчезновения тамошней разбойничьей шайки. Что «ничего не нашел» относится к тем поискам, которыми занимаются его руки. — А что у тебя? Мне сказали, ты была у префекта, и вы о чем-то сговаривались. Ты знаешь, кто преступник? Расскажи мне, я хочу узнать все.

Что-то было неправильное в его резко охрипшем голосе, в руках — наглых и неуверенных одновременно, в интересе к делу, который возник именно сейчас, когда ему полагается забыть обо всем. Дженни так хотелось, чтобы он забыл! И самой забыться — ненадолго, на минутку, на полчаса... поэтому она пробурчала:

— Нет. Ничего нового.

Дженни попыталась отстраниться, но Дональд не выпускал ее, наоборот, прижал крепче.

— Дженни, пожалуйста... ну, в чем дело? Почему ты не хочешь со мной поделиться? Ведь я могу помочь!

Они сопели и возились в темноте, Дженни уперлась руками в грудь стражника и толкнула, но тщетно, он был сильнее, да еще к тому же его пальцы наконец добрались к цели, и Дженни почувствовала, как слабеют колени, и на лбу выступает пот.

— Отпусти, — из последних сил пропищала она. С голосом тоже что-то случилось, он вдруг перестал служить хозяйке. Да что же это с тобой, Дженни?

— Ты должна мне все рассказать! — шептал Дональд в темноте. — Ты что-то узнала! Я хочу...

— Отпусти, ну! — зашипела она, и, собрав остатки силы воли, пихнула сержанта, который вдруг стал настойчивым, как дождь, который наслали на Эверон Погонщики Ветра. — Убери грабли!

Ее усилия ни к чему не привели, все, что удалось — это оказаться ближе к лестнице, так что Дональд развернулся спиной к архиву, и слабый свет, струящийся изнутри, обрисовал контуры его крупной фигуры. Но обнимал он по-прежнему цепко. Дженни отшатнулась, прижимаясь спиной к шершавым холодным камням, да только отступить было некуда.

Над головой Дональда в полумраке мелькнула тень, звонко хлопнуло, и Дженни почувствовала, что пальцы назойливого сержанта разжимаются, а сам он исчезает, валится куда-то в сторону. Потом Кубер шмякнулся на пол, а вместо него возникла другая фигура — по мягким округлым очертаниям Дженни узнала Реми.

— Чем ты его? — спросила она.

— Сводом поправок к уголовно-процессуальному кодексу за тысяча сто семнадцатый год от Съедения Саламандры, — без запинки отчеканил будущий правовед, а ныне смотритель архива в префектуре Северо-Западного округа столицы.

— Велика сила закона... — Дженни осторожно потыкала туфлей бесчувственное тело, распростертое на полу. — Спасибо, Реми. Это был настоящий подвиг. А ты не боишься, что он сейчас очнется и?..

— Боюсь, — признался тот, — поэтому сейчас приведу дядю, пусть выволочет господина сержанта, который поскользнулся на этих ступеньках в темноте.

— Тогда мне лучше уйти, — решила Дженни, взбираясь по скользкой лестнице. — Спасибо, правда! Я обязательно расскажу Бетти о твоей доблести.

Потом, уже с верхних ступеней, она добавила:

— С меня гоблинский нож!

Старинные обычаи, в отличие от поправок к уголовно-процессуальному кодексу, не заносят в толстенные книги, но это не значит, что они менее смертоносны. Просто их не всегда удобно пускать в ход.

***

Пока Реми смотрел, как она поднимается по лестнице, пока дежурный стражник за столом в конце коридора глядел вслед, Дженни крепилась. Старательно сдерживала шаг и растрепанную одежду поправляла как можно незаметней. Но оказавшись на улице под дождем, уже не могла сдержаться. Хорошо еще, что погода скрыла ее слезы, и капли, стекающие по щекам, легко могли притвориться дождевыми.

Когда она добралась к заведению почтенного Томаса Бира, на лице осталась только дождевая влага. Зато ее было много. Настырный, как руки Дональда, мелкий дождик лил и лил на улицы Эверона. Жители уже привыкли, а вернее — перестали надеяться на окончание ненастья. На улицах былолюдно и шумно, почти как при хорошей погоде. Хватало народу и на подворье торговца лошадьми, но Борд никак не мог затеряться в любой толпе.

Дженни разглядела его макушку, торчащую над крышами, и направилась вокруг длинной стены конюшни. За время, пока она здесь не бывала, тролль дивно преобразился — вместо убогих лохмотьев, в которых он явился в Эверон, на почтенном Бордоймогоркимбахе красовались брюки и рубаха, скроенные, правда, не из сукна, а из дубленой кожи, но зато

выкрашенные ядовито-яркими красками. В такую сырую погоду, кожа имела свои преимущества, она не промокала под дождем. Правда, каменной шкуре тролля, наверное, было все равно, льет с неба вода или нет.

Увидев Дженни, Борд обрадовался и опустил перед ней в грязь, не заботясь, что пачкает свое пестрое великолепие.

— Как твои дела, маленькая госпожа? Ух, как я рад тебя видеть! Гродофур свидетель, как рад! Все ли у тебя хорошо? Не обижают ли тебя стражники?

Борд постучал кулаком в грудь, не найдя иного способа выразить свою радость. Звук при этом возник мощный и гулкий, вроде рокота боевого барабана. На минуту в мыслях Дженни возникла картина Дональда Кубера, болтающегося в воздухе на высоте в два человеческих роста, и его воротника, зажатого в каменной горсти тролля. Но не сейчас!

Идущий путем Хогорта не забывает мелочей, так что рано или поздно наглый сержант еще получит свое. Вот только вытащить бы из Башни Безумия Эрика! Уж он придумает для Кубера что-то более занятное. Эрик был мастером на всякие каверзы.

— Борд, — как можно более спокойным тоном сказал Дженни, — мне нужна твоя помощь. Это очень важно. Сможешь прийти сегодня ночью на улицу Каменотесов? Там еще есть заброшенный карьер, где мостовая заканчивается.

— Ночью я могу добраться куда угодно, маленькая госпожа! Это только днем боюсь на кого-нибудь наступить. Слишком уж людно! А ночью-то, когда улицы опустеют...

Тут тролль сообразил, что именно ночью вершатся всякие странные и не всегда законные дела. Он стал серьезным и спросил, что нужно сделать. Он готов на все!

Дженни остановила рокот его голоса, подняв руку:

— Все не нужно. Но выполнить в точности то, о чем я тебя прошу — вопрос жизни и смерти. Сделай, пожалуйста. Понадобятся доски, гвозди, толстый канат... вот смотри!

Она подобрала прутик и стала чертить в грязи одну шгуку, которую видела как-то на большой ярмарке, где, кроме деток Бурмаля, выступали еще несколько трупп, в том числе одна большая и, кажется, очень знаменитая. Настолько большая и знаменитая, что для выступлений эти артисты ставили шатер. Вот чтобы поднять купол, они и использовали такое приспособление. У тех людей были канаты с крюками, ворота, барабаны и много всяких других устройств. Зато у них не было тролля.

Тогда на ярмарке было весело... Эрик изловил крысу и запустил ее в фургон, в котором приехали женщины большой труппы.

Борд очень серьезно изучил чертеж в грязи, после чего Дженни тщательно растерла свое произведение туфлей. Тролль обещал быть на месте к полуночи, после чего Дженни церемонно пожала обеими руками его мизинец, и они распрощались.

Глава 15. Первый мост Бордоймогоркимбаха

По пути домой Дженни забежала в лавку готового платья и купила костюм трубочиста. Не обращая внимания на удивленного продавца, выбрала самый маленький — кажется, он предназначался для мальчишки ученика. Наряд, мягко говоря, не стильный, но Дженни оценила черный цвет, когда беседовала на крыше с глупым работягой, испугавшимся смертоносных дев из армии Погонщиков Ветра. Черный цвет для черной ночи!

Когда Морко Гучих, невозмутимый, как подобает образцовому дворецкому, отпер дверь, она первым делом шмыгнула к себе и примерила обновку. Потом, вооружившись швейными принадлежностями, стала ушивать в поясе просторные брюки. Заодно убедилась, что преподобный Ингвар и тут оказался прав — у белошвеек пальцы и впрямь должны быть исколоты иглой. И наперстки часто падают на пол и закатываются в самое неожиданное место, откуда их извлечь бывает непросто без помощи богов.

За этим занятием ее и застало возвращение префекта. За ужином Квестин объявил:

— Еще одно занятное событие: тайная стража опечатала редакцию «Зоркого глашатая». Служащие арестованы, их сейчас допрашивают.

— Надеюсь, господин Квестин, это не заставит вас отказаться от дельца? — спокойно спросил Морко.

— Это убедит меня взяться за дельце немедленно, — неохотно ответил префект. — Леди Урсула, идя по нашим следам, собирает все улики. Она делает все, что сделал бы я, если бы не боялся привлечь лишнее внимание. Она идет напролом там, где мне приходилось изворачиваться и находить окольные тропинки. Значит, готовится к последнему решительному шагу — тому же, что и мы. Единственный способ ее опередить — выступить немедленно. Нынешней ночью.

— Именно это мы и собирались сделать! — провозгласила Дженни.

К ужину она явилась в черном костюме трубочиста. Не для того, чтобы похвастаться обновкой, конечно. Нужно же привыкнуть, чтобы не теряться во время самого «дельца».

Квестин не стал отвечать, только кивнул и вернулся к еде. Дженни понимала, о чем он думает. Им-то с гоблином что? Они никто и не рискуют ничем, а префект округа — важный чиновник. С него и спрос строже, если леди Урсула заявится в самый неподходящий момент и все испортит. Но Эдуард Квестин был настроен решительно. Сейчас или никогда. Он долго ждал этого мига, ради него можно поставить на карту служебное положение, достигнутое годами труда.

Дженни думала, что они отправятся, когда стемнеет, но префект велел собираться сразу после ужина. Правда, из-за дождя темнеть начало рано, но причина была в другом. Квестин объяснил:

— Я не хочу, чтобы нас в дверях остановила тайная стража. Леди Урсула вполне на это способна. Представьте, нас задержат, допросят о чем-то второстепенном, и отпустят под утро, когда все будет кончено. Нет, этого шанса я ей постараюсь не предоставить. Идем сейчас.

Дженни надела платье поверх костюма трубочиста, Морко прихватил объемистый саквояж — судя по размерам, там мог уместиться и арбалет. Квестин не взял ничего, кроме своей обычной трости.

Извозчик отвез их вокруг Вулкана, в портовый район, где даже дождевая сырость не могла перебить противный запах гниющих рыбных потрохов. Там они посидели в каком-то убогом кабаке, где на чужаков недобро косились грузчики и моряки. Потом снова взяли повозку и переехали в другое, еще более странное место — таверна у самого порта, где посетители выглядели куда живописнее. Может, это были пираты? Не слишком задержавшись, они прошли пешком несколько кварталов, вел компанию Морко, причем несколько раз они ныряли в проходные дворы и темные подворотни. Дженни догадывалась, что гоблин опасается слежки, и применяет свои старые навыки, чтобы сбросить хвост.

Последний извозчик доставил их к северному склону, и уж оттуда они отправились к улице Каменотесов.

***

Когда добрались на место, была полночь. Небо по-прежнему затягивали тучи, сочащиеся мелким монотонным дождем. Шепот капель и плеск ручьев, сбегаящих по склону Вулкана, глушили звук шагов. Улица Каменотесов была пустынна, все двери заперты, на всех окнах глухие ставни. Если местные обитатели и показывались из домов, то уж никак не ночью, в непогоду.

Троица сообщников подошла к последним домам, за которыми располагался провал — бывшая выработка строительного камня. Сейчас эта яма была залита водой. Квестин огляделся — он был здесь впервые, и для него все было в новинку. В вышине сквозь сырой полог дождя мутными пятнами светились красные окна вилл Повелителей Огня. Ближе всего были бойницы Башни Безумия — несколько бледных прямоугольников, расположенных друг над другом. Кроме окон, в такую погоду было невозможно что-либо разглядеть.

Префект смерил взглядом высоту отвесной стены впереди, прислушался к плеску ручьев, наполняющих мутной водой заброшенный карьер и покачал головой.

— Дженни, что ты задумала? Как мы попадем в Башню?

Она не ответила, потому что была слишком занята — стаскивала мокрую одежду. Хотя под платьем и жакетом на ней был черный костюм из грубого сукна, Дженни ощущала некоторую неловкость, избавляясь от юбки в присутствии двух мужчин. Мокрая одежда сопротивлялась, так что неприятный процесс длился довольно долго, и Дженни была рада, что темнота скрывает ее некстати выступивший румянец. Потом вдалеке возникли тяжелые шаги, гулко захлюпала вода в лужах.

Звуки приближались, и вот в призрачном неверном свете, едва сочащимся из окон Башни Безумия, сквозь дождь проступила громоздкая бесформенная тень — по улице Каменотесов шагал Борд. Охапка толстенных досок на его могучем плече казалась пучком прутьев. Троль приблизился к краю карьера и аккуратно, чтобы не загремело, сгрузил свою ношу.

— Эй, а что это там внизу? — удивленно спросил великан.

Его палец указывал в яму, где плескалась вода. С того места, где остановилась троица, поверхность воды не была видна, но гораздо более рослый троль обратил внимание на странно светлую гладкую поверхность, словно светящуюся в темноте. Дженни, недолго думая, бросила вниз камешек, и тот звонко цокнул и покатился, поднимая волны.

— Это лед, — удивленно заметил Морко Гучих. — Чего бы это лужа замерзла? Сейчас

совсем не холодно.

Дженни присела над обрывом, чтобы разглядеть получше это странное природное явление и... обнаружила стальной костыль, вбитый в трещину между камнями. Все, исключая тролля, сгрудились над ее находкой. Борд, слишком тяжелый, чтобы приближаться к краю, поглядывал через их головы и гулким шепотом просил объяснить, что там наши.

От костыля вниз, к застывшей воде уходил тонкий прочный трос — похоже, кто-то спускался на лед. Зачем? Очевидно, чтобы перейти на другой берег — к Вулкану. Но выдержит ли подтаявший лед новых пешеходов, было непонятно. Да и удастся ли подняться со дна ямы? В общем, было решено не менять план, и воспользоваться помощью тролля. Из принесенных им досок и мотка каната быстро соорудили подобие стрелы того мудреного устройства, которым виденные Дженни актеры поднимали свой шатер.

Троль встал над обрывом, держа конструкцию вертикально. Нижний конец, стоящий на булыжнике, он подпер ножицей и стал медленно опускать верхний на склон горы. Вскоре край доски с тихим скрежетом лег на камни, и Дженни тут же полезла к нему, не дожидаясь, пока ее сообщники будут препираться, кто должен быть первым, да и вообще, выдержит ли их этот мост. Ведь совершенно очевидно, что они не смогут оценить надежность стрелы, пока не испытают ее!

Вскоре она доползла до скального выступа и помахала оттуда. Вторым полез Квестин, он ворчал и замирал, вцепившись в доски, всякий раз, когда стрела под ним скрипела чуть громче или вздрагивала чуть сильнее. Последним был самый тяжелый — Морко. Доски гнулись, потрескивали, но и гоблин преодолел переход.

Троль, оставшийся в одиночестве, вздохнул и растроганным голосом произнес:

— Хвала Гродофуру, а ведь это мой первый мост! Как жаль, что ему так недолго стоять!

— Спасибо, Борд, — сказала Дженни, — не грусти! Мы еще много мостов построим вот увидишь! А теперь приberi за нами и уходи! Завтра я забегу к тебе за этой одеждой и расскажу, чем все закончилось!

Троль принялся возиться в темноте, с тяжкими вздохами разбирая «свой первый мост», а троица начала подъем по склону — туда, где сквозь завесу дождя тускло светили окна Башни Безумия.

***

Двигаться приходилось наощупь, больше доверяя пальцам, чем глазам. Если бы подниматься по склону днем и не в дождь, то ничего особенного в таком деле бы не было. Довольно пологий подъем, и хватает мест, где можно опереться на широкий выступ, передохнуть. Но в темноте, с риском поскользнуться на мокрых камнях... Дженни оказалась впереди, Морко с его протезом немного отстал.

Дженни тихо ойкнула, когда рука наткнулась на нечто гладкое и обжигающе-холодное. Снова кусок льда! Некто и здесь вставил в трещину стальной костыль, а вокруг него намерзла порядочная глыба льда. Дальше был довольно сложный участок, и костыль оказался удобной опорой для ног.

— Кто-то поднимался здесь совсем незадолго до нас, — буркнул гоблин, — кто-то, удивительно похожий на Хозяина Льда!

Эта реплика осталась без ответа, да и что можно было добавить? Разве что сказать, что ни армия Хозяев Льда, ни все войско Погонщиков Ветра не остановит их в пути? Но этого и

не требовалось произносить вслух, и так понятно.

Башня Безумия была уже совсем недалеко, теперь ее то и дело заслоняли выступы, торчащие под самыми невообразимыми углами. Дженни обогнула скалу, далеко выпирающую из тела Вулкана, и перед ней открылся вид на окрестности. Поверхность склона обрисовывали влажные блики, лежащие на мокрых камнях. Она увидела заросли низкорослого кустарника и дорогу, змеящуюся среди валунов. Оказывается, она так увлеклась подъемом, что взобралась выше входа в Башню. Дорога, проходящая чуть ниже, вела к порталу, над которым мерцали светильники. Дальше на склоне можно было разглядеть красные окна вилл. Одна была совсем рядом, и там что-то происходило — вокруг здания мелькали огоньки, в окнах двигались тени. Надо бы поосторожнее... Здесь Дженни остановилась и подождала спутников.

— Что будем делать? Может, просто пройти по дороге? Ведь лорды ходят по ней и не ждут, что таким манером появится кто-то чужой?

Морко хрипло откашлялся и сплюнул:

— Не надо. Ждут или нет, но лучше не показываться. Но вот что... В любую виллу можно было проникнуть не через главный вход, так мы обычно и поступали. Но эта башня... я успел разглядеть — здесь окон-то немальных нет. Я сомневаюсь, что найдется другой способ, помимо этой двери.

Дженни пробежала взглядом по высокому черному силуэту. Да, это настоящая крепость. Есть нависающая над пропастью дыра, сквозь которую сбросили тела убитых людей из Вексета, но ее отсюда не видно, и попасть туда вряд ли удастся. Нужен другой способ. Очертания Башни выглядели очень причудливо из-за украшающих ее бока каменных чудовищ, а также флагов, установленных на верхушке и... и подвешенных на тросах, протянутых к слону Вулкана, из которого Башня выросла, вроде странного цветочного стебля. А окна-то верхних этажей побольше, чем бойницы внизу!

— У меня есть идея, — объявила Дженни, когда все трое налюбовались окрестностями. — нужно подняться еще выше, оттуда я переберусь к верхним этажам, сойду вниз и впущу вас через главный вход.

— Там наверняка охрана, — заметил Квестин.

— Что-нибудь придумаю. В крайнем случае, я всегда могу убраться из Башни тем же способом, через один из верхних этажей. Там окна побольше, я пролезу.

— Я-то вряд ли протиснусь даже там, — с сожалением пробормотал гоблин. — Но ты-то как доберешься наверх?

— Тем же самым способом, которым зарабатывала на жизнь много лет подряд — по канату. Вон он, с флагами.

Полотнища, кажущиеся ночью черными, уныло обвисли под дождем, ветра не было, и канат, протянутый от Башни к скале, представлялся ей достаточно надежным путем. Привычным — это уж наверняка!

В этой части гигантская гора не являлась сплошным подъемом, были и плоские участки, и пологие каменистые пустоши. Наиболее просторные давным-давно заняли Повелители Огня, чтобы выстроить свои виллы. Дженни припомнила: лорды не любят друг друга, отношения между ними всегда натянутые, вот они и расселились по Вулкану. Когда-то этим воспользовалась шайка Морко Гучиха, чтобы обчищать имения Повелителей в отсутствие владельцев, а никто из живущих поблизости не подумал поинтересоваться, что за шум у соседа. Если боги будут милостивы, и теперь никто из соседей не услышит. Да и погода,

созданная Погонщиками Ветра, тоже на руку злоумышленникам.

Тросы, на которых обитатель Башни Безумия развесил свои флаги, крепились в небольшой башенке, расположенной выше по склону. Морко Гучих отправился на разведку и вскоре возвратился с доброй вестью: там никого нет. Башенка эта была выстроена в незапамятные времена как часть ограды имения. Теперь в этой ограде нужда отпала, и никто не стережет подступы к Башне. Дженни это не интересовало, куда больше ее занимал трос. Она проверила крепление — ржавые, но очень мощные крюки и стальные кольца, хорошенько замурованные в древнюю стену. Гораздо надежнее, чем те канаты, по которым она разгуливала на ярмарках!

А уж флаги, пропитавшиеся дождевой влагой, отяжелели и натянули трос так, что на нем не то что пройти — танцевать можно. Поэтому, пока Квестин с гоблином щупали крепеж и тревожно обсуждали, как ловчее подступиться к этому делу, Дженни просто пошла к Башне. Ей и в голову не приходило, что это может показаться поразительным, опасным, да и попросту необычным. Для нее — самый заурядный способ передвижения. Насколько это удивило сообщников, она поняла, пройдя с десятков шагов — префект с Морко забубнили наперебой. Слов она уже не слышала, но их голоса звучали очень тревожно. Тут-то Дженни поняла, что эти двое не понимают, что сейчас она не делает ничего сверхъестественного! Ну что ж, пусть привыкают.

Трос под ногами не прогибался и не дрожал — набухшие дождевой водой темные полотнища тянули его с такой силой, что Дженни, даже если бы захотела, вряд ли могла заставить трос шевельнуться. Не трюк, а беззаботная прогулка. Вот и стена. Тут-то Дженни и столкнулась с первой трудностью. Трос был продет в петлю, торчащую из глухой стены, а до окон слишком далеко, ей не добраться. К счастью немного ниже проходил карниз шириной в полторы ладони, и Дженни, цепляясь за мокрые камни сползла с каната на этот карниз. Выступ вел вокруг округлой стены, и куда он тянется, она не знала. Но тут уж выбирать не приходилось. А вскоре попало и окно. Темное. Свет внутри не горел, а о том, что стекло красное, можно было только догадываться в этой сырой хлоплюющей и шуршащей дождем темноте.

Прижавшись к стене и цепляясь левой рукой за неровности, правой Дженни вытащила гоблинский нож. Окно было достаточно широким, чтобы ей протиснуться без особого труда, да только заперто! Пришлось ковырять раму. К счастью, она оказалась не слишком массивной, к тому же старой и подгнившей. Нужно было вытащить четыре прямоугольных стекла, а для этого — сломать удерживающие их планки. И дело пошло так ловко, что Дженни заторопилась. Спешка ее и подвела. Три стекла она вытащила без труда и уложила на карниз, у своих ног. А четвертое выскользнуло само — не выдержала гнилая деревяшка. Дженни, закусив губу, слушала, как проклятая стекляшка падает, ударяясь о стену, раскалываясь в полете... наконец осколки с дребезжанием свалились на камни у основания Башни.

Внутри мрачного строения не раздалось ни звука. А кто-то должен был там находиться — в окнах нижних этажей был свет. Но звон и стук их не насторожили. Может, все спят? Или для них обычное дело, если кто-то расколотил окно вверху? Как бы там ни было, теперь уже слишком поздно останавливаться.

Дженни заглянула в темноту внутри. Естественно, ничего не увидела, различила лишь едва освещенный прямоугольник двери. Значит, комната, в которую она залезет, не будет заперта снаружи. Она сложила нож, вцепилась в обломки рамы и втянула себя в проем.

Стена была толстенная, так что оконный проем напоминал узенький лаз. По нему пришлось ползти, лежа на боку — иначе не протиснуться. И, конечно, ни Морко, ни Квестин сюда не бы не смогли проникнуть.

Достигнув внутренней поверхности стены, Дженни вытянула руки и соскользнула на пол. Села, привалившись спиной, под оконцем. Снаружи монотонно бубнил дождь, плескались струйки, стекающие по бокам Башни Безумия, а изнутри не доносилось ни звука.

Вставать и что-то делать не хотелось. Так тихо, так спокойно было в этой пустой комнате, пахло пылью, из окна тянуло сырой свежестью. Но время неумолимо уходило, ночь не будет длиться вечно! А где-то рядом ждет Эрик. Дженни встала и снова вытащила нож, подарок Морко. Пора.

***

За распахнутой дверью была винтовая лестница. Дженни находилась на одном из самых верхних этажей, ступени вели и вверх, и вниз. Источников света не было, но кое-где на древних балках тускло мерцали широкие пятна плесени. В этом мертвенном свете все казалось мрачным и таинственным.

Судя по грязи и пыли, покрывавшей и ступени, и стены, а также по светящейся плесени, которую никто не убирал, этот этаж был необитаем. Дженни попыталась припомнить странную архитектуру Башни — очень широкое основание и дальше — быстро сужающийся с каждым этажом столб. Внизу более просторные помещения — наверное, там и обитает лорд Грегил Вестокен, а верхушка башни никому не нужна.

Дженни стала медленно спускаться, прижимаясь к стене и держа наготове нож. Она преодолела три лестничных пролета, прежде чем оказалась в широкой части Башни, где впервые встретились следы присутствия людей. От лестницы вел короткий коридор, там горели светильники, и можно было различить несколько дверей. Убедившись, что коридор пуст, Дженни быстро проскочила выход на этаж и прошла еще немного. Новый этаж — новый выход в коридор, заметно более длинный, чем тот, что остался этажом выше. На полу мохнатая ковровая дорожка, стены покрыты полированными панелями красного дерева, а лампы, освещающие все это великолепие, горят в красивых медных абажурах, которые крепятся к стене ажурными витыми ножками.

Из-за приоткрытой двери доносились мужские голоса. Акустика здесь была странная, и Дженни отлично различала каждое слово, хотя говорящие не повышали голоса.

— Я испытал все, мой лорд. Перепробовал разные способы, которыми обычно пользуются благородные люди. Он не отзывается.

— Значит, пробуй еще и еще. Изобрази что-то новенькое, — по тону этого человека Дженни поняла, что он улыбается. — Я же знаю, ты мастер на такие штуки. Пробуй клещи, каленое железо... словом, ты понял. Не мне тебя учить, верно, Винс?

— Мой лорд, я боюсь его покалечить.

— Правильно, бойся. Он понадобится мне живым и здоровым. Когда придет время... о, когда наконец придет время! Представляешь, как загогочут наши жирные гуси в палате лордов, когда их начнет убивать Хозяин Льда! Прямо в их виллах! На Вулкане! В сердце Эверона!

— И сколько они заплатят тому, кто их спасет и защитит! — угодливо подсказал тот, кого лорд назвал Винсом.

— Не нужно все мерять золотом, Винс. Я думаю об удовольствии. И потом, мой брат постоянно нуждается в источниках возмущения против Хозяев Льда. Я дам ему отличные доказательства... хотя удовольствие на первом месте, конечно на первом!

Голос лорда — а это, конечно, был Грегил, больше некому — Дженни показался и знакомым, и незнакомым одновременно. Он ли крикнул: «Мне надоело!» — на площади Тысячи Столбов? Возможно, очень возможно... но уверенности Дженни почему-то не ощущала. У того интонация была другая, он нервничал, и голос срывался на визг.

А вот что она поняла точно — это то, что разговор шел об Эрике. Ведь это Эрик Хозяин Льда, сын принца Гренвея. Лорд Вестокен хочет, чтобы Хозяин Льда начал убивать в Эвероне, для этого и понадобился ее бедный брат... но что с ним делает Винс? И зачем? И, главное, где? Нужно скорее впустить в Башню Квестина с Морко Гучихом. Вместе они найдут ответы на все вопросы. Например, на вопрос, долго ли осталось жить младшему лорду Вестокену.

***

Дженни спустилась пролетом ниже. Здесь снова был коридор, ряды дверей по обе стороны прохода. Но комнатенки, судя по их количеству, небольшие, на полу — никаких ковров, а светильников всего два на весь этаж, да и плафоны совсем простенькие. А снизу поднимались ароматы съестного, из чего Дженни заключила, что там кухня. Эти два этажа она миновала, почти не задерживаясь — не дольше, чем требовалось, чтобы прислушаться и убедиться, что никто не приближается к лестнице.

И, наконец, последний этаж. Снизу тянуло холодом и сыростью, Дженни сразу это почувствовала, когда стали зябнуть ноги в промокших брюках. Здесь она пошла осторожнее, ведь возле входа наверняка есть охрана. Там должен находиться привратник, а то и двое! Однако, как она ни прислушивалась, не различала ничего, кроме мерного стука падающих капель. Вот и последние ступени. Прижимаясь насквозь к холодным камням у основания лестницы, она ловила малейший шорох, но, помимо капли, слышала лишь шорох дождя.

Наконец Дженни решила и заглянула в темноту на первом этаже. Бросила быстрый взгляд и юркнула обратно — под прикрытые стены. Там обдумала смутную картину, которую успела различить в полумраке. Помещение было просторным, и почти целиком погружено во мрак. И это очень странно! Зачем же охраннику сидеть в темноте? Тем более, лежать! А он именно лежал — неподалеку от двери, края которой молочно светились. Странно, непонятно! Там определенно лежал человек, распластался на мокром полу, в луже, которая натекла от двери. Он был вооружен, рядом с ним на полу длинной полосой отсвечивал клинок, и на голове была каска, Дженни точно различила блики на полированной поверхности. И лужа вокруг него тоже поблескивала. Свет сочился снаружи сквозь щель, потому что дверь неплотно прилегала к косяку.

Ну вот что, решила Дженни, если я буду торчать здесь в сомнениях, дело не двинется. Она снова заглянула — в просторной привратницкой ничего не изменилось. Страж все так же валялся у двери грудой тряпья и стальных доспехов и не делал попытки подобрать короткий широкий меч. В проеме с неплотно прикрытой дверью, что-то двигалось, смещалось в темноте, но Дженни поняла, что это капли воды стекают на пол и наполняют широкую лужу, в которой лежит охранник. Она осторожно приблизилась к неподвижному телу, переступила его и протянула руку к двери. Вдоль косяка тянулся толстый слой

молочно-белого налета. Холодного. Это лед!

Дженни, избегая прикасаться к полосе льда, толкнула дверь и выглянула наружу. От двери в ночь шла дорога, рядом с которой громоздились валуны, поросшие чахлым кустарником. Сверху струился свет из окон, в этих полосах света к земле тянулись серебристые линии — дождь. Дженни огляделась и подняла руку, надеясь, что Морко с префектом сейчас ее видят. Из-за нагромождений булыжников поднялись две темные фигуры и заскользили к Башне сквозь расчерченную дождем темноту. Дженни отступила в привратницкую, пропуская соучастников. Префект и гоблин склонились над телом охранника.

— Чем ты его? — прошептал Квестин.

— Это не я! — испуганно ответила Дженни.

— Это не она, — эхом отозвался Морко Гучих, — Хозяин Льда проткнул его сосулькой, кровь в ране разбавлена водой. И дверь он открыл, заморозив воду, которая стекала по косяку. Так попал сюда.

— Наверху много людей, лорд и слуги, они ничего не знают, — вставила Дженни.

Она коротко пересказала разговор лорда с Винсом.

— Тогда поспешим, — решил Квестин. — Сперва Эрик, его наверняка держат в подвале. Здесь где-то должен быть ход вниз. Дженни, теперь держись сзади, ты уже сделала довольно. Позволь действовать нам.

Она и сама не собиралась лезть вперед, потому что тысячу раз успела обдумать, насколько самонадеянно поступила, когда проникла в Башню в одиночку. Морко — тот знает, как себя вести в подобном месте, а она? Конечно, сейчас ночь, слуги Повелителя Огня спят, но сам-то он, оказывается, вполне бодрствует. И кое-кто из подручных тоже. Винс этот...

Как Дженни и предполагала, первым пошел гоблин с взведенным арбалетом наготове. Бесшумно, невзирая на деревянную ногу, он скользнул в соседнее помещение, и тут же позвал остальных. Второй охранник, такой же мертвый и холодный, обнаружился сразу за дверью. Этот и меча достать не успел. Оружие Хозяина Льда сразило его на месте. Морко решил разжечь свечу, найденную на столе. В дрожащем свете огарка Дженни увидела, как кровь мешается с талой водой в луже, растекшейся под телом. Оружие из льда, сделав свое дело, исчезло без следа.

Новая комната, там было сложено оружие и доспехи... и наконец лестница, ведущая вниз, в тело Вулкана! Дрожащий огонек свечи в руке Морко, пополз вниз, раскачиваясь в такт неровной походке калеки. Но гоблин по-прежнему не издавал ни звука, шагая по ступеням. Дженни успела разглядеть, что он обмотал протез тряпкой. Квестин остановился, давая Морко время на разведку, и Дженни шепотом спросила префекта, давно ли здесь побывал Хозяин Льда. Его холодные клинки успели растаять, потому что их омывала кровь, но на двери-то слой льда — все еще ого-го! Квестин только плечами пожал.

Но долго раздумывать не пришлось, потому что Морко позвал вниз. В подземелье стражи не оказалось, и можно было осмотреться спокойно. Тюремный подвал представлял собой площадку, в полу которой были вырублены четыре отверстия, перекрытые решетками. Три из них пустовали, похоже, давно. Морко поднимал огарок, разглядывал грязный пол, едва прикрытый охапками прелой соломы, и шел дальше. У четвертой ямы он задержался, и Дженни тоже подошла глянуть. Ей было страшно и горько: неужели она встретит брата в таком месте? Что с ним сделали, как он перенес долгий срок в таком ужасном месте? Эрик,

такой веселый, легкомысленный, солнечный — и в этом мрачном темном подземелье?

На полу четвертой ямы валялись неопрятные клочья, лохмотья и обглоданные кости, а решетка была сдвинута с места, совсем немного — так что сквозь дыру можно было пролезть только очень худенькому человеку. Кому принадлежат кости, Дженни не поняла, да и не пыталась, зато Морко уверенно объявил:

— Господин Квестин, вы можете передать Крысиному Королю, что его пропавшие молодые подданные нашлись.

Префект буркнул что-то неразборчиво. А Дженни уставилась на Морко — что тот будет делать дальше? Эрика здесь нет! А гоблин уже шагнул к новой двери, ведущей в темноту. Она была приоткрыта, а замок, большой и тяжелый, валялся рядом на полу, обросший льдом. Под замком растеклась лужа — лед уже таял.

Морко погасил свечу и скользнул внутрь. Немного позже за дверью щелкнуло кресало и огонек появился снова.

— Я уверен, что Эрика держали здесь, — заявил Морко.

И Дженни бросилась к нему, едва не сбив с ног Квестина, который сунулся первым. Она влетела в вырубленную в скале камеру и остановилась, озираясь. Морко, зажав арбалет подмышкой, водил высоко поднятой свечой, чтобы оглядеться получше. Здесь имелся выступ, вырубленный в теле скалы, он мог служить ложем узнику. Была цепь со стальным ошейником, сломанная и облепленная кусками льда. Была жаровня, погасшая и остывшая, был стол, на котором зловеще поблескивали острые стальные предметы. Слишком короткие, чтобы служить оружием, и слишком зловещие на вид, чтобы быть чем-то иным... Еще была небольшая пила, клещи, тиски... Дженни пошатнулась, потому что ноги вдруг отказались служить. И дыхание перехватило, она едва смогла выдать из себя:

— Что... что это такое?

— Ну, понимаешь... — Квестин, вошедший следом и остановившийся за спиной Дженни, тоже уставился на стол. — Понимаешь... это... ну...

— Чтобы пробудились способности лорда Повелителя Огня, юный аристократ должен испытать душевное потрясение, — ответил более хладнокровный Морко. — Обычно это достигается, если причинить будущему Повелителю сильную боль.

— Как правило, обходились небольшим порезом, — подхватил Квестин. — И, вероятно, с Хозяевами Льда то же самое. Если Эрик не отозвался после традиционного обряда, то боль усиливали.

— Его здесь пытали? — упавшим голосом произнесла Дженни.

О, Трохомор и все боги, что ее брату пришлось пережить в этом подземелье, пока она шила себе новое платье, покупала леденцы и флиртовала с красивыми молодыми людьми! Дженни разозлилась на себя: почему она так медлила? Почему не нашла это место раньше! Бедный Эрик... да только где же он? Хозяин Льда... она догадалась! Прозрение нахлынуло, окатило и заставило замереть.

Морко и префект что-то говорили, гоблин взял сломанный ошейник и натянул загрохотавшую цепь. Три шага. Не больше, чем три шага мог сделать на этой цепи узник. Но Дженни думала о синих глазах, похожих на кусочки льда. Как разволновался Ингвар, когда увидел герб принца Гренвея! Как озирался, решив, что Дженни знает его тайну! Он подумал, что рисунок со звездой — это намек! Ну, преподобный... Так вот зачем он советовал Дженни не спешить! Так вот о каком могуществе Хогорта толковал! О могуществе Хозяина Льда! Ну, преподобный... ну, преподобный...

— Хозяин Льда, — пробормотал Квестин, словно отвечая на мысли Дженни, — он пришел забрать своего сородича. Только откуда он взялся в Эвероне? И как узнал, где искать?

Мысли Дженни заметались: как быть? Рассказать о преподобном Ингваре? Или лучше промолчать? Что хуже? Но спутникам было не до нее.

— Хозяин Льда позаботится об Эрике, — твердо заявил гоблин. — А у нас еще остались незаконченные дела, не так ли?

— Идем, — кивнул Квестин. — Дженни, тебе лучше выйти из Башни и спрятаться. А еще вернее — поискать дорогу в город. Здесь скоро может стать очень жарко.

— Вот еще! Я с вами!

— Это не обсуждается, — бросил префект. Никогда прежде он не говорил с Дженни так резко. — У тебя есть брат, которого ты еще можешь найти. А у нас с Морко Гучихом нет никого.

— Кроме тебя, — вставил гоблин, протягивая связку ключей от дома на Горшечной улице, восемьдесят четыре. — Помни о нас, если не выпадет больше увидеться. Это очень важно, когда о тебе помнят. Я очень прошу: помни о нас.

— Мы оба просим, — подтвердил Квестин более мягким тоном. — А теперь ступай. Уходи, пожалуйста, Дженни ниоткуда. Мне будет спокойней, если ты окажешься как можно дальше от этого ужасного места.

Они втроем прошли комнату с четырьмя ямами, потом поднялись по лестнице, потом миновали комнату со сложенным оружием... Дженни глотала стекающие по щекам слезы и старалась не подать вида, что плачет. Квестину и Морко сейчас нужно сохранять спокойствие. Конечно, она никуда не сбежит, но сейчас — пусть увидят, как она вышла из Башни. Действительно, так им будет спокойнее, и это очень важно в том деле, которое они задумали. Спокойствие очень важно. Спокойствие... да только откуда ему взяться — здесь и сейчас?

Глава 16. Немного ясности в отношениях

Дженни как раз подошла к наружной двери Башни и взялась за ручку. Пальцы свело от холода. Полоса льда все еще была толстой, капли талой воды стекали по ней в широкую лужу на полу. И тут на лестнице раздались голоса — кто-то спускался сюда с верхних уровней, и этот кто-то был не один, потому что голоса разные.

Морко мгновенно оказался рядом с Дженни и вытолкнул ее наружу, чтобы захлопнуть дверь. Потом он поволок мертвого стража в темноту, Дженни это видела в щель. Гоблин с префектом задули свечу и затаились, ожидая появления гостей.

В привратническую вошли трое. Одного Дженни узнала без труда — тощий долговязый тип со шрамом на щеке. И голос тоже знаком — лорд Грегил называл его Винсом. Вот все и сошлось. Вторым был приземистым и мощным, с бритой башкой, он держал в руке лампу, третьего она не рассмотрела, этот шел последним и не успел покинуть тень, когда Морко поднялся из-за стола с арбалетом в руках.

Щелкнула тетива, и Винс, молниеносно отшатнувшись, ухватил бритоголового. Здоровяк шагнул вперед, увлекаемый чужой рукой, и охнул — стрела вошла в его бочкообразную грудь. Квестин выскочил из тени и взмахнул тростью. Никогда прежде Дженни не видела, чтобы степенный префект двигался так быстро. Третий из слуг Повелителя Огня, внешность которого Дженни так и не успела разглядеть, вскинул обе руки, защищаясь, и медный набалдашник трости обрушился на них. Хрустнула кость, слуга взвыл, последовал еще один удар.

А Винс с длинным ножом и Морко с разряженным арбалетом в руках уже кружили в центре комнаты, на свободном от мебели пространстве. Лампа, которую выронил бритоголовый, не разбилась и не погасла, красноватый свет стелился над полом и играл на кусочках льда в луже. Это напомнило Дженни площадь Тысячи Столбов, когда она очнулась после нападения Повелителя Огня. В луже плавал лед, тогда тоже лед! Это сила Хозяина Льда помогла ей пережить удар пламени. Но как и откуда эта сила тогда взялась?

Она уже догадалась, откуда взялась лужа возле фургона — это из бочонка, который наполнил предусмотрительный Пьер, чтобы потом поить лошадей. Но откуда в луже взялся лед? Откуда, Веспер бы его взял, туда попал лед? Точно такой же лед, как здесь, в Башне Безумия...

— Эй, а я тебя помню, гоблин! — прошипел Винс. Он остался один, но не выглядел растерянным, напротив — казался собранным и уверенным в своих силах.

Человек со шрамом сделал быстрый выпад, в его руке блеснула сталь.

— Я тебя тоже помню, — буркнул Морко, отбивая удар арбалетом. — Хочешь, еще одну отметку на рожу поставлю?

— Попробуй, — ухмыльнулся слуга, — только вот ног у тебя с прошлой встречи поубавилось. Попробуй, зеленый.

У лестницы булькал и тяжело кашлял бритоголовый, жизнь вытекала через рану, проделанную стрелой, но это был очень сильный человек, он царапал стрелу пальцами и все еще дышал. Его приятель, получивший удар тростью по голове, затих на полу и не подавал признаков жизни.

Гоблин швырнул в Винса арбалет и прыгнул следом. Винс пригнулся и встретил атаку

широким взмахом клинка. Сталь проскрежетала по стали, и противники отпрянули в стороны. Когда Морко атаковал снова, ему на помощь пришел Квестин. Он обошел Винса и бросился сзади, взмахивая тростью. Но человек со шрамом, двигаясь невероятно быстро, успел и отбить этот удар, и снова отразить выпад гоблина. Теперь уже по небольшому помещению кружили трое.

Дженни только глазами хлопала, глядя на быстрые выпады и отскоки. Некоторое, совсем непродолжительное, время Винс только защищался — он оценивал противников. А потом и сам стал атаковать, и это было невероятно. Он двигался все быстрее и быстрее, он умудрялся грозить одновременно и Морко, и Квестину. Обоим приходилось нелегко. Дженни мигом оставила мысль ворваться в привратницкую с криком и треском. Какая от нее будет польза? Только под ногами у своих путаться. И она молчала, впившись пальцами в поросшую льдом дверь. Под ее руками стекала талая вода, спину заливал дождь, но Дженни не замечала холода, все ее внимание поглотила невероятная битва.

В неверном красном свете металась тень, слышалось тяжелое дыхание и топот, потом одна из теней, самая короткая, согнулась и отшатнулась в сторону. Квестин, выронив трость и прижимая обе руки к животу, попятился. Винс бросился к нему, чтобы добить, и Морко, припадая на покалеченную ногу, широко шагнул наперерез, он и Винс едва не столкнулись под скрежет стали. Замерли, стискивая друг друга в объятиях, лезвия клинков хрустели, терлись между их лицами, и каждый боялся ослабить нажим. Винс шатнулся в сторону, увлекая гоблина, и ударил коленом. Морко отступил, споткнулся и упал на пол. Человек со шрамом навалился на него сверху, заноса нож, и лезвие сверкнуло в свете лампы, потом молниеносно упало... сверкнуло снова, уже окровавленное... Взлетела зеленая лапа гоблина, впиалась в запястье Винса, противники снова замерли. Нож Винса медленно-медленно опускался.

Квестин на четвереньках полз к сражающимся, но он не успевал. И Дженни бросилась к замершим на полу фигурам. Завизжала, схватила Винса за уши, дернула из всех сил. Окровавленный нож метнулся к ней, но Морко держал запястье Винса и не собирался выпускать. Дженни, не прекращая орать, дергала злосчастные уши, и еще колотила коленом по согнутой спине слуги.

Перед ее носом просвистел тяжелый набалдашник трости и с глухим треском врезался в голову Винса. Дженни разжала пальцы и отступила, тяжело переводя дыхание после криков. Винс повалился на Морко и замер. Квестин тяжело качнулся и опустил трость, он едва дышал, все силы ушли на то, чтобы доползти и нанести последний удар.

— Посмотрим, что с Морко, — прохрипел он. — Ему, кажется, сильно досталось.

Дженни с трудом разжала пальцы гоблина, стиснувшие запястье Винса. Пульс едва-едва прощупывался на перевитой мышцами зеленой руке.

— Что здесь за визг? Кто вы такие? — прогремел с лестницы голос лорда Грегилла.

Дженни испуганно оглянулась — Повелитель Огня стоял на лестнице, разглядывая распростертые на полу фигуры слуг и непрошенных гостей. Судя по выражению лица, картина ему совсем не нравилась. Да и он пришелся Дженни не по душе. Тощий, сутулый, черноволосый тип. Вроде бы совсем невзрачная внешность, но колючие глубоко посаженные глазки с пляшущими в них яростными огоньками делали Грегилла Вестокена по-настоящему страшным.

На нем был роскошный халат, черный, с красными отворотами.

— А впрочем, неважно, — Повелитель Огня поднял руки, направляя раскрытые ладони

к привратницкой. — Неважно!

В его голосе прозвучали истеричные нотки, и теперь Дженни была уверена, что именно этот человек кричал: «Мне надоело!» — на площади Тысячи Столбов.

***

Руки Повелителя Огня, стоящего на лестнице, замерли. В распахнутых ладонях затеплились огоньки... Дженни зажмурилась. Ну, сейчас... Но миг шел за мигом, а ничего не происходило. Она рискнула приоткрыть один глаз. Второй и сам распахнулся от удивления. Лорд Грегил не смотрел на взломщиков, он пялился в дверь. На пороге стояла... леди Урсула с толстенной книжищей подмышкой.

— Никому не двигаться, — устало сказала она.

Начальница тайной стражи шагнула внутрь, из-за ее спины полезли, подталкивая друга, воины в черном. Вороненая сталь бряцала на их плечах. В привратницкой мгновенно стало тесно.

Среди солдат показался осанистый вельможа с длинным узким лицом. Держался он важно, хотя и заметно было, что собирался наспех. Но даже торопливо одевшись, он выглядел истинным лордом.

— Грегил, что у тебя происходит? — хорошо поставленным глубоким голосом спросил вельможа.

Растерянный хозяин Башни медленно опустил руки.

— Молчать, лорд Мариан, — все так же невыразительно произнесла леди Урсула. — Вопросы буду задавать я.

— Но я имею право знать, что происходит! — вспыхнул старший Вестокен. — Вы врываетесь в мой дом во главе шайки головорезов, ищете какую-то книгу, тычете мне какой-то вырванный листок... Мне, депутату парламента, главе фракции! Лорду Вулкана, в конце концов! Я имею право задать вопросы!

Дженни с запозданием поняла, что хихикает и не в силах сдержать истеричный смех. Страшная леди Урсула с недовольством перевела на нее взгляд, и солдаты косятся... но Дженни было невыносимо смешно: книга! Вырванный листок! Важная улика! Конечно, теперь понятно, что за суету она видела на ближайшей к Башне Безумия вилле! Это тайная стража обыскивала библиотеку Мариана Вестокена в поисках книги с вырванным листком. А на листке — герб принца Гренвея! Ха-ха-ха! Гордая леди не спускалась в подземелья ратлеров, не рыдала над оторванным от рубахи Эрика рукавом, не бегала под дождем, не шла по канату над пропастью, не дралась с убийцами на службе Повелителя Огня...

Леди Урсула конфисковала медальон в «Дрейкензере и компаньонах», допросила сотрудников «Зоркого глашатая», кто-то из них раскололся и признал, что сообщил одному из братьев Вестокенов, где искать трупку Бурмаля... в библиотеке Мариана нашлась книга с вырванной страницей... Сколько улик! И все равно Урсула в итоге оказалась там же, где и Дженни с друзьями! Да еще второй! Она опоздала! Она оказалась второй! До чего смешно!

Леди Урсула отвела взгляд от хихикающей Дженни и уставилась на Грегила:

— Лорд, вы задержаны по подозрению во множественном убийстве.

— Погодите, — снова перебил ее старший из братьев Вестокенов. — Грегил только что заявил, что отправляется добровольцем на Гранделин. Добровольцам полагается амнистия

всех преступлений, парламент сегодня принял соответствующий закон. Эверону нужны солдаты. Слышишь, Грегил? Ты доброволец и с первым же флотским конвоем отплывешь на юг! Всякое уголовное преследование в отношении добровольца должно быть прекращено! Ты меня хорошо понял?

— Я возвращусь с победой, брат! — картинно подбоченился младший Вестокен.

Щелкнула тетива, в груди лорда Грегила невесть откуда объявилась короткая толстая арбалетная стрела. Дженни не видела, как Морко пришел в себя, как добрался к арбалету, как успел зарядить... да и никто этого не видел. Она бросилась к гоблину, который снова лежал ничком и не подавал признаков жизни. Но Квестин успел ее опередить. Он схватил гоблина за плечо и тряхнул:

— Морко! Ты жив? Отвечай!

Взметнулась зеленая рука и вцепилась в горло префекта. Тот захрипел и, выпустив плечо дворецкого, стал отдиравать его пальцы от собственной шеи. Дженни помогала ему и слышала, как он сипит:

— Ну, ни дать, ни взять — старые добрые времена. Пока гoblin жив, он дерется!

Лорд Мариан что-то возмущенно бурчал, леди Урсула коротко прикрикнула на него... Дженни не слушала, что там они кричат.

Общими усилиями им с Квестинном удалось оторвать зеленую пятерню от шеи префекта. И тут Дженни ощутила, что кто-то склонился над ними. Она испуганно оглянулась и встретила взглядами с леди Урсулой.

Квестин быстро прошептал:

— Если с нами что-то случится, завтра же подробности появятся в газетах. Я заранее позаботился об этом.

— Думаете, я испугаюсь газетной трескотни? — так же шепотом ответила Урсула. — И с чего вы взяли, что я хочу вашей смерти? Во всяком случае, сегодня?

Она выпрямилась и громко произнесла:

— Можете забрать своего зеленого друга и проваливать отсюда. Конечно, завтра вам придется объяснить, как вы попали в Башню.

— Я преследовал преступника, которого упустила тайная стража, — ответил префект. Помните стычку у «Радостного обжоры»? Вон он валяется, ваш беглец. Его сообщники... ктс бы они ни были, но они пытались помешать аресту, они были вооружены, и мы действовали в порядке самообороны.

— Отлично. Я ценю ваше рвение, но дальнейшее расследование в юрисдикции моей службы. Представитель городской стражи не имел права проводить арест на Вулкане. Это явное превышение полномочий! Надеюсь, вы понимаете, что пост префекта теперь придется оставить?

— С радостью оставлю, — процедил сквозь зубы Эдуард Квестин. — И с чувством исполненного долга.

Он покосился на мертвого Повелителя Огня. Лорд Мариан стоял над братом, скрестив руки на груди и без всякого выражения на лице смотрел, как тлеет и обугливается торчащее из груди мертвеца древко арбалетного болта. Над раной плясали крошечные язычки пламени.

Морко застонал и открыл глаза.

— Вставай, дружище, мы уходим, — префект (или, вернее, теперь уже бывший префект) подхватил гоблина под руку.

Тот сел и первым делом спросил:

— Мой господин, вас сильно порезали? Я видел, что этот мерзавец достал вас ножом.

— Ерунда, старина, на мне же кольчуга, — заверил Квестин. — Обопрись на мое плечо и идем.

Гоблин тяжело поднялся. Префект и сам с трудом держался на ногах, поэтому Дженни пришлось влезть между ними и поддерживать обоих. Так, в обнимку, они не без труда протиснулись в дверь. Снаружи было полным-полно солдат в черном. Среди них Дженни заметила Дональда Кубера. Вороненая сталь была ему очень к лицу, он смотрелся еще более мужественно, чем в красном мундире. Да еще красивые золотые нашивки, свидетельствующие о его офицерском звании!

Ну, конечно... теперь понятно, почему он так подолгу пропадал во время недавних отлучек, почему так добивался от Дженни, чтобы рассказала последние новости о расследовании... Очень, очень понятно! Вот зачем Дональд, преодолевая свое безразличие, распускал руки в архиве! А может, не преодолевая? Может, не было никакого безразличия? Нет, было! Было! И еще было служебное рвение! Дженни затрясло бы от злости, но на нее навалились двое раненых, это весьма действенно предохраняло от тряски.

Кубер шагнул навстречу медленно ковыляющей троице и неуверенно сказал, обращаясь в основном к Дженни, стиснутой между двумя ранеными:

— Я... понимаешь... я был должен... Мой гражданский долг и...

— И жалование лейтенанта тайной стражи, — перебил его Квестин. — Видеть тебя не хочу, предатель.

— Я бы дала тебе по рылу, — задумчиво разглядывая лейтенанта Кубера, заявила Дженни, — да только видишь, руки заняты. Обнимаюсь с двумя великолепными кавалерами. Так что отвали с дороги.

— Вынужден заметить, — кривясь от боли, заявил Морко, — ваши манеры, госпожа, не соответствуют... ох-х...

— Не соответствуют облику благовоспитанной девушки? — подхватила незаконченную фразу Дженни. — Конечно, признаю, я сплеховала! Ведь ты подарил мне нож, а я не догадалась им воспользоваться! Вот благовоспитанная барышня ка-ак всадила бы Винсу нож под ребра!

Квестин издал кудахчущий звук. Он смеялся. Гоблин тоже уронил рыкающий смешок, и Дженни, задыхаясь от навалившейся ноши, хихикала вместе с ними.

Они, посмеиваясь, заковыляли по дороге, огибающей склон Вулкана и ведущей вниз. Прошли мимо суеты во дворе виллы Мариана, светящей сквозь дождь красными окнами... долго брели по склону, хлюпая дождевой водой, которая струями сбегала с горы... В воротах им пришлось задержаться. Тамошней охране велено было не пропускать никого. Пришлось ждать. Пока посылали гонца к леди Урсуле в Башню Безумия, пока тот возвратился с разрешением для чужаков...

На улице за крепостной стеной стояла стальная карета. Немой кучер, кутаясь в плащ, дремал на облучке.

— Я увольняюсь, старина, — сказал ему Квестин. — Я больше не твой начальник.

Немой сошел на мостовую, отворил тяжелую железную дверцу, помог всем трем забраться внутрь и сделал несколько знаков натянутыми в перчатку пальцами. Дженни догадалась, что он хочет сказать: «Я тоже увольняюсь».

Глава 17. Загадки Сотни Храмов

Они просидели до утра — отмывшиеся, перебинтованные и уставшие. Приятно было снова и снова вспоминать каждую реплику, каждый шаг и каждый удар... Когда чернота за окном сменилась серым сумеречным светом, Дженни в сотый раз рассказывала, что она узнала голос Грегилла Вестокена в тот момент, когда он завизжал: «Неважно! Неважно!»

Подражая крику лорда — как ей казалось, очень похоже — Дженни махнула серебряным стаканчиком, который как раз взяла со стола, и несколько капель бренди пролилось.

— Ты устала, — мягко сказал Квестин. — Да и я, честно говоря, неважно себя чувствую после такой веселенькой ночи.

— Но вам понравилось? — тут же надела на него Дженни. — Скажите честно, вам понравилось? Потому что если вы скажете, что нет... если скажете, что приключениям конец, то я даже не знаю, как жить дальше.

— Но ведь приключениям действительно конец, — покачал головой Морко. — Мы добились своего. Я так уж точно. Знаешь, Дженни, я никогда не задумывался, что буду делать после того, как убью Повелителя Огня. Все мои планы не шли дальше этого мига. Я не думал... что буду делать?

Дженни оглядела стол, уставленный мисками и кое-где смоченный бренди из ее стаканчика.

— Я надеялась, что ты уберешь посуду, — вздохнула она. — Я бы помогла, честное слово, но почему-то встать не могу. И потом, дело не окончено! Это вы с господином Квестином выполнили все, что собиралась, а я? Я же так и не нашла Эрика! А что если он в опасности? Что, если Хозяин Льда хочет того же, что и Повелитель Огня?

— Нет, зачем ему? — удивился Квестин. — Я понимаю мотивы Вестокенов. Они же постоянно твердили о лазутчиках северян в Эвероне. Я точно знаю, что леди Урсула совершенно серьезно их разыскивает. Веспер меня забодай, до нынешней ночи я был убежден, что это вранье, что никаких лазутчиков нет! Что шпионы северян — выдумка, пущенная для подогрева милитаристских настроений в простонародье! Но я своими глазами видел лед. Северный шпион в самом деле проник в наш город. Однако Эрика он не станет обижать. Не для того вытащил беднягу из Башни Безумия.

— А я думаю, мотив и у него найдется, — заспорил Морко, — представьте себе: Повелитель Огня начинает убивать своих. Какой тогда поднимется переполох в виллах на Вулкане! Лорды перегрызутся, запрутца в своих виллах, каждый будет с подозрением глядеть на соседей, и никто не отправится на Гранделин. Северные принцы заинтересованы в поражении Эверона. Если Эрик — сын Аметильды и Гренвея, то он скорее унаследовал дар матери, чем отца. А натравить его на Повелителей Огня теперь проще простого. После того, что он перенес в Башне Безумия! Да он будет счастлив отомстить, нам ли не знать, господин?

— Никогда не думал, что ты так силен в политике, — с недовольством пробурчал Квестин.

Он хотел успокоить Дженни, но гоблин помешал этому плану.

— Это не политика, это обычное дело: когда против тебя сильная банда, ты хочешь

поссорить ее членов между собой.

— А я все-таки считаю, что Хозяин Льда будет добр с Эриком, — заявил разжалованный префект.

— Решено! Значит, завтра... вернее, сегодня мы это уточним наверняка, — прервала их спор Дженни. Она допила бренди, остававшийся в ее стаканчике, с трудом встала и теперь пыталась поймать равновесие, держась за край стола. — Ох, никогда бы не подумала, что что ходить по кухонному полу окажется так тяжело! Морко, ты не мог бы протянуть канат отсюда до моей комнаты? По канату я дошла бы без труда, проверено!

— Погоди с канатом, — насторожился Квестин, — что мы уточним и как?

— Уточним, что Хозяин Льда собирается делать с Эриком, что же еще? — пробормотала Дженни, раскачиваясь, как маятник, и цепляясь за стол, который один в этой комнате оставался надежным. Все остальное тряслось и шаталось, особенно пол.

— Но как?

— Просто спросим. Вежливо. Но настойчиво. Вы меня проводите? А то у меня с настойчивостью проблемы. Вернее, с устойчивостью. Вернее, с ними обоими.

— У кого спросим? — растерялся Квестин.

— У Хозяина Льда, — терпеливо объяснила Дженни. — Морко, канат! Пожалуйста!

— Я знаю более просто решение!

Гоблин схватил Дженни в охапку, перекинул через плечо и зашагал к двери. Морко очень быстро восстановил силы после ранения, подумала она. Ну, почему ее не задела ножом в драке? Наверное, тогда бы она тоже себя лучше чувствовала... и могла бы идти самостоятельно... по канату... протянутому от кухонного стола в ее комнату... к кровати... к самой подушке...

***

Наутро Дженни пришлось держать ответ: что ей известно о Хозяине Льда, который скрывается где-то в Эвероне. И никакие отговорки не помогали! Дженни оправдывалась тем, что не сама не помнит, что наболтала, что была не в себе после переживаний, под конец заявила, что ее предательски подпоили, и это бесчестно!.. Морко с Квестинном, которые, конечно, сговорились заранее, только улыбались и заговорщически подмигивали в ответ на все обвинения.

— Ладно, — сдалась Дженни. — Слушайте. Вы же знаете, что истина открывается в храме? Так вот, собирайтесь. Мы отправляемся в долину Сотни Храмов. Вы дорогу-то туда осилите? После вчерашнего? Осилите... Хм, обидно.

Когда они вышли из дома, дождя не было. Более того, серая дымка над городом казалась совсем тоненькой. Вот-вот, и проглянет солнце. Его даже можно было разглядеть — бледный подслеповатый диск за облаками. На улице было полно народу, все спешили воспользоваться перерывом в непогоде. Сновали прохожие, ратлеры с удвоенной энергией копошились, жевали и сгребали в кучи.

Пришлось несколько кварталов пройти пешком, прежде чем удалось поймать извозчика. К счастью, возница попался не болтливый, он больше щурился, поглядывая в небо, которое светлело с каждым шагом его понурой лошаденки.

На площадке у магазинов со свечами и амулетами, где заканчивалась дорога, было довольнолюдно. Многим эверонцам одновременно пришла в голову светлая мысль: возблагодарить небесных покровителей за улучшение погоды, поэтому торговля шла бойко. Многочисленные боги, которым поклонялись жители города, требовали совершенно разных подношений — от живых лягушек до шаров, выточенных из кости и красного дерева.

Люди заходили в лавки, обменивались приветствиями, увидев знакомых, показывали друг другу покупки, обсуждали новости — и все попеременно задирали головы, вглядываясь в серый слой облаков. Все ждали, когда покажется солнце. Вокруг каменистой площадки, где обосновались торговцы, громоздился туман. Нынешний день выдался теплее обычного, и над болотами встала стена испарений.

Троица обогнула толпу, все подобрали по камню и направились по тропинке, ведущей к храму Трохомора. Спутников Дженни выбранное ею направление, конечно, не удивило — они видели проступающий сквозь туман золоченный купол, ну, а поскольку Дженни попала в Эверон со странствующей труппой, естественно, ее богом был Трохомор. Они помалкивали и ждали, что истина, как обещала Дженни, откроется в храме.

Но за пару десятков шагов до островка, принадлежащего Хогорту, им пришлось остановиться. Здесь собралась порядочная толпа, так что места на тропе не хватало и те, кто оказался с краю, рисковали угодить башмаками в сырое топкое месиво за пределами тропы, усыпанной камнями прихожан. Причиной задержки были солдаты тайной стражи — двое в черных доспехах стояли на пути и запрещали идти дальше.

Люди, зажатые на узкой прогалине, разумеется, были возмущены, но протестовать против действий тайной стражи, как обычно, никто не решался. Поэтому копящееся раздражение изливалось на тех, кто подошел позже, им кричали, чтобы не напирали. Морко тут же услышал несколько реплик в свой адрес. Дескать, нечего делать гоблину в храме человеческого божества.

Морко смерил крикунов взглядом и подбросил на ладони камень. Камнями, конечно, запаслись все, но соревноваться с гоблином в искусстве метания никто не собирался.

— Куда ни пойду, повсюду тайная стража, — скривился Морко. — И явные болваны тоже.

Но Дженни не слушала, она энергично проталкивалась сквозь толпу прихожан, пока не остановилась перед солдатами в черном.

— Проход закрыт, барышня, — привычно бросил стражник. Эту фразу он сегодня уже произнес раз пятьдесят. — Служебная необходимость.

Дженни уставилась мимо него — у храма Хогорта стояли солдаты, то и дело кто-то входил внутрь или выходил. Рядом с любимой скамьей Ингвара переминалась с ноги на ногу леди Урсула. Она обернулась и махнула рукой солдатам. Те посторонились, отходя к краю тропы:

— Вот и все, почтенные, можете следовать по своим делам.

Дженни выбрала местечко там, где можно было встать у обочины без риска промочить ноги и подождала, пока толпа рассеется, а прихожане Трохомора покинут этот участок тропы. Сама она осталась на месте и глядела, как Урсула осматривает всевозможное барахло, которое солдаты выволокли из храма. Обыск заканчивался, но трофеев было совсем мало, да и то большей частью культовые принадлежности, вроде свечей, поношенных накидок с капюшонами, блюд с застывшими потеками воска, статуэток, глиняных подсвечников и тому подобного.

Но вот из дверей показался солдат, направился к начальнице, на ходу расправляя еще одну находку — рубаху, запятнанную темными потеками.

— Не нужно стоять на виду, — сказал, подходя к Дженни, Квестин, — пойдем, пока леди Урсула не глядит в нашу сторону. Ты же собиралась вести нас в храм Трохомора?

— Нет, — пробормотала Дженни, — не к Трохомору.

Она не сводила глаз с находки стражников — у рубахи не хватало рукава. Урсула отнеслась к этой тряпке без особого почтения — махнула солдату рукой, чтобы бросил в общую кучу. Тут-то и заметила старых знакомых на тропе. Нахмурилась и поманила к себе.

Квестин что-то недовольно проворчал, Морко издал тяжелый вздох, но Дженни уже шагала к грозной начальнице стражи. Она сама себе удивлялась — страх перед леди Урсулой куда-то исчез! Хоть тресни, совсем не боялась она этой сухощавой маленькой женщины. Скорее жалела старую дуру — вон, даже не поняла, что ей стражник приволок! Бедная, бедная...

Дженни настолько забыла о былых страхах, что даже вышла вперед, когда троица предстала перед леди Урсулой. Остановилась, полезла за пазуху и вытащила аккуратно сложенный кусок застиранной ткани, рукав рубахи. С тех пор, как рукав попал к Дженни, она с ним не расставалась. А теперь протянула леди Урсуле:

— У вас там в куче все остальное, так вот и это можете забрать...

Начальница тайной стражи несколько раз мигнула, вглядываясь в подарок. Потом быстро покосилась на грудь улик, вынесенных из храма Хогорта, и спросила:

— Что это?

Голос леди дрогнул.

— Это рукав рубашки Эрика, он из Башни Безумия. Вы ведь Эрика ищете. Это рукав о рубашки, которую нашли в храме. Эрика кто-нибудь видел?

Из тумана, затянувшего болота позади святилища, выступили темные фигуры — солдаты тайной стражи. Они были перепачканы болотной грязью, облеплены пучками серой травы, а роскошные доспехи вороненой стали покрылись тиной. Унтер-офицер с роскошными усами, старший среди них, остановился перед начальницей и многозначительно поглядел на Квестина, Дженни и Морко.

— Говори, — нервно дернув щекой, приказала Урсула.

— Мы шли по следу, госпожа, — доложил унтер, — пока не начали проваливаться по пояс. Нынче теплый денек, как назло, и лед тает быстро.

Усатый стражник в самом деле проваливался по пояс, это несложно было понять по его одежде, мокрой ниже талии.

— Священником в этом храме был лазутчик из Морвена, — пояснила Урсула, обернувшись к Дженни. Невесть с чего она снизошла до пояснений. — Он наследил в Башне Безумия, нам удалось отыскать кое-какие приметы, которые вели сюда. Когда мои люди пришли к храму, он заморозил болото и сбегал через трясины, которая считалась непроходимой. Господин Квестин, можете снова пошутить насчет очередной блестящей операции тайной стражи.

— Не стану, ваша милость, — произнес Квестин, — я больше не префект и не обязан поддерживать престиж своей службы.

— Стоило вас уволить хотя бы ради этого, — процедила сквозь зубы леди Урсула.

Потом, обернувшись к унтер-офицеру, спросила:

— Сколько их было, беглецов?

— Мы видели две цепочки следов.

— Он ушел, и Эрик был с ним, — заключила Дженни.

— Эрик, да, — со странными задумчивыми интонациями, негромко произнесла начальница тайной стражи.

Усатый унтер поклонился и очень поспешно попятился. Наверное, был рад, что леди задумалась и не ругает его.

— Эрик, мой племянник, — повторила Повелительница Огня, разглядывая Дженни, — и ты была ему... вроде как... сестрой?

— Была сестрой, — твердо поправила Дженни. — И, между прочим, ничего не изменилось. Если позволите, мы пойдем дальше, к храму Трохомора. И так задержались. А мне больше нечего сказать.

— Ступайте, — кивнула леди.

Они отошли шагов на десять, когда раздался окрик Повелительницы Огня:

— Постойте, погодите!

Леди Урсула с недостойной своего титула и звания поспешностью семенила по тропинке, придерживая обеими руками узкую черную юбку. И камешки, брошенные прихожанами, с хрустом раскатывались из-под ее туфель. Подбежав, она заговорила неуверенным тоном:

— Квестин, вы ведь знаете, что за сведения о моей сестре Истригсы обещали тысячу золотых? Предложение остается в силе, теперь оно распространяется и на детей Аметильды. Вторую тысячу я прибавлю от себя. Если вам удастся что-то разузнать... о моем племяннике...

— Я непременно сообщу вам, госпожа, — склонил голову бывший префект.

— Две тысячи! Золотом! — прокаркала леди Урсула им в спины.

***

Камни, принесенные Дженни и ее спутниками, в этот раз достались Трохомору. Больше старому покровителю бродяг не перепало ничего — ни молитвы, ни даже мига внимания этих троих прихожан. Они зашли в храм только чтобы скрыться с глаз начальницы тайной стражи, которая так и осталась стоять на тропе и пялиться вслед.

Изнутри храм небесного заступника нищих был украшен не менее богато, чем снаружи. Повсюду позолота, яркие краски и сотни свечей, чтобы все это осветить и заставить сверкать. Стоя в толпе прихожан, Дженни шепотом пыталась отвечать на вопросы, которыми ее засыпали Морко и Квестин. Но ответы выходили сбивчивые, невнятные, так что в конце концов Квестин махнул рукой:

— Дома обсудим. Как бы там ни было, откровения, которые ты приносила из долины Сотни Храмов, всегда были очень ценными. Это я помню.

— Я сама не знала, что он шпион, — вздохнула Дженни.

Какая разница, шпион или нет? Главное, что он был веселым и славным. И у него чудесные голубые глаза. Но Морко и Квестина интересовало совсем другое... и вряд ли Дженни знала о преподобном Ингваре достаточно, чтобы удовлетворить их интерес.

Но главное, похоже, он в самом деле был готов позаботиться об Эрике, вытащил из

Башни Безумия, взял с собой, убегая от стражи... дал чистую одежду... Дженни надеялась, что тот Ингвар, с которым она знакома, будет добр с Эриком. Других оснований так считать у нее не имелось, но и эти казались достаточно надежными. К тому же, она надеялась, что брат рано или поздно даст о себе знать, ведь Ингвар расскажет ему, что Дженни жива, что она в Эвероне. Конечно, это случится не сразу, поскольку Ингвар скрывается от тайной стражи. Но при первом же удобном случае...

***

В храме Трохомора было оченьлюдно и шумно. Люди — кто в лохмотьях, кто в золоте — бормотали молитвы, перечисляли свои жалобы и просьбы, адресованные высокому покровителю, бросали монеты в чашу для пожертвований, поджигали свечи... отличное местечко, чтобы забыться. Здесь было так много суеты, красок и звуков, чтобы погрузиться в них с головой. И Дженни постаралась раствориться в суете.

Когда вышли из храма, оказалось, что дымка рассеялась, солнце светит всюду, а туман отступает в болота. Несмотря на стелящуюся над долиной Сотни Храмов вонь, настроение сразу улучшилось. Да и паломники оживились, то и дело кто-то останавливался, подставляя лицо солнечным лучам и блаженно жмурился.

Они возвращались по тропинке, усыпанной камнями... Храм Хогорта опустел, тайная стража убралась. Потом болото осталось позади, троица отправилась на поиски извозчика.

— Что же теперь будет? — спросила Дженни.

Ее жизнь до сих пор была подчинена одной цели — покарать убийцу и спасти Эрика. Но лорд Грегил Вестокен мертв, а Эрика увел шпион, которого Дженни знала под именем Ингвар. Настоящее ли это имя? Наверное, нет. Как его найти? Вряд ли это удастся Дженни, если вся тайная стража не сумела.

— Что будет... — задумчиво повторил за ней Квестин. — А, Морко?

— Сегодня на ужин жареные сосиски, — невозмутимо ответил дворецкий, — если, конечно, мой господин ничего не имеет против.

Дженни уже давно поняла, что из всех поварских инструментов Морко Гучих в совершенстве владеет только ножами. Вероятно, по этой причине меню в доме на Горшечной улице, восемьдесят четыре, не отличалось разнообразием. Сосисками гоблин кормил примерно пять-шесть раз в неделю.

— Сосиски? Отлично! — тут же с показным энтузиазмом отозвался Квестин. — М-да, э ведь я теперь без работы. Интересно, полагается ли мне пенсия? Я до сих пор как-то не задумывался. Нужно будет придумать себе какое-то занятие, ведь я не старик, чтобы просиживать с утра до вечера в «Удаче» и обсуждать с другими старыми олухами передовицы «Зоркого глашатая».

— А я... — начала Дженни.

И вдруг сообразила, что не знает, чем заняться. Пристать к какой-то странствующей труппе? Но Эрик должен объявиться, как же он найдет сестру, если та пустится в странствие? Поискать работу в Эвероне? Но кем она может устроиться? Какой у нее опыт? Вряд ли кому-то понадобится работница, умеющая ходить по канату и разбирающаяся в тонкостях сыска.

— Я, пожалуй, готов разделить с тобой работу по дому, — обратился к ней Морко. — Ты прошла испытание. Возможно, справишься.

— Но разве я не... не должна уйти? — с запинкой произнесла она. — У меня есть деньги, я могла бы поискать жилье...

— Моя племянница не будет искать жилье, пока я владею домом в Эвероне! — твердо сказал Квестин. — Тем более, Морко давно нужен помощник.

Дженни почувствовала, что краска приливает к щекам. Конечно, она была рада и не хотела бы покидать гостеприимный дом на Горшечной, восемьдесят четыре. Но все же... все же... жить нахлебницей у «дяди», да еще он как раз уволен со службы. И тут ее осенило.

— Я знаю! — радостно объявила она. — Я знаю, чем мы будем заниматься! Это сразу решит массу вопросов!

— Что ты надумала? — обернулись к ней Морко и Квестин.

— Мы откроем сыскное агентство! И будет очень весело!

— Мы откроем сыскное агентство! — торжественно повторила Дженни. — А что? Вед Квестин отличный специалист, а Морко обладает обширнейшими и полезнейшими связями. Ну а что касается моих талантов... сегодня у вас был шанс от меня избавиться, но вы им не воспользовались.

Тут подкатил извозчик, высадил пассажиров, и тройца забралась в коляску. Квестин назвал неизвестный Дженни адрес, и возница пустил лошадку.

— Куда мы? — спросил Морко.

— Еще одно незаконченное дельце, — пояснил бывший префект. — Заедем в ратлерскую контору. Передам его величеству, что пропавшие молодые подданные нашлись. Помните яму в Башне, а? Это последнее, что мне осталось сделать в качестве префекта.

Извозчик остановился у приземистого здания — там постоянно находился представитель Крысиного Короля, принимал заказы и решал всевозможные дела с городскими чиновниками. Квестин собирался передать через него послание монарху подземного царства. Пока он ходил на переговоры, Дженни все обдумала.

— Представьте себе, — начала она расписывать светлое будущее, когда коляска снова тронулась с места, — у нас над входом будет шикарная вывеска. Название я еще не придумала, надо будет изобрести нечто солидное, но веселенькое. Посоветуемся сегодня за ужином, и решим. Сосиски помогают воображению! Комнату рядом со входом переоборудуем для приема клиентов. Там поставим стол, вроде того чудовища, что в старом кабинете Квестина на втором этаже префектуры. Только я не дам захламлять его бумагой, буду каждый день убирать. А то ваш стол, дорогой дядюшка, казался просто каким-то филиалом ратлерского царства. Такое нагромождение всякой всячины — ему место только под землей, где не светит солнце!

Квестин с Морко обменялись странными кивками. А Дженни, переведя дыхание, быстро продолжила:

— В моей комнате я устрою архив, буду хранить все документы по старым делам, чтобы иногда читать на сон грядущий. Это отличное средство от бессонницы. В подвале... нет, подвал мы не будем использовать... а, на чердаке! Наверх ратлеры точно не доберутся, и всякое бесполезное барахло там можно держать в безопасности. Трубочисты и сами не сунутся, это я беру на себя... Так вот, на чердаке будет склад улик и вещественных доказательств... погодите, а почему вы со мной не спорите? Ну? Что за странные улыбки? Вы всегда сначала спорите, так давайте! Чем раньше начнете препираться, тем раньше я вас уговорю.

— Да мы не собираемся спорить, — ответил Квестин. — Но это довольно сложное дело, частный сыск.

— А то я не знаю! — глубокомысленно изрекла Дженни. — Я же только этим в Эвероне и занималась!

За несколько кварталов до дома они рассчитались с извозчиком, чтобы немного пройтись пешком и поговорить без свидетелей — насколько это было возможно на людной улице.

Мимо пробежал мальчишка с сумкой, набитой желтыми газетными листами.

— «Зоркий глашатай»! — орал он. — Свежие новости! Последние события! Катастрофа на Вулкане! Несчастный лорд Грегил Вестокен погиб в результате несчастного случая! В своей лаборатории! При испытании новейшего образца смертоносного оружия! Его брат клянется довести дело до конца и завершить исследования!

— Странно, что не пишут о происках Хозяев Льда, погубивших пылкого естествоиспытателя, — заметил Морко.

— Тайная стража скрывает свой позор, ведь шпиона упустили. Вероятно, это оно из условий соглашения, заключенного Урсулой и Марианом, — предположил Квестин. — Ни слова о шпионе, ни слова об истинных виновниках смерти, ни слова об Эрике Истригсе, ни слова о преступлениях Грегила.

— Нечего уводить разговор в сторону, — твердо заявила Дженни. — Давайте о сыскной конторе!

— Дженни, ты хотя бы представляешь себе, сколько сыскных контор в Эвероне? — вздохнул Квестин. — Это же конкуренты! К нам никто не пойдет!

— На Горшечной улице мы будем единственным заведением подобного рода, — отрезала Дженни. — Никаких конкурентов!

Троица как раз свернула на Горшечную, где было немного тише. Тут Квестин неожиданно покладисто заметил:

— А почему бы и нет? Ведь чем-то же заниматься нужно, в самом деле. Ну и что, что к нам никто не обратится? По крайней мере, с вывеской не будем казаться бездельниками...

— Почему никто не обратится? — искренне удивилась Дженни. — Если мы будем единственным... нет, я хочу сказать: если мы будем лучшим сыскным агентством на Горшечной улице!

Ее речь прервал веселый окрик:

— А мои дорогие друзья! Мои славные знакомцы! Мы теперь будем соседями!

Перед троицей предстал никто иной, как старый добрый Джек Джек. Только его теперь было не узнать — бывший преступник выглядел нарядным и преуспевающим.

— Я купил дом на Горшечной улице, чтобы открыть собственное дело! — тараторил он, суется перед Дженни, Квестином и Морко, поочередно заглядывая в глаза каждому и отпихивая возмущенно пищащего ратлера ногой, обутой в начищенную новенькую туфлю. — Теперь мы с вами соседи, а это очень славно, потому что иметь в соседях таких прекрасных замечательных людей... и гоблинов, и, конечно же, гоблинов — это великая удача! Смотрите, друзья мои, смотрите! Вот дом, в котором вам всегда будут рады! Милости прошу, посмотрите, как я устроился, добро пожаловать!

Джек Джек указал на здание с новехонькой вывеской, разрисованный такими яркими красками, что глядеть на это великолепие было больно. На огромном щите было каллиграфически выведено огромными буквами:

«ЧАСТНЫЙ СЫСК!!! ВНИМАНИЕ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ!!! ВСЕ ДЛЯ В. ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТВО ДЖЕКА ДЖЕКА!!! ИСПЫТАЙ ЕГО — ТЫ ОБАЛДЕЕШЬ!!!»

Перед зданием стояли семеро мужчин и радостно улыбались, слушая своего предводителя. Среди них выделялись габаритами два коренастых крепко сбитых гоблина. Все прилично одеты, да только Дженни наметанным глазом видела, что они не привыкли к одежде такого покроя. У нее даже мелькнула шальная мысль, что это труппа актеров примерила сценические наряды. Но истина, разумеется, заключалась в другом.

— Это твоя старая шайка, Джек? — спросила она. — Ребята Бода Камбалы?

— Истинно так, барышня, — подтвердил тот. — Раз уж вы так много знаете, то скажу напрямик: да, это они. Те, кому, как и мне, не нравилась бородавка на носу Бода. Я теперь достаточно богат, чтобы открыть свое честное дельце, ну и решил дать им шанс. Они имеют право на участие в моем успехе, у каждого — доля в предприятии.

— Акционерное общество, — подсказал Квестин.

— Именно! Я зарегистрировал акционерное общество. И будьте спокойны, мы законопослушные граждане Эверона, всегда готовые сотрудничать со стражей. Обращайтесь, господин префект, вам будут рады в этом доме.

— Я больше не префект, — уточнил Квестин, — вчера уволен. Так что, Джек, тебе придется налаживать дружбу с кем-то другим, когда он обоснуется на прежнем моем месте.

— Жалко, Трохомор видит, как жалко, — прижал руку к груди бывший вор. — В нашем сыском деле очень важно дружить с префектом, уж это я уяснил крепко.

— Так что зря ты устроил логово рядом с домом господина Квестина, — оскалился Морко. — Новый префект вряд ли окажется соседом.

Из здания с ярчайшей вывеской выплыла молодая женщина. Румяная, округлая и складная, с внушительным бюстом.

— Джек, солнышко, — пропела она низким грудным голосом, — чтоб тебя Веспер на рога поднял! Ты торчишь на улице, когда в конторе ничего не сделано! А вы чего ждете, лоботрясы? Думаете, мебель сама себя расставит? Живо за работу!

— Иду, любовь моя, — откликнулся, лучезарно улыбаясь, Джек Джек, — иду, мое сокровище! Иду, чтоб тебя Вилена наградила!

«Наградами Вилены» в Эвероне именовались дурные болезни, но женщину это пожелание не обидело, напротив, она встретила его благосклонной улыбкой. А толпа подручных Джека бросилась в контору с похвальной прытью. В этой компании, несомненно, царили мир и согласие.

— И что ты скажешь теперь, Дженни ниоткуда? — улыбнулся префект. — Нам не удастся стать единственным сыским агентством на Горшечной улице!

— Тогда остается только одно, — покорно согласилась Дженни, — стать лучшим.

Больше книг на сайте — Knigolub.net